

А.Ф. Старцев

ОРОКИ - ОРОЧЁНЫ, А НЕ УЙЛЬТА!

К проблеме этногенеза
ороков Сахалина

Владивосток
2015

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.Ф. Старцев

**ОРОКИ –
ОРОЧЁНЫ, А НЕ УЙЛЬТА!**

**К проблеме этногенеза
ороков Сахалина**

Владивосток
Дальнаука
2015

УДК 390(=571.642)
И90

А.Ф. Старцев. Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 163 с.

В монографии на основе литературных источников и архивных материалов рассматриваются проблемы этногенеза и этнической истории ороков Сахалина, более всего известных под этнонимами *ольчи*, *ульчи*, *уйльта*, *ульта* и *уйльта*. Исследование представляет собой серию разделов, в которых рассматриваются проблемы этногенетического характера и доказывается, что этнической основой ороков были звены северной части Охотского побережья, сыгравшие значительную роль в происхождении этноса несколько веков назад. Многочисленные этнические названия – это не разные фонетические звучания термина *уйльта*, а разные названия субэтнических групп ороков Сахалина.

Книга предназначена для этнографов, антропологов, историков и всех, кто интересуется историей коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

Рецензенты: к.и.н. Т.Ю. Сем, к.и.н. Е.В. Рудникова

Утверждено к печати учёным советом
Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Исторические сведения об ороках Сахалина (вторая половина XIX – первая четверть XX в.).....	11
2. Отражение проблемы этногенеза ороков Сахалина в трудах советских и постсоветских исследователей.....	21
3. Противоречия в трудах Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга.....	40
4. Слепая вера в непогрешимость кумиров науки чревата последствиями	52
5. Этнические причины миграций населения Охотского побережья, Приамурья и Приморья в XVII в.....	61
6. Территория обитания предков ороков и время их переселения на Сахалин	71
7. Охотские орочёны в системе этногенеза и этнической истории народов Приамурья, Приморья и Сахалина	77
8. Этнографические параллели в материальной культуре охотских эвенов, ороков Сахалина, орочей и удэгейцев бассейна Амура	85
9. Распространение понятия орочёны-оленоводы у тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока.....	99
10. Этнонимы ороков Сахалина и их этимология в отечественной этнографической литературе	114
11. Вместо заключения, или общий взгляд на проблему этногенеза и этнической основы ороков Сахалина	132
Список использованной литературы и источников.....	151
Список сокращений	161

ВВЕДЕНИЕ

В этнографической науке наиболее сложным является изучение этногенеза и этнической истории народа. При детальной разработке этой проблематики учитываются сведения о материальной и духовной культуре этноса, его языковые особенности и другие аспекты народной культуры. Если проигнорировать хотя бы один из них, то исследователь, изучающий проблему этногенеза, может пойти по ложному пути и не достигнуть желаемого результата.

В наши дни в изучении народов Приамурья и Сахалина актуализировалась проблема этногенеза ороков, известных под этнонимом *уйльта*. Исследованиями происхождения этого народа занимались Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, В.Н. Васильев, Б.А. Васильев, Т.И. Петрова, М.Г. Левин, А.В. Смоляк, Ю.А. Сем, Т.П. Роон, А.М. Певнов, В.М. Косарев и др., а с 1997 г. на протяжении пяти лет современную культуру ороков совместно с одним из университетов г. Хельсинки изучали сотрудники Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Л.И. Миссонова, Д.А. Функ, А.П. Зенько и др.

Первые исследователи основное внимание уделяли не самой культуре ороков Сахалина, а местности, на которой они обитали. Именно с этой

целью изучались фауна и флора, геологические особенности и полезные ископаемые территории, занимаемой ороками, а их культура и хозяйственная деятельность, а также бытовые проблемы исследовались лишь попутно. Почти не затрагивались вопросы этногенетического характера: родственные связи разных этнических групп ороков и этнокультурные контакты с другими народами Приамурья, Приморья, Сахалина и Охотского побережья.

Особенности исторического и культурного развития ороков исследователи разных поколений второй половины XIX – XXI в. выявляли непосредственно среди самого этноса и его ближайших соседей – ульчей, негидальцев, орочей, удэгейцев и других народов, которые приняли определённое участие в его этногенезе.

На протяжении полутора веков было предложено несколько концепций происхождения ороков. Одни исследователи считали, что ороки – это тунгусы, спустившиеся в низовья Амура со Станового хребта [Шренк. 1883], другие говорили, что это Удские или Охотские тунгусы, переселившиеся на Сахалин в XVII в. [Невельской. 1969; Смоляк. 1954], третьи утверждают, что предки ороков со своими оленями шли от границ Кореи до Татарского пролива, а оттуда перебрались на Сахалин [Косарев. 2009]. Есть мнение, что предки ороков появились со стороны верховьев Амура, обосновались в низовьях, а затем перебрались и на Сахалин [Сипин. 2013].

По мнению всех исследователей, этническую основу ороков составили эвенки, оказавшие значительное влияние на их язык и наделившие этот народ многими элементами оленеводческой культуры. Кроме этого, все без исключения считают, что этнические названия *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *ульта* и *уйльта*, которыми ороки Сахалина называли сами себя, по законам фонетики тунгусо-маньчжурских языков представляют собой разные фонетические звучания одного термина, закрепившегося в научной литературе в конце XX в. в форме *ульта*.

Концепция данного исследования по своему содержанию значительно отличается от других точек зрения. Автор предполагает, что предками ороков являются местные жители, которые в виде этнографической группы находились в составе мангунов –

населения Нижнего Амура¹. Впоследствии эта группа слилась с тунгусами северной части Охотского побережья и переселилась на Сахалин. Иной взгляд у автора и на проблему многочисленных этнических названий ороков. Вышеотмеченные пять этнонимов – это не один термин (*уйльта*), имеющий разные фонетические звучания, а пять субэтнических названий ороков Сахалина, каждое из которых связывается с конкретной территорией и имеет свою этимологию. Кроме этого, автор считает, что этнической основой ороков Сахалина стали не удские или охотские тунгусы (эвенки), не тунгусы Станового хребта и не *нани* бассейнов Сунгари и Уссури, а орочёны-эвены (ламуты) Охотского побережья, которые, слившись с местным населением несколько веков тому назад, распространили свой этноним среди негидальцев, орочей Императорской Гавани и ороков Сахалина. Чтобы доказать свою точку зрения, автор использует многие этнографические работы досоветских и советских учёных, а также исследования антрополога М.Г. Левина, который указывает на значительные антропологические отличия эвенков и ламутов (эвенгов) [Левин. 1947, с. 91; Левин. 1958, с. 149], а сравнивая антропологический тип ороков с народами Охотского побережья и Амура, отмечает, что байкальский антропологический тип «наиболее выражено представлен у сахалинских ороков... и... у негидальцев» [Левин. 1946, с. 66], что «ороки и негидальцы в целом обнаруживают сходство с ламутами...» [Левин. 1949а, с. 27–28].

В исследованиях других специалистов также говорится, что появление эвенков на территории Охотского побережья, Приамурья и Сахалина произошло после прихода туда эвенгов. Таким образом, ороки – это не те охото-удские тунгусы, которые, как считали Г.И. Невельской и его последователи, поселились на Сахалине в XVII в. Ороки – это и не эвенки рода Киле, как считает А.М. Певнов, ассимилировавшие кур-урмийских нанайцев и обособившие будущих ороков в низовьях Амура [Певнов. 2001, с. 217], потому что эвенки из рода Киле, как показывают исследования Ю.А. Сема, появились в низовьях Амура только во второй половине XIX в. [Сем. 1973, с. 16].

¹ Л.И. Шренк тоже считал, что в составе мангунов находились предки ороков Сахалина.

К сожалению, мы мало знаем о событиях конца XVII в. – первой половины XIX в. Почему в народной памяти ороков не сохранилось, а вернее, до сих пор не выявлено этническое самоназвание, выраженное в едином национальном этнониме? Почему «настоящих» ороков так мало (37 чел.) и почему у ороков Сахалина так много этнических имён?

По мнению Л.И. Шренка и ряда филологов, этнические самоназвания ороков тесно связаны с тунгусским термином *орон* – «домашний олень», считается, что от него произошли названия *ороки*, *орочи*, *орочёны* (*орочены*, *орочоны*) в значении «оленеводы». Л.Я. Штернберг, согласившись с этим мнением, выдвинул идею, что орокские названия *ольча* и *ульча* появились из слова, которым ороки называли своих оленей. «Олень, – писал Штернберг, – на языке ороков звучит *алья*, *уля*, а отсюда *ольча*, *ульча*». Эти орокские названия, по мнению учёного, соответствуют тунгусскому понятию *орочон* – «оленеводы» [Штернберг. 1933, с. 396].

На разные этнические названия (*ольчи* и *ульчи*), которыми ороки обозначали сами себя, обращал внимание ещё С.К. Патканов, когда обрабатывал материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. Именно он в 1906 г. впервые, правда, не совсем определённо, высказался, что «...ороки... называют себя *ульча* (т.е. „ольчами“)» [Патканов. 1906, с. 132]. Несколько конкретнее по этому поводу писал В.К. Арсеньев: «слово „ольча“ есть искажённое русскими название одного из родов „ульча“ (или ещё вернее – „уильта“)» [Арсеньев. 2012, с. 562], но более определённо сказал А.Н. Липский, пояснив, что термин *ульча* является новым написанием слова *ольчи* [Липский. 1925, с. XLIII].

Данные авторы, зная этнические и языковые особенности аборигенов Нижнего Амура, и в мыслях не допускали, что *ольчи* и *ульчи* могут относиться к разным самоназваниям. Они не подозревали, что кроме фонетических законов в языках тунгусо-маньчжуров существовали и «законы» формирования и развития этносов, состоящих из нескольких этнографических групп одного народа, имеющих не только основной этноним, но и дополнительные территориальные названия.

Пока речь шла только об ороках Сахалина, называвших себя *ольча* (*ольчи*) [Исторические отчёты. 1866, с. 26, 44, 75, 99], *ульча* [Поляков. 1883, с. 81] и *ульта* [Васильев. 1929, с. 5], а также при учёте существующего в языке ороков фонетического закона, когда при определённых обстоятельствах звук [о] заменяется на [у], а [ч] – на [т], можно было согласиться, что этнонимы *ольчи*, *ульчи* и *ульта* представляют собой разные фонетические звучания одного названия. Поэтому, исходя из вышесказанного, вопросов ни к этнографам, ни к филологам не возникало. Но с появлением у населения низовьев Амура этнического названия *ульчи* возник вопрос, почему орокский этноним *ульча* стал достоянием другого народа – мангунов низовьев Амура?

В публикациях ответов на него нет, хотя сами современные ульчи утверждали, что этим названием они пользовались для обозначения ороков Сахалина. Об этом же писал и Н. Каргер.

Однако если филологи признают, что в тунгусо-маньчжурских языках при определённой ситуации проявляется фонетический закон замены звука [о] на [у] (как это показывается на словах *ольчи* и *ульчи*), а также [ч] на [т] (термин *ульча* может звучать как *ульта*), то данный закон должен проявляться не только в языке ороков, но и в языке современных ульчей, поскольку языки этих этносов очень близки. Так, если к названию *ульча* применить фонетический закон замены звука [ч] на [т], то мы из слова *ульча* получаем термин *ульта*, соответствующий одному из этнических названий ороков Сахалина. Таким образом, возникающая идентичность этнических названий у ороков Сахалина и ульчей Нижнего Амура свидетельствует, что в прошлом они составляли единый народ и находились в кровном или адоптированном родстве. Именно об этом во второй половине XIX в. писал Л.И. Шренк, чья концепция не была поддержана Л.Я. Штернбергом и его последователями XX и XXI вв.

Современные учёные, за редким исключением, положительно воспринимают точку зрения филологов и считают, что между самоназваниями *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *ульта* и *уйльта* можно ставить знак равенства. Однако, на наш взгляд, отождествлять разные термины можно лишь тогда, когда они имеют не только единую корневую основу, но и идентичную этимологию терми-

нологических понятий. В нашем случае кроме определённого созвучия этнических названий мы располагаем словами с разными корнями, этимологически относящимися к разным понятиям.

Многочисленные этнические названия, зафиксированные у ороков Сахалина в XIX–XX вв., свидетельствуют о появлении в культуре народа субэтнических групп, наличие которых однозначно предполагает и существование общего национального этнонима ороков, доставшегося им в прошлом от предков. Но в наши дни ответить на вопрос, какое у ороков Сахалина было первичное самоназвание, не могут ни ороки, ни многие исследователи XX–XXI вв. Однако утверждать, что ороки при переселении на Сахалин не знали своего этнического самоназвания – нонсенс. Эта нелепость создавалась не без участия как самих аборигенов, так и русских. Первые русские исследователи оленеводов Сахалина называли айнским термином *орохко* или широко распространённым названием *орочоны* [Невельской. 1969, с. 279–280 и др.]. Сами оленеводы Сахалина термин *орочи* считают чужим, а этническое название *орочоны* (*орочёны*) – своим именем, но воспринимают последнее как русское слово. Русские же к его происхождению не имели никакого отношения: когда они появились в Приамурье и на Сахалине, этническое название в форме *орочоны* уже было известно французам (так называли себя негидальцы, *орочи* и *ороки*). Русские только заимствовали от населения края это название для обозначения аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина.

До 1883 г. считалось, что *орочёны* или *ороки* Северного Сахалина сами себя называли только этническим именем *ольча*, потом, через 30 лет, фиксируется этноним *ульча*, затем, через поколение (в 1912 г.), появляется название *ульта*, в 1929 г. – *ульта*, а после – *уйльта*. В связи с тем, что разные самоназвания существовали не одновременно, а сменялись практически через каждое поколение, можно предположить, что в состав ороков вливались какие-то группы со своими наименованиями и общим этнонимом – *орочёны*, – полученным ещё от далёких предков. С появлением русских на Сахалине этот этноним стал считаться русским названием, и некоторые ороки постепенно его забыли.

Только этим можно объяснить, почему в разные исторические периоды у ороков Сахалина функционировали сначала одни названия, по истечении определённого времени – другие, потом третьи и т.д. Именно такая замена этнонимов навела советских и постсоветских исследователей на мысль, что этнические имена *ольчи, ульчи, уильта, ульта, уйльта* и др. неправильно зафиксированы русскими исследователями в XIX – начале XX в.

Анализ этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина свидетельствует, что сложная проблема этногенеза нуждается в дальнейшем изучении, глубоком анализе этнического состава, явившегося основой сахалинских ороков, выявлении причин функционирования разных этнонимов у одного народа, определении их идентичности в написании и едином звучании. Для решения всех этих проблем необходим комплексный подход специалистов разных направлений – этнографов, филологов, географов, историков и др. Кроме этого, специалистам необходимо решить, какое использовать самоназвание ороков – *орочёны* или *ультта, уильта* или *уйльта* – и можно ли последние этнонимы склонять по падежам? Именно данным проблемам и посвящается настоящая книга, в которой автор отстаивает свою точку зрения.

1. Исторические сведения об ороках Сахалина (вторая половина XIX – первая четверть XX в.)

Первыми, кто встречался с ороками Сахалина и описывал их культуру, были члены Амурской экспедиции (1849–1855 гг.), под руководством Г.И. Невельского проводившие всестороннее исследование Сахалина и низовьев Амура. Н.К. Бошняк, исследуя территорию Северного Сахалина, встречался с ороками, которых называл экзонимом *орнгор*. «Они принадлежат к тунгусскому племени, и их собственный язык, – сообщал он, ссылаясь на рассказы сахалинских гиляков, – весьма мало разнится от тунгусского» [Бошняк. 1858, с. 189].

В книге самого Г.И. Невельского собран более значительный материал по истории и культуре ороков. Один из его помощников, Д.И. Орлов, сообщал в своём донесении, что «ороксы, или орочны, – те же, что и наши удские тунгусы, пришедшие сюда, как можно было понять из их рассказов, более 200 лет тому назад. Они разместились по всем селениям острова Сахалина, начиная от Дуэ, и смешались с кугами» [Невельской. 1969, с. 266–267].

Очень важные материалы этногенетического характера об ороках Сахалина и жителях низовьев Амура принадлежат Ф.Б. Шмидту² и П.П. Глену. Они в 1860–1862 гг. занимались изу-

² На титульной странице отмечена фамилия «Шмит», а не Шмидт, как указывается в работе П.П. Глена и другой научно-исследовательской литературе.

чением флоры Сахалина и геологических отложений на острове. В ходе своих исследований учёные встречались с местным населением. Ф.Б. Шмидт из среды островитян – гиляков и айнов – чётко выделял «тунгусских ораков», а из жителей низовьев Амура – мангунов, известных ему под названием *олча*. В это же время П.П. Глен ороков Сахалина, имеющих оленей, называл *ольчами* [Исторические отчёты. 1866, с. XIX, 26, 44, 75, 99]. Сопоставляя этнические имена *ороки* – *ольчи* и *мангуны* – *олча* (*ольчи*), нетрудно догадаться, что сахалинские ороки и амурские ольчи находились в родственных отношениях. Материалы Шмидта и Глена о родственной близости ороков Сахалина и мангунов были использованы Л.И. Шренком в труде «Об инородцах Амурского края»³, хотя его исследования на Сахалине и в Приамурье проводились на шесть лет раньше. Вместе с Шмидтом и Гленом с июня 1860 г. на Сахалине работал А. Брылкин, который, опираясь на показания мангунов, ороков называл тунгусами из племени *олоча* [Письма г. Брылкина. 1864, с. 21].

В 1867 г. географ П.П. Семёнов-Тян-Шанский в небольшом справочном материале о народах низовьев Амура отмечал особенности хозяйственной деятельности местного населения, подчёркивая, что «китайцы называют мангунов так же, как и других дикарей Северной Маньчжурии *Юй-пхи-да-цзы*, т.е. рыбакожие инородцы (от рыбьих кож, из коих состоит их летняя одежда), а сами себя мангуны иногда называют *Ольча*» [Мангу. 1867, с. 165]. Что касается ороков Сахалина, то П.П. Семёнов рассматривает их воедино с культурой оленных тунгусов, известных под этническими названиями *орочоны* и *орочи*, которые обитали на обширных просторах Сибири, Забайкалья, Якутии, Амурской и Приморской областей. Он, как и Л.И. Шренк, считал, что этимология этнических имён *орочоны*, *орочи* и *ороки* связывается с тунгусским словом *орон*, что в переводе означает «олень» [Орочоны. 1867, с. 705–706].

В 1872 г. М.С. Мицуль, исследуя возможности развития сельского хозяйства на Сахалине, неоднократно прибегал к помощи местного населения – гиляков, айнов и орочонов. Об орочонах

³ О работе Л.И. Шренка относительно подробно говорится в разделе «Противоречия в трудах Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга».

Сахалина он писал: «Это племя, известное также под названием орохко, орокес, ольча, монгольского происхождения... Орочны обитают в Плуйской низменности в следующих местностях: Сиска, Пахта, Утаси, Дуку, Чуубай, Уркачи, Хойе, Мык, Хельду, Валенца, Муйгда и др.; последние три деревни расположены по речкам, впадающим в оз. Тарайку. Орочны вообще ведут оседлую жизнь, перекочёвывая только во время лова рыбы, живут в конических юртах из коры берёзы и ели» [Очерк. 1873, с. 132]. Здесь же автором очерка отмечалось, что орочны подвержены алкогольной зависимости, занимаются рыболовством, охотой, а некоторые из них имеют незначительное число оленей, которых используют для охоты и перевозки небольших грузов [Очерк. 1873, с. 159].

В 1881–1882 гг. этнографическими исследованиями населения Сахалина занимался И.С. Поляков. Ему впервые удалось у ороков Сахалина зафиксировать их самоназвание в форме *ольча*, а также отметить, что соседние народы – амурские гиляки – называли ороков именем *оройгады* [Поляков. 1883, с. 81].

В 1895 г. в районах Нижнего Амура и Амгуни проводил исследование П.П. Шимкевич. Он встречался с негидальцами, гольдами, гиляками, тунгусами и отмечал, что «тунгусы и орочны Амурского края составляют одно и то же весьма близкое, родственное друг другу племя, ни в родовом делении, ни в обычаях друг от друга не отличающиеся... К группе ороchon по созвучию должно причислять, а именно орочей, ороков и ольчей (орчей)» [Шимкевич. 1895, с. 5]. Здесь же Шимкевич сообщает, что китайские купцы, живущие оседло по Нижнему Амуру, негидальцев называли *амгунскими гиляками*, а самагиров – *горинскими гиляками*; самих же гиляков они называли *гирами*; сахалинских инородцев – *пиака*, а гольдов – *киран* [Шимкевич. 1895, с. 17].

Судя по экзониму *пиака*, принадлежавшему сахалинским инородцам, речь идёт об удэгейцах рода Пеонка, или Пианка, которые в Приморье появились в незапамятные времена со стороны бассейна р. Сунгари. Следует сказать, что китайцы удэгейцев тоже называли *юй-пхи-да-цзы* или употребляли для них индивидуальный термин *кекари*. В данном случае китайские купцы указывают на конкретный род удэгейцев, известный с конца

XVII столетия под названием *фэйяка*. О народе Феха, или Фэйяка (Пеонка), относительно подробные сведения имеются у Г.В. Мелихова [Мелихов. 1974, с. 92]. В. Горский писал, что они носили серьги в ушах, одевались в платье из рыбьей кожи, украшенной узорами [Горский. 1852, с. 43–44].

«Этническим названием Феха, Фэйяки (Файяки) в прошлом именовали один из аборигенных родов Приморья – Пяка (Пэйяка), в наши дни древний этноним *Фэйяка* звучит как *Пеонка* (Пянка, Пионка)» [Старцев. 2004, с. 81]. Вполне возможно, что этот род имел какое-то отношение к орочам, потому что «удэгейцы называли их „пяка“» [Ларькин. 1964, с. 15], хотя в составе орочей родовое название *пяка*, *пэйяка* отсутствует. Этот континентальный род, по данным китайских источников, жил в 700–800 ли (350–400 км) на северо-восток от Нингуты [Кюннер. 1949, с. 92–102], т.е. предположительно занимал территорию р. Уссури и бассейнов рек Имана и Вака (р. Малиновка). По всей вероятности, П.П. Шимкевичу удалось зафиксировать у ороков Сахалина удэгейский род Пеонка (Пиака).

В Сахалинском календаре за 1895 г. сосредоточен небольшой материал о численности инородческого населения, отмечается территория, где проживают гиляки, тунгусы, ороконы и айны. Н. Попов, проводивший перепись в бассейне р. Поронай, лично наблюдал, что в селениях Табани (12 чел.) и Сиска (32 чел.), состоящих из нескольких жилых юрт, покрытых еловой или пихтовой корой, проживало менее 50 чел. на весь бассейн реки. В верху каждой юрты, отмечал Н. Попов, оставлено продолговатое отверстие для дыма. Входные отверстия находились с двух противоположных сторон. Один вход оставался открытым, а второй прикрывался дверьми, сделанными из того же корья. В жилой юрте, а не в отдельных постройках, как у гиляков, над очагом сушится и коптится юкола, поэтому в жилище стоит запах сушёной рыбы, составляющей вместе с оленьим молоком главную пищу инородцев-ороченов [Попов. 1895, с. 9–10]. Общая численность аборигенного населения в 1895 г. была примерно 4,3 тыс. чел. обоёго пола, из них тунгусов – примерно 200 чел., а ороконов – не более 750 чел. [Сахалинский календарь. 1895, с. 118].

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона отмечается: «ольчи или мангуны – народ тунгусского племени сибирской ветви, живущий в пределах Приморской области, по берегам Амура, в соседстве с гиляками и гольдами; кроме того ольчи живут и на морском берегу, близ зал. Де-Кастри, куда они проникают через оз. Кизи, лежащее в центре занимаемой ими местности» [Ольчи. 1897, с. 924]. Здесь же, в разделе «Ороки», сообщается, что это народ тунгусской ветви, по строению лица, телосложению и одежде напоминающий ольчей или мангунов. Со времён исследований Л.И. Шренка считается, что «ороки – ветвь ольчей, переселившаяся с материка на Сахалин. Это весьма вероятно, так как сами ороки называют себя ольчами» [Ороки. 1897, с. 178].

Статистические и демографические материалы переписи населения 1897 г. о народах Приамурья, Приморья и Сахалина были обобщены С.К. Паткановым и опубликованы в отдельном труде, в котором нашлось место и для ороков Сахалина, названных им *ульча* (т.е. *ольчами*) [Патканов. 1906, с. 132–140]. Из приведённого этнонима видно, что *ульча* и *ольча*, имеющие разное фонетическое звучание, исследователь относит к одному термину, поэтому между данными словами он ставит знак равенства.

Незначительные сведения об ольчах (мангунах) Нижнего Амура и ороках Сахалина имеются в работе В. Глуздовского [Глуздовский. 1907]. Конкретизируя территорию расселения ольчей, гиляков, гольдов и орочей по Нижнему Амуру, он предположил, что ороки являются ближайшими родственниками ольчей. «Это, по всей вероятности, те же ольчи, только несколько столетий тому назад переселившиеся на Сахалин. И даже сами себя они называют „ульчи“» [Глуздовский. 1907, с. 84–85]. Видимо, В. Глуздовский, заимствовав сведения об ольчах и ороках у С.К. Патканова, соглашался с его мнением и по этой причине также считал ольчей и ороков одним народом, а *ольчи* и *ульчи* относил к одному слову. Однако, как и Патканов, он не пояснял, почему различные по написанию и звучанию названия считаются одним термином, при каких условиях следует употреблять этническое название *ольчи*, а когда – *ульчи*.

Весной 1908 г. от Владивостокского Общества изучения Амурского края в районах проживания амурских инородцев проводил исследования лингвист Пётр Петрович Шмидт, изучавший «наречия средних гольдов и ольча-гольдов». Сравнивая их с другими тунгусо-маньчжурскими народами, он установил, что гольды должны быть отнесены к маньчжурским, а не к тунгусским племенам, как считалось ранее. Известный путешественник В.К. Арсеньев был знаком с П.П. Шмидтом, ценил его знания, неоднократно обращался к нему за консультациями и, по всей вероятности, в ряде этнографических работ использовал материалы, заимствованные из его рассказов.

В.К. Арсеньев, занимаясь всесторонним исследованием удэгейцев, орочей и других малочисленных этносов Приамурья, определённое внимание уделял изучению населения низовьев Амура, известного у русских под названием *мангунов*. Сам же Арсеньев их называл *ольчами* или *ульчами*. В работе «Наши американоиды» и в «Военно-географическом очерке Уссурийского края» он даёт краткую этногенетическую характеристику ольчского населения, обитавшего в низовьях Амура: «ольчи, вернее, ульча, есть название рода (хала) этих неизвестных полуорочей, полугольдов» [Арсеньев. 1912, с. 263; 1912а, с. 538]. Здесь исследователь стопроцентно идентифицирует ольчей с ульчами [Арсеньев. 1912, с. 264] и отмечает, что тумнинские и хунгарийские орочи, перешедшие в район низовьев Амура, «...женились на ольчанках, и теперь их потомство само затрудняется сказать, к кому они ближе стоят, к орочам или к ольчам» [Арсеньев. 2012, с. 562].

В работе «Жизнь и приключения в тайге» В.К. Арсеньев отмечает, что орочи ульчей называли своими сородичами⁴. «По их словам, ульчи эти ходят с оленями и живут где-то далеко к северу, дальше Николаевска-на-Амуре» [Арсеньев. 2011, с. 73]. Здесь же автор приводит два предания о том, что орочи рода Боса вышли на лодках в море на охоту за нерпами. «В море их застигла буря, и они заблудились. Ехали до ночи и в темноте наткнулись на плавающий лёд. Тогда они высадились на него и стали ждать, когда стихнет непогода. Ветром их унесло на остров Сахалин, где они

⁴ В.К. Арсеньев под этническим названием ульчи подразумевал ороков.

живут и по сие время» [Арсеньев. 2011, с. 140]. В работе «В горах Сихотэ-Алиня» исследователь повторяет предание, как орочи попали на Сахалин. «Лёд прибило к острову Сахалину. Орочи высадились на берег и поселились на реке Куйни. По другим версиям, люди эти были на лодке, но во время тумана заблудились в море и попали на остров Сахалин, где остались навсегда» [Арсеньев. 2011а, с. 304].

В работе «Жизнь и приключения в тайге» В.К. Арсеньев, идентифицируя орочей и ульчей, практически относит их к одному народу. Если учесть, что *ульчами* называли ороков Сахалина, то из трудов В.К. Арсеньева можно определить примерное место, где на материке базировались ульчи с оленями. Со слов орочей, как уже было сказано выше, они живут на севере, дальше Николаевска-на-Амуре [Арсеньев. 2011, с. 73]. Известно, что в конце 1920-х гг. далеко на севере от Николаевска-на-Амуре, на берегу Сахалинского залива Охотского моря, в поселении Тывлино и в бассейне р. Тывлинка, обитали тывлинские эвены с оленями [Лукс. 1929, с. 85]. Вполне возможно, что именно тывлинские эвены были теми ульчами с оленями, о которых говорили орочи.

В.К. Арсеньев, занимаясь этногенетическими проблемами Приамурья, Приморья и Сахалина, довольно точно определяет родственные отношения коренного населения в регионе и указывает территории, которые занимали гольды, самагиры, негидальцы, ольчи, ороки и другие этносы [Арсеньев. 2012, с. 563].

Под ольчами В.К. Арсеньев подразумевает мангунов Нижнего Амура, о чём и свидетельствуют его записки: «Ниже по Амуру и рядом с гольдами до села Богородского живут ольчи. Собственно говоря, слово „ольча“ есть искажённое русскими название одного из родов „ульча“ (или ещё вернее – „уильта“), принадлежащего к одной какой-то народности, к которой причисляются и орочи, и ороки...» [Арсеньев. 2012, с. 562].

Из материалов В.К. Арсеньева видно, что исследователи начала XX в. располагали определёнными знаниями почти обо всех аборигенах Приамурья, а вот о названии *уильта*, принадлежавшем какой-то народности, никто, в том числе и сам Арсеньев, конкретно ничего сказать не мог. Этот факт свидетельствует, что этническое название *уильта* среди ольчей (ороков) появилось

недавно. Позднее оно стало фигурировать у ороков Сахалина в качестве их этнонима, но с появлением новых самоназваний – *ульта* и *уйльта* – этноним *уйльта* ороки использовать перестали.

В.К. Арсеньев в своей работе чётко обозначил этнологическую цепочку в виде слов *ольча* = *ульча* = *уйльта* [Арсеньев. 2012, с. 538, 562]. С конца 1960-х гг. исследователи продолжили её в виде *ульта* (*уйльта*, *уйльта*) [Петрова. 1967, с. 6; Озолия. 2013, с. 6] или в виде *ульта*, *ульча*, *уйльта* [Смоляк. 1975, с. 64]. Общая этнологическая «цепь» без названия *орочоны* будет выглядеть так: *ороки* = *ольча* = *ульча* = *уйльта* = *ульта* = *уйльта*. При этом данные этнические названия до начала 1990-х гг. сводились к одному этнониму – *ульта*, а с 1993 г. по рекомендации японских филологов приоритет стал отдаваться этнониму *уйльта*. Однако, несмотря на то, что абсолютное большинство исследователей считают все вышеприведённые этнические названия разными фонетическими звучаниями одного термина, проявившегося в конце XX в. в форме *уйльта*, мы убеждены, что это разные территориальные названия, ставшие именами субэтнических групп ороков Сахалина. Существование этих групп было недолгим, и они не получили должного социально-экономического и культурного развития, как это мы можем наблюдать у удэгейцев Приморья и Приамурья.

В 1903–1905 гг. Б.О. Пилсудский во время капитального исследования айнов Сахалина одновременно встречался и с другими местными племенами – гиляками, ороками и тунгусами. Его небольшие заметки по истории и культуре ороков касаются их этнических названий, даваемых соседними этносами. Работая с айнами в пос. Корсаковском, Б.О. Пилсудский сообщал, что там он встречался с тремя ольчами (мангунами) с Амура, которые сами себя называли *нані*, а айны их звали *сянта*. Эти ольчи приехали на юг Сахалина из Мариинска с русскими торговцами скупать пушнину [Отчёт Б.О. Пилсудского. Б.г., с. 10–11].

В другом месте своего отчёта исследователь заостряет внимание на этнокультурных контактах ороков с гиляками, тунгусами и русскими. «Ороки удивительно легко переходят к новым формам культуры, – писал Б. Пилсудский. – Первоначально оле-

неводы, они, потеряв оленей, перешли к образу жизни гиляк. С появлением на острове тунгусов-оленоводов они развели вновь оленей, переняли одежду и под их влиянием даже крестились. Теперь они забросили всю свою старую утварь и почти всё имеют покупное, покроем платья по возможности перенимают у русских» [Отчёт Б.О. Пилсудского. Б.г., с. 18].

Незначительные по объёму материалы Пилсудского об ороках Сахалина в какой-то мере поясняют, почему, например, в языке и культуре этого народа прослеживается существенное влияние со стороны тунгусов, переселившихся на Сахалин в 1860-х гг. [Пилсудский. 1989, с. 15]. На наш взгляд, иначе и быть не могло: эвенки (тунгусы) на Сахалине сразу же стали селиться рядом с ороками и на протяжении многих лет оказывали значительное влияние на культуру данного этноса, что позволило последующим исследователям считать, что этнической основой ороков являются эвенки.

В другом исследовании, посвящённом изучению ороков Сахалина, Б.О. Пилсудский сконцентрировал этнографические материалы по всем разделам материальной и духовной культуры этноса. Для нашей работы наибольшее значение представляют материалы, связанные с проблемой этногенеза ороков. К ним следует отнести конструктивные особенности жилых построек, имеющих два входных отверстия, анимистические и тотемические воззрения на природу и общество, семейно-бытовую и промысловую обрядность ороков и другие аспекты их культуры, указывающие на этнокультурные контакты и этногенетические связи с ольчами (мангунами), гольдами, орочами и другими соседними народами [Пилсудский. 1989].

Определённое внимание хозяйственной деятельности ороков Сахалина и территории их расселения уделяется в работе Р.В. Меркушева, посвящённой статистическому социально-экономическому обследованию инородческого населения Сахалинской области [Меркушев. 1913]. Р.В. Меркушев, чётко разграничивая инородческое население Сахалина по национальному составу, указывает, что кроме айнов и гиляков там также проживают тунгусы и орочены. Последним названием он, как и все русские, обозначал ороков Сахалина. Касаясь истории расселения ороков,

Меркушев отмечает, что «орочены... являются очень старинным кочевым народом. Их кочевой район начинается от мыса Делиль-де-ля Кройера до Пильтунского залива. На всём этом протяжении орочены имеют свои временные стоянки, которые расположены у берега моря и внутри острова и носят названия Охудань, Ягодин, Вази, Дауту, Даги, Большой Гарамай и Малый Гарамай» [Меркушев. 1913, с. 53]. Достоинством работы Р.В. Меркушева является то, что он подробно охарактеризовал поселения ороченов, указав многочисленные топонимы и гидронимы тех территорий, где проходили пути передвижения ороков и осуществлялась их хозяйственная деятельность [Меркушев. 1913, с. 53–58].

Многочисленные этногенетические и этнокультурные материалы об ороках Сахалина, сосредоточенные в опубликованной литературе XIX в. и первых двух десятилетий XX в., свидетельствуют о сложном процессе происхождения этноса, его необычном появлении в низовьях Амура и дальнейшем распространении по Сахалину. Ороки обладали своим языком, близким к языкам гольдов (нанайцев), орочей и мангунов (современных ульчей); у них была своя материальная и духовная культура, аналогичные элементы которой прослеживаются у эвенков, эвенов, негидальцев, орочей, удэгейцев и нанайцев; ороки приобрели территорию, на которой осуществляли разнообразную хозяйственную деятельность. Правда, создаётся впечатление, что у ороков отсутствует единое самоназвание, выраженное в устоявшемся этнониме. Однако это не так – их этническим названием является древний этноним *орочоны* (*орочёны*), который исследователи по неопытности рассматривали как экзоним, а не эндоним. Существующие названия *ольча*, *ульча* и *уйльта*, ставшие этническими именами субэтнических групп ороков Сахалина, относятся к топонимам Приамурья и Охотского побережья, о чём будет сказано в других разделах книги.

2. Отражение проблемы этногенеза ороков Сахалина в трудах советских и постсоветских исследователей

В годы советской власти интерес к происхождению народов Сахалина и Амурского бассейна усилился. Проводились комплексные этнографические и лингвистические исследования, изучались хозяйственная деятельность и демографические и антропологические особенности, многие аспекты материальной и духовной культуры народов Нижнего Амура Приморья, Сахалина и других регионов России, обращалось большое внимание на расселение и численность этносов. С опорой на антропологические и этнографические данные уточнялись и проблемы этногенеза коренного населения региона.

Незначительные сведения об ольчах имеются у И.А. Лопатина, скрупулёзно изучавшего культуру гольдов и орочей Императорской Гавани. В 1922 г. он занимался исследованием амурских, уссурийских и сунгарийских гольдов и, отмечая различия между гольдами и ольчами, мангунами и ольчами, как и все исследователи XIX столетия, относил мангунов и ольчей к одному народу [Лопатин. 1922, с. 16–18, 20].

Наиболее значительные по своим объёмам материалы об этногенезе ороков Сахалина сосредоточены в труде Л.Я. Штернберга, изучавшего историю и культуру народов Приамурья, Приморья и Сахалина в 1891, 1894, 1896–1897

и 1910 гг.⁵ Его материалы использовали советские учёные, занимавшиеся историей и культурой народов Сибири и Дальнего Востока.

Оригинальным изложением истории и культуры аборигенов Приамурья выделяется исследование А.Н. Липского «Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племён бассейна Амура», в котором сосредоточены определённые концептуальные положения и выводы о мангунах и других этносах Дальневосточного региона. Для бывших мангунов низовьев Амура, известных под этническим названием *ольчи*, автор использует экзоним *ульча* и поясняет, что «ульча помимо этого самоназвания называют себя ещё и общераспространённым именем на-най... и мангунай, т.е. этого места человек, или амурский человек» [Липский. 1925, с. XLIII, XLV].

Использование термина в звучании *ульча* учёный объясняет тем, что это слово является новым написанием вместо старого названия *ольчи* [Липский. 1925, с. XLIII], но где и когда было принято решение о замене одного этнонима на другой, А.Н. Липский не поясняет. Он не принимает и точку зрения В.К. Арсеньева, считавшего, что слово *ольча* есть искажённое русскими название одного из родов *ульча* [Арсеньев. 2012, с. 562]. Нет этнонима *ульчи* и в списке из 26 коренных малочисленных народов Севера, утверждённом в 1926 г. специальным декретом ВЦИК «Об учреждении временного положения об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР» [Временное положение. 1999, с. 26].

Этноним *ольчи* продолжает фигурировать ещё в 1928 г. в совместной книге о народах Дальнего Востока В.К. Арсеньева и Е.И. Титова [Арсеньев, Титов. 1928, с. 42, 45], но с 1929 г. в документах и научных публикациях жителей низовьев Амура стали называть только *ульчами* [Туземное хозяйство. 1929].

Согласно сообщениям досоветских исследователей, ороки сами себя называли этнонимом *ульча* [Поляков. 1883, с. 81], а А.Н. Липский, неизвестно по какой причине, *ульчами* или *ольчами*

⁵ Однако в целях улучшения композиционного строя книги исследование Штернберга мы намерены рассмотреть в специальном разделе «Противоречия в трудах Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга».

назвал мангунов, против чего так рьяно выступал Л.Я. Штернберг. Однако мнение А.Н. Липского никто из исследователей тех лет даже не попытался опровергнуть, в том числе и сам Л.Я. Штернберг, хотя он всегда критиковал Л.И. Шренка лишь за то, что тот в своей работе мангунов назвал *ольчами* или *ульчами*.

Исследователи, позже занимавшиеся изучением сахалинских ороков и ульчей, тоже не подвергают критике А.Н. Липского, а, наоборот, оправдывая его, поясняют, что он называет бывших мангунов *ульчами* под влиянием этнографической литературы XIX в. [Смоляк. 1975а, с. 35–36], хотя в ней признается, что этноним *ульча* был самоназванием ороков Сахалина, а не амурских мангунов.

А.В. Смоляк предприняла попытку разобраться, почему мангунов в официальных документах и публикациях стали называть *ульчами*. «В начале 1930-х годов, – поясняет она, – при разработке вопросов о наименовании народов Севера был избран принцип называть их в соответствии с самоназванием. Для бывших мангунов, называвших себя нани, было принято наименование „ульчи“, введённое в этнографическую литературу ещё в середине XIX в. вследствие ошибочного воззрения о родстве их с ульта, ульча, ольча – ороками. По самоназванию – *нанай* – в то время были названы нанайцы (соседи ульчей). Мангуны же отличались от них весьма существенными чертами культуры, языком. Этим двум различным народам нельзя было давать одинаковое наименование» [Смоляк. 1975а, с. 36].

В 1947 г., во время первого посещения народов Нижнего Амура, у А.В. Смоляк неоднократно спрашивали молодые и пожилые ульчи: «...почему нас называли ульчами?». Тогда А.В. Смоляк не знала, что им ответить, но в последующей публикации, словно оправдываясь, писала: «Этот термин никогда не бытовал среди этого народа. Ныне, когда прошло около 40 лет со времени официального присвоения народности этого названия, оно воспринимается как естественное» [Смоляк. 1975а, с. 36].

В 1928 г. Б.А. Васильев среди ороков Сахалина фиксирует этноним *ульты*, близкий по своему звучанию, как он считает, к названию *ульча*. По мнению исследователя, орокские самоназвания *ульча* и *ульты* обладают определённой идентичностью, как и из-

вестные этнонимы с пояснением, заключённым в скобки или с союзом «или». Зная из работ предшественников, что *ольчи* – это *ороки* (Л.Я. Штернберг), *ороки* – это *ульчи* (И.С. Поляков), *ульчи* – это *ольчи* (А.Н. Липский), Б.А. Васильев, следуя данной аналогии, считает, что в этот ряд можно вписать и утверждение «ульча – это ульта». Однако, чувствуя шаткость своего мнения, он пытается найти объективное объяснение, почему вместо самоназвания *ольча* или *ульча* он у ороков зафиксировал этноним *ульта*. В самоназвании ороков *ульта*, доказывает Б.А. Васильев, «звук [Т] произносится ясно, но вообще в языке ороков звуки [Т] и [Ч] очень близки и часто переходят друг в друга. Таким образом, самоназвание ороков „ульча“, приводимое Поляковым, близко к приводимому мной» [Васильев, 1929, с. 5].

К сожалению, Б.А. Васильев не поясняет, когда и в каком случае звуки [т] и [ч] переходят друг в друга, поэтому его вывод о близости самоназваний *ульча* и *ульта* не совсем понятен.

В исследовании Т.И. Петровой имеется материал, указывающий, в каких случаях вместо согласного [ч] наблюдается согласный [т]. Но к примеру, приведённому Б.А. Васильевым, объяснение Петровой не относится [Петрова. 1967, с. 16–17]. Это значит, что термины (самоназвания) *ульча* и *ульта* по своему внутреннему строению не идентичны. К сожалению, в наши дни практически невозможно узнать, почему в одних и тех же местах Северного Сахалина П.П. Глен, например, в 1862 г. у ороков фиксирует название *ольчи*, И.С. Поляков в 1883 г. – *ульча*, В.К. Арсеньев в 1912 г. упоминает этническое название *ульта*, а Б.А. Васильев в 1928 г. – *ульта*. Никто из советских, а затем и постсоветских исследователей не задумался, почему у одного и того же народа зафиксировано так много самоназваний.

С точки зрения автора, Б.А. Васильев не случайно привёл слова о близости разных звучаний в самоназваниях ороков Сахалина. С одной стороны, этнические названия *ульча* и *ульта*, как нам представляется, исследователи относят к одному этнониму, но с другой – у ороков Сахалина наблюдаются как бы два этнонима: одна группа ороков называет себя *ульчами*, а другая – *ульта*. Вероятно, именно это и хотел сказать Б.А. Васильев о самоназвании ороков Сахалина, но из-за отсутствия дополнительных сведений

он не смог обосновать свою мысль и на всякий случай зафиксировал её только в виде вывода для будущих исследователей. Можно предположить, что к аналогичной мысли пришла и Т.И. Петрова. Иначе почему она противопоставляет один этноним другому: «...этимология слова *ул`та* ~ *ул`та* (как и ульча) неясна» [Петрова. 1967, с. 6]? По её словам получается, что у ороков два этнонима: один из них *ул`та* (*ульта*), а другой – *ульча*.

Двойственное отношение к самоназваниям жителей низовий Амура и Сахалина наблюдается и у Л.Я. Штернберга, который, рассматривая проблему самоназвания ороков Сахалина, особо подчёркивает, что «сами ороки перед чужими на вопрос о народности часто называют себя тоже ольча или ульча» [Штернберг. 1933, с. 8]. Он также отмечает, что ороков *ольчами* или *ульчами* «...называют их соседи и единомышленники-тунгусы, а также и их единоплеменники на Амуре» [Штернберг. 1933, с. 396].

Если считать, что название *ульча* представляет собой новое написание слова *ольча*, как это отмечали В.К. Арсеньев и А.Н. Липский [Арсеньев. 2012, с. 562; Липский. 1925, с. XLIII], то можно глубоко ошибиться, так как слово *ульча* связывается с рекой (*уль*) [Липский. 1925, с. XLV], а этимология слова *ольча* выводится из слова «рыба» (*оль*) [Золотарёв. 1939, с. 35]. Отсюда следует, что этнические названия *ульча* и *ольча* имеют разные корневые основы, поэтому их нельзя сводить к одному этнониму. К сожалению, в наши дни уже невозможно выяснить у самого Штернберга, почему ороки перед чужими людьми в одном случае называли себя *ольча*, а в другом – *ульча*.

В 1931 г. появляется исследование о родовом составе ульчей Н. Каргера, где наряду с перечнем и анализом родового состава приводятся самоназвания этноса. Учёный отмечает, что у ульчей имеется два самоназвания: первое – *нани* (*на* – «земля», «место»; *най*, *ни* – «человек»; буквальный перевод: «местный человек, здешний, туземец»), – а «второе... ульча употребляется редко и гораздо чаще употребляется для обозначения ороков» [Каргер. 1931, с. 116].

А.М. Золотарёв по этому поводу писал, что второе самоназвание «...ульчи употребляют только в разговорах с чужеплеменниками. В разговорах между собой этот термин не употребляется»

[Золотарёв. 1939, с. 33]. В этой связи невольно напрашивается вопрос, почему одни жители Амура (по Каргеру), хотя и редко, но в бытовой речи называли себя *ульчами*, а другие так обозначали только ороков Сахалина?

По мнению автора, ситуация с использованием самоназвания *ульчи*, сложившаяся в низовьях Амура, объясняется тем, что общество мангунов в первые несколько десятилетий XX в. состояло из потомков разных этносов Нижнего Амура, которые при общении друг с другом чётко знали, к кому можно было обратиться с названием *ульчи*, а к кому – *ольчи*.

В конце 1930-х гг. А.М. Золотарёв, изучая родовой состав ульчей, их духовную и материальную культуру, пришёл к выводу, что ульчский род Ольча по своему происхождению связан с ороками Сахалина, как и Чорули, Байаусал и Вальдю [Золотарёв. 1939, с. 26]. Определённое внимание исследователь уделял и этимологии этнонимов *ульчи* и *ольчи* [Золотарёв. 1939, с. 34], о чём более подробно будет сказано в соответствующем разделе.

В годы войны (1941–1945) изучение народов Нижнего Амура и Сахалина временно было приостановлено. Исследования возобновились только после победы над фашистской Германией и восстановления разрушенных городов и селений СССР.

В конце 1940-х гг. начинается планомерное антропологическое изучение населения Охотского побережья, Приамурья, Приморья и Сахалина. Советский антрополог М.Г. Левин, «...рассмотрев амурский, центральноазиатский, приморский, сахалинский и палеосибирский антропологические типы этносов Охотского побережья, Амура, Приморья и Сахалина, пришёл к выводу, что антропологические особенности эвенков Охотского побережья значительно отличаются от негидальцев и ороков Сахалина, но по многим признакам они сближаются с приморскими ороками» [Левин. 1947, с. 97]. В другой работе он отмечал, что по своим антропологическим параметрам байкальского типа «...ороки и негидальцы в целом обнаруживают сходство с ламутами» Охотского побережья [Левин. 1949а, с. 27], а проведённые им в 1950 г. исследования на Амуре и Сахалине позволили расширить область распространения байкальского типа с комплексом признаков, характерных для ороков Сахалина, негидальцев, отчасти ульчей и

нанайцев (гольдов) [Левин. 1950, с. 56–57]. Рассмотрев антропологические особенности населения Амура и Сахалина, М.Г. Левин сделал краткое замечание по поводу экзонима *ороки*: «Термин „ороки“, введённый в этнографическую литературу Л. Шренком, в будущем должен быть заменён» [Левин. 1949, с. 23], – потому что сами они называют себя *ульта*.

Большое внимание проблеме этногенеза ороков Сахалина уделялось и со стороны А.В. Смоляк. В статье, посвящённой их происхождению, она, выражая солидарность с М.Г. Левиным и Л.Я. Штернбергом, поставила под сомнение концепцию Л.И. Шренка, отмечая, что «...широко распространённая в науке точка зрения Шренка о происхождении ороков должна быть отброшена как не обоснованная материалами XIX в. и не подкрепляемая современными данными» [Смоляк. 1954, с. 37–38]. Высказанная М.Г. Левиным и А.В. Смоляк точка зрения стала в последнее время доминирующей в исторической литературе.

В статье «Южные ороки» А.В. Смоляк описывает социально-экономическое и культурное состояние ороков Южного Сахалина, находившихся длительное время на оккупированной Японией территории. Несмотря на различные трудности, им удалось сохранить свой язык, этнические особенности и национальное самосознание. В условиях советской власти жизнь этого этноса ничем не отличалась от жизни других малочисленных народов Нижнего Амура, Приморья и прочих регионов Дальнего Востока. Наряду с общими элементами социально-экономического и культурного развития для всех аборигенов этой территории А.В. Смоляк отметила и особые черты ороков, их этнокультурные контакты в области материальной и духовной культуры, показала брачные связи с нанайцами, ульчами, нивхами, эвенками и другими народами Нижнего Амура и Сахалина, что нашло своё отражение в расширении родового состава ороков за счёт иноэтнического населения [Смоляк, 1965, с. 28–42].

В 1975 г. А.В. Смоляк в книге «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина» определённое внимание уделяет и орокам. Рассматривая этнический состав территории юга Дальнего Востока России, она указывает, что «самоназвание ороков – *ульта, ульча, уйльта*... впервые установлено П.П. Гленом...

и М.С. Мицуль» [Смоляк. 1975а, с. 64]. В другой работе (1975 г.) А.В. Смоляк начинает своё исследование с истории изучения проблемы этногенеза народов Нижнего Амура и отмечает, что П.П. Глен ороков Сахалина считал родственными амурским мангунам и называл согласно их самоназванию *ольчами* [Смоляк. 1975, с. 46]. Говоря о хозяйственной деятельности северных и южных ороков, Анна Васильевна отмечает, что южные быстро лишились оленей и преимущественно занимались только охотой и рыболовством. При охоте на пушных животных они использовали такие же орудия лова, как и охотники материка. При этом названия охотничьих орудий лова были практически идентичными как у ороков, так и у ульчей, орочей и других этносов Нижнего Амура [Смоляк. 1975, с. 52–53]. Сравнивая ороков с другими народами Нижнего Амура в плане материальной культуры, А.В. Смоляк заостряет внимание на особенностях жилых и хозяйственных построек, считая, что некоторые элементы материальной культуры присущи только орокам, например, их двускатный летник «...не имеет аналогий у других народов Амура (и Сибири вообще)» [Смоляк. 1975, с. 56]⁶. Она детально показывает, какие этносы оказывали культурное влияние на ороков, какие народы в процессе этнокультурных и иных контактов дополнили их этнический состав. Подводя итоги этнокультурным контактам и этногенетическим связям ороков, А.В. Смоляк обоснованно заявляет, что в их составе обнаруживаются ульчи, орочи, удэгейцы, нанайцы и другие народы Приамурья и Охотского побережья [Смоляк. 1975, с. 63–68].

Рассматривая проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина, в 1980 г. исследовательница связывает происхождение населения Амура с древними аборигенами, жившими по берегам этой реки несколько тысячелетий тому назад. Основой для таких глобальных выводов послужили материалы археологов, лингвистов и других специалистов. А.В. Смоляк приходит к выводу, что тунгусизация населения, начавшаяся на Нижнем Амуре в конце неолита, продолжалась и в нашей эре.

⁶ В данном случае А.В. Смоляк ошибается, что будет доказано в разделе «Этнографические параллели в материальной культуре охотских эвенов, ороков Сахалина, орочей и удэгейцев бассейна Амура».

Несмотря на то, что в последующие периоды на Нижний Амур прибывали южные, западные и северные таёжные элементы, многие черты аборигенной субстратной культуры как основного «фундамента» всех местных культур сохранялись до начала XX в.; следы его обнаруживаются и до настоящего времени [Смоляк. 1980, с. 182–183]. В данном исследовании А.В. Смоляк почти не уделяет внимания орокам Сахалина, за исключением одного из лингвистических аспектов. Ссылаясь на исследования В.И. Цинциус, она особо отмечает, что «из тунгусских языков на Амуре ороцкий и удэгейский стоят ближе к эвенкийскому, чем нанайский, ульчский и орокский» и что «три языка – нанайский, ульчский и орокский – являются на Нижнем Амуре относительно древними (имеют „возраст“ порядка 2 тыс. лет)» [Смоляк. 1980, с. 182].

В 1962–1963 гг. на Сахалине в составе Дальневосточной этнографо-лингвистической экспедиции Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР проводили исследования Ю.А. Сем и Л.И. Сем, которые собрали большой материал, позволяющий по-новому рассматривать проблему происхождения ороков [Сем Ю. 1965, с. 79–87; Сем Л. 1965, с. 87–94]. Ю.А. Сем, обратив внимание, что среди исследователей ороков нет единого мнения о времени переселения этого народа на Сахалин, предложил своё видение проблемы: «Когда и как происходило переселение на Сахалин, в настоящее время сказать трудно, было ли оно единовременным или длительным, источники нам... не говорят... Вероятнее всего, что этот процесс наиболее интенсивно проходил в XVII – начале XVIII в.» [Сем Ю. 1965, с. 86]. Выражая несогласие с теорией Л.Я. Шренка о единстве ороков с мангунами, Ю.А. Сем высказал своё мнение о появлении ороков на Амуре. Он считает, что предки ороков в далёком прошлом составляли единую группу нани, спустившуюся с юго-восточных склонов Станового хребта и по долине Амгуни перекочевавшую в низовья Амура, где впоследствии из неё выделились племена ульчей, орочей и нанайцев. Таким образом, Ю.А. Сем пришёл к выводу, «что существующие теории о происхождении ороков не учитывают всей сложности проблемы. Нельзя согласиться ни с теорией Л.И. Шренка, отождествлявшего ороков с амурскими ульчами,

ни с гипотезой участников Амурской экспедиции 1851–1854 гг., поддержанной А.В. Смоляк, о происхождении ороков от эвенков, переселившихся в XVII в. с Охотского побережья» [Сем Ю. 1965, с. 86], ни с другими исследователями.

В это же время (1965 г.) публикуется статья Л.И. Сем о языке ороков Сахалина, в которой особо отмечается, что «в фонетике, морфологии и лексике орокского языка прослеживается переплетение особенностей, свойственных южной группе тунгусо-маньчжурских языков (нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев) и северной (эвенков и негидальцев)» [Сем Л. 1965, с. 88]. Проведённый исследовательницей «...анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей орокского языка показывает, что язык ороков наряду с самобытными чертами имеет много общего, с одной стороны, с языками ульчским, нанайским, удэгейским, с другой – с эвенкийским, негидальским» [Сем Л. 1965, с. 94]. Здесь же указывается, что на язык ороков было оказано сильное влияние со стороны эвенков.

В 1968 г. изучением коренного населения Сахалина занимался Ч.М. Таксами. Касаясь этногенеза ороков, он предположил, что они сформировались из разрозненных групп негидальцев и ульчей. «Мы считаем, что ороки Сахалина, видимо, представляют собой группу тунгусского народа, сформированную сравнительно недавно, возможно, в XVIII–XIX вв. Предки нынешних ороков постепенно переселились на Сахалин из разных районов. Первоначально, видимо, перешли... на остров негидальцы и часть отколовшихся нынешних ульчей, которые, утерев оленеводство, стали заниматься охотой, морским промыслом и рыболовством» [Таксами. 1968, с. 34].

В начале 1990-х гг. исследования среди ороков Сахалина проводились А.И. Кузнецовым. В статье «Ульта о. Сахалина» большое внимание уделяется родовому составу ороков и их брачным связям между различными родовыми подразделениями, рассматриваются экзонимы, которыми пользовались в начале XX в. айны, японцы, гиляки (нивхи) и другие этносы [Кузнецов. 1992, с. 142–147].

Проблеме этногенеза ороков Сахалина уделяла внимание и Т.П. Роон, изучавшая их в первой половине 90-х гг. XX в. В истори-

ко-этнографической работе «Уйльта Сахалина» она рассматривает этимологию этнических названий, известных в трудах отечественных и зарубежных этнографов, и, ссылаясь на Т.И. Петрову, предполагает, что этимология этнонима *уйльта* связана с основой корня слова *ул* – *ул* – *ул*, означающего название какой-нибудь местности, возможно, реки [Роон. 1996, с. 13].

О тесных контактах ороков с эвенками и другими народами Приамурья размышляет также известный тунгусовед А.М. Певнов в статье «О своеобразии исторической фонетики орокского языка». «Предполагаю, – отмечает исследователь, – что предки ороков сменили язык, а именно: язык, близкий к эвенкийскому, сменили на родственный язык нанайско-ульчского типа. В результате получилось нечто напоминающее языковое смешение» [Певнов. 2001, с. 218]. Если учесть, что А.М. Певнов этногенез ороков Сахалина связывал не с эвенками Якутии, переселившимися на остров во второй половине XIX в., а с тунгусами Станового хребта или Охотского побережья, то, прежде чем переселиться на Сахалин, предки ороков должны были сменить свой «северный» язык на «южный» диалект. На наш взгляд, А.М. Певнов показал сам процесс, как предки ороков, владевшие тунгусским (эвенкийским) языком, попав в нанайско-ульчское окружение, постепенно перешли на язык южной ветви тунгусо-маньчжурской общности. По его мнению, «...наряду с эвенками, положившими начало орокскому этносу, были ближайшие родственники ульчей. Так в результате симбиоза двух родственных этнических групп образовался новый этнос – ороки (уйльта)» [Певнов. 2001, с. 218].

По нашему мнению, А.М. Певнов, делая вывод, что происхождение ороков связывается только с объединением эвенков с предками ульчей, значительно упрощает проблему. В предыдущих филологических исследованиях отмечается, что язык ороков был близок не только эвенкам, но и негидальцам, нанайцам, ульчам, орочам и удэгейцам, следовательно, эти народы тоже принимали участие в этногенезе ороков Сахалина.

Наиболее глубокое исследование происхождения ороков Сахалина принадлежит Л.И. Миссоновой. В одной из своих проблемных статей она даёт обширное описание истории изучения ороков Сахалина с XVII в. по 2002 г. [Миссонова. 2002, с. 61–81].

Частично эти материалы использованы и в её монографии «Уйльта Сахалина...», где рассматривается история изучения ороков исследователями не только досоветского и советского, но и постсоветского периодов. В целом, соглашаясь со многими выводами, Л.И. Миссонова выделяет ряд проблем, связанных с происхождением, процессом формирования этнической общности уйльта, взаимоотношениями родов, расселением, численностью ороков в различные периоды истории, этнокультурными связями и контактами ороков с различными этническими общностями Приамурья, Приморья и Сахалина в конце XIX – XX в. Она выявляет многочисленные экзонимы, которыми называли ороков их ближайшие соседи – гиляки (нивхи), айны, ульчи, негидальцы, эвенки и другие этносы Приамурья и Приморья, и их самоназвания, одно из которых использовано в названии её работы. Л.И. Миссонова, исследовав проблему идентичности этнических названий и самоназваний, особо подчёркивает, что в обществе ороков Сахалина существует определённая «сложность процесса самоидентификации уйльта», потому что, хотя у ороков и имеется научно обоснованный этноним *уйльта*, фигурирующий в официальных документах, в сознании людей тем не менее до сих пор существуют такие самоназвания, как *орочоны*, *уйльта*, *ульта*, *ульта* (*ороки*) и др. [Миссонова. 2006]. В работе «Оленеводство и идентичность уйльта Сахалина (советский и постсоветский периоды)» наряду с хозяйственной деятельностью ороков продолжается рассмотрение этимологии этнонима *уйльта*. Л.И. Миссонова полностью принимает методологический подход Шренка, выведившего термин *ороки* из тунгусского слова *орон*, соглашается и с этимологией Штернберга, образовавшего этнонимы *ольчи* и *ульчи* из орокского слова *ула*. «Главное, что представляет интерес, – в самоназвании (и различных этнонимах) отражено прямое отношение оленя (или оленеводства) к жизнедеятельности уйльта» [Миссонова. 2009. Т. 27, с. 179–180]. Исследовательница рассматривает также орокские роды, их названия и происхождение, перечисляет все большие и малые роды уйльтинского этноса, приводит более 20 этнических названий. Она подчёркивает, что в конце XX в. в официальную государственную практику введён этноним, «об-

разованный именно от слова *ула*- олень (*уйльта* – „люди, живущие с оленем“), так как именно оленеводство всегда отличало их от соседних народов Сахалина, а тип ведения оленеводческого хозяйства – от других тунгусских народов материка» [Миссонова. 2009. Т. 27, с. 195]. В конце научного труда Л.И. Миссонова, ссылаясь на данные Всероссийской переписи населения 2002 г., приводит численность этнических наименований ороков Сахалина [Миссонова. 2009. Т. 27, с. 196]. Идентичный материал она использовала и в книге «Этническая идентификация населения Сахалина» [Миссонова. 2010, с. 24, 30, 38–39].

Однако наличие в составе одного народа нескольких этнонимов однозначно подразумевает, что ороки Сахалина, не имея внутри своего общества единого самосознания, разделяются на ряд субэтнических групп, имеющих разные территориальные названия. Можно сказать, что эта ситуация была предсказана коллективом авторов – Д.А. Функом, А.П. Зенько и Л. Силланпяя – в статье, посвящённой современным проблемам этнического развития ороков Сахалина. «Этническое самосознание не только ситуативно, гибко, но, очевидно, ещё и не едино и не может в принципе быть единым у народа в целом, сколь бы малочислен он ни был» [Функ и др. 2000, с. 15].

Наиболее интересна, на наш взгляд, статья Л.И. Миссоновой и З.П. Соколовой «Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов севера (конец XIX – начало XXI в.», где нас интересуют только материалы, относящиеся к орокам Сахалина, представленные Л.И. Миссоновой. Она утверждает, что данному этносу на всём протяжении его истории навязывали чуждые ему этнические названия. Вначале называли ороками, потом ороचनाми, ольчами и многими другими этнонимами, «хотя исконное самоназвание их – уйльта» [Миссонова и др. 2006, с. 129]. Однако большинство ороков Сахалина вплоть до конца XX в. называли себя *орочонами*. Это этническое наименование, отмечала Л.И. Миссонова, «...воспринималось многими поколениями уйльта совершенно естественно». Но отдельным представителям этноса это «естественное» наименование показалось навязанным со стороны государственных органов, поэтому они стали требовать от правительства, чтобы

их официально называли только этнонимом *уйльта* [Миссонова и др. 2006, с. 132].

В начале 1990-х гг. на правительственном уровне было принято решение ороков Сахалина во всех документах именовать *уйльта*. Таким образом, делают заключение авторы статьи, «...этот малочисленный народ... сумел добиться официального признания своего этнонима после почти столетнего существования иного названия, вошедшего в официальную практику» [Миссонова и др. 2006, с. 132–133]. Однако после этих восторженных строк признаётся, что всё оказалось не так просто, как думалось ранее: «...перепись 2002 г. подтвердила сложность процесса самоидентификации уйльта» [Миссонова и др. 2006, с. 132].

По этому поводу Д.А. Функ отмечал, что инициатором переименования была местная учительница. Нас переименовали на *уйльта*, говорили пожилые ороки исследователям, «...когда Бибикова сюда переехала. Она где-то там вычитала. А так всю жизнь орочёнами были» [Функ и др. 2000, с. 15].

Пока активные граждане Сахалина во главе с учительницей Е.А. Бибиковой добивались переименования ороков (орочёнов) на *уйльта*, с такой же инициативой выступил и японский исследователь Дз. Икэгами. Он представил «Проект письменности уйльтинского языка» (Саппоро), одобренный на заседании в Институте лингвистических исследований РАН (Москва) 8 июля 1993 г., в котором предлагалось написание этнонима *уйлта* русскими буквами [Роон. 1996, с. 3]. Проект был принят, и термин *уйльта* начал внедряться в официальные документы и быт самого народа.

Некоторые этнографы встали на сторону японского исследователя, утверждавшего, что ороков надо называть не *орочёны* или *уйльта*, а *уйльта*, но это не подтверждает его правоту. На взгляд автора книги, следует ориентироваться не на японских, а на отечественных этнографов, антропологов и филологов, которые с 1920-х гг. ороков Сахалина называли *уйльта*. Также данный этноним должен иметь формы единственного и множественного числа и склоняться по падежам. Думается, ороки от этого не пострадают.

По этому поводу имеется высказывание одного из известных ороковедов В.Д. Косарева. Рассматривая внутриэтническую ситуацию ороков Сахалина, он заостряет своё внимание на том, что в начале 1990-х гг. они стали добиваться от государства, чтобы их официально называли *ульта* – по их самоназванию, – поскольку русские будто бы навязали чуждые этому народу названия *ороки* и *орочёны*. Косарев отмечает, что по этой проблеме не проводились ни референдум, ни этносоциологические опросы, и делает такое заключение: «В очередной раз имели место волюнтаризм и ещё одно навязывание народу этнического переименования... требовали ввести „ульта“, что и было сделано, даже в новейшую перепись попало, а потом оказалось, что надо – „уйльта“» [Косарев. 2012]. Однако автор продолжает: «Как ни парадоксально, этнофоры, которым прежде не нравился этноним *ороки*, после их переименования в *ульта/уйльта* снова недовольны.

Перепись выявила весьма скромные результаты внедрения новшества. В цифрах это выглядит так: из 346 чел. сей спорной национальности назвали себя „ульта“ 42 чел., „уйльта“ – 72, „ороками“ – 37 чел.; обнаружилось 37 „орочей с родным языком улта“ и 10 „ульча с родным языком улта“. А „орочёнами с родным языком улта“ назвали 148 чел. Если учесть и „ороков“, то это – уверенное большинство против „у(й)льта“ плюс „ульча“. При таких показателях утверждать, что сам народ потребовал своей идентификации, явно не хватает оснований» [Косарев. 2012].

В совместной статье Л.И. Миссоновой и З.П. Соколовой уделяется внимание языку и культуре ороков [Миссонова и др. 2006, с. 132–133]. Авторы признают, что «современному поколению уйльта трудно понимать культуру своих предков... не зная основ языка... Именно поэтому всё чаще возникает необходимость... как и десять лет назад (в конце советского периода)... обучения детей уйльта родному языку, национальным промысловым навыкам и художественному творчеству». Однако из 84 школьников из числа ороков в 2001 г. факультативно или в кружках занимались изучением родного языка только 19 чел. [Миссонова и др. 2006, с. 140]. Исходя из этого, следует признать, что в скором времени у ороков Сахалина, как и у других малочисленных этно-

сов Юга Дальнего Востока России, исчезнет не только язык, но и многие детали национальной культуры.

В статье «Этнокультурная динамика...» Л.И. Миссонова, так же как и в монографии «Уйльта Сахалина...», рассматривает опубликованные в научной литературе разные варианты этнонимов, обозначающих ороков Сахалина. Она сообщает, что кроме этнических названий, данных другими народами, сами себя ороки называли *уилта* или *ульта* (*уйльта*). Этноним *ульта*, как считает исследовательница со ссылкой на А. Маевича, означает «люди, живущие с „улаа“» – с одомашненным оленем. «Но более вероятной является его этимологическая связь с айнским названием ороков – „орокко“ или „ораката“. В японско-айнском словаре, известном под названием „Мосигоуса“ (составлен в 1792 г.) есть айнское выражение „орокко утару“, переведённое как „люди, живущие в местности Ориката“»⁷ [Миссонова. Этнокультурная динамика].

Частично проблему этногенеза ороков Сахалина рассматривает дальневосточный этнограф В.В. Подмаскин. Опираясь на исследования предшественников и на свои материалы о народных знаниях тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, Приморья и Сахалина, он описывает разносторонние этнокультурные контакты ороков с нанайцами, ульчами, орочами и удэгейцами, указывает на идентичность знаний ороков и многих тунгусо-маньчжуров в области народной космогонии, аналогичность терминов рыбной пищи, средств передвижения [Подмаскин. 2008, с. 183–184, 186–188]. Наряду с этим учёный разделяет концепцию Л.Я. Штернберга о племенном единстве ороков, орочей, мангунов и гольдов (В.В. Подмаскин к этим этносам приписывает и удэгейцев), основанном на самоназвании *нани*, и считает, что она «сегодня становится обоснованной» [Подмаскин. 2008, с. 202].

Однако другие исследователи, занимавшиеся происхождением ороков, данную точку зрения опровергают. Так, А.В. Смоляк в 1975 г. по этому поводу писала: «Теория о племенном единстве

⁷ О местности Оро или Ориката относительно подробно будет сказано в разделе «Распространение понятия орочёны-оленевода у тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока».

тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина, основанная на единстве их самоназвания, оказалась недостаточно обоснованной» [Смоляк. 1975, с. 44]. Другой исследователь – ороковед В.Д. Косарев – также отрицает теорию Л.Я. Штернберга о племенном единстве ороков с нанайцами, считая, что «по образу жизни это разные народы: всё существование ороков связано с оленеводством, а нанайцы к нему отношения не имеют и, вероятнее всего, не имели никогда» [Косарев. 2009, с. 18].

В материалах В.Г. Ларькина, словарях Е.Р. Шнейдера, И.В. Кормушина и Г.Х. Гирфановой также нет данных, что удэгейцы себя называли термином *нани*.

Проблеме этногенеза ороков Сахалина и народов Нижнего Амура уделяют внимание не только сотрудники научных учреждений, занимающиеся изучением истории и культуры малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, но и отдельные представители из числа коренных этносов Нижнего Амура. Одним из таких специалистов является Н.С. Сипин, ульч по происхождению, историк по образованию. Все годы его интересовала идея раскрытия тайны этногенеза народов Приамурья и Сахалина. В книге «Случайные заметки», подготовленной на основе опубликованной этнографической и исторической литературы, которая касается истории и культуры аборигенов Нижнего Амура, Н.С. Сипин уделяет внимание проблеме этногенеза ульчей, орочей, нанайцев и частично ороков Сахалина, называемых термином *уйльта*. Происхождение последних он тесно связывает с населением низовьев Амура. «В отличие от слова „ольча“ слово „ульча“, ставшее вторым этнонимом народа, скорее всего, было названием небольшой семейно-родовой группы *нани-мангунов*, которая отделилась от основной массы будущих ульчей и через какое-то время переправилась на Сахалин. В результате длительных контактов этой группы с нивхами, айнами, эвенками Охотского побережья сформировался этнос, получивший в качестве этнонима экзоним *ороки*, который ими не был принят. Следы этой группы остались на Амуре. Некоторые этнографы, основываясь на преданиях, находили их в семьях Ольчи, ульчском роде Баяусал, а также в представлениях исчезнувшего рода Ульча-хала» [Сипин. 2013, с. 129].

Следует особо отметить, что Н.С. Сипин, в отличие от всех советских и постсоветских учёных, занимавшихся историей и культурой ульчей, орочей, нанайцев и ороков Сахалина, впервые упоминает В.К. Арсеньева, «который достаточно точно охарактеризовал ситуацию этнических взаимоотношений ульчей, орочей, нанайцев и других этносов Нижнего Амура» [Сипин. 2013, с. 125–126].

Определённое внимание автор «Случайных заметок» сосредоточил на проблеме этимологизации этнонимов *ольча* и *ульча*, связывая их с эвенками. «На левобережье Амура десятки небольших рек и речушек с эвенкийским названием Оль и Уль. Нередко эти речки становились местом долгих стоянок уссурийских и сунгарийских переселенцев. Прибавьте к названиям этих речек суффикс *-ча*, обозначающий местожительство, принадлежность к чему-либо, – пишет Н.С. Сипин, – и вы получите территориальное название семейной группы Ольча, Ульча. Это название нередко становилось личным именем главы семейства, а позже и территориальной (не родовой) фамилией его детей» [Сипин. 2013, с. 127–128].

В заключительной части книги Н.С. Сипин практически предлагает свою концепцию происхождения народов Приамурья и Сахалина. Если все исследователи усматривали в ороках Сахалина тунгусов Станового хребта или Охотского побережья, то он считает, что это были тунгусы, спустившиеся по Амуру с верховьев реки. «По целому ряду косвенных свидетельств можно предположить, – пишет Сипин, – что в этногенезе сахалинских уйльта принимали участие семейно-родовые, территориально-соседские группы этнической общности *нани*, которые от своего местоформирования (междуречье Уссури и Сунгари) мигрировали на восток, к побережью Татарского пролива, используя правые притоки Уссури... Многие из них вышли на берег моря, преодолев горные перевалы левобережья Амура» и семейно-родовыми группами переходили через Татарский пролив на Сахалин [Сипин. 2013, с. 132].

Исследование Н.С. Сипина, основанное на материалах Шренка и Штернберга, не отличается особой оригинальностью, но в нём просматривается Дух этноса, страстно желаю-

щий познать происхождение, историю и культуру своего народа.

Заканчивая обзор истории изучения ороков Сахалина советскими и постсоветскими историками и этнографами, следует особо обратить внимание на то, что изучение этого народа в основном происходило в рамках комплексного подхода. Бесспорно, за пределами данной книги остались неисследованными многие вопросы, например, процессы взаимоотношения ороков с негидальцами, орочами, ульчами, удэгейцами и другими этносами Приамурья. Для решения этих и других проблем необходимо привлечь специалистов разных научных дисциплин, особенно филологов, антропологов, хорошо знающих историю и культуру не только ороков Сахалина, но и других народов Приамурья и Приморья.

3. Противоречия в трудах Л.И. Шренка и Л.Я. Штернберга

Наиболее глубокие исследования по этногенезу ороков Сахалина и культуре народов Нижнего Амура были проведены Л.И. Шренком и Л.Я. Штернбергом. Однако их концепции имели большие расхождения, поэтому в данном разделе мы уделяем внимание только проблеме критического отношения Л.Я. Штернберга к работам Л.И. Шренка.

Л.И. Шренк – крупнейший этнограф России, который первым дал обстоятельное описание народов Нижнего Амура, Сахалина и частично Приморского края. Сборами этнографических материалов он занимался более двух лет. Материалы о происхождении коренного населения, этнокультурных контактах местных племён с соседними народами региона – всё это нашло отражение в его трёхтомном труде. Из всего этнографического наследия, опубликованного Л.И. Шренком, нас интересуют части, посвященные происхождению ороков Сахалина и их этнокультурным контактам с населением низовьев Амура, Охотского побережья и Приморья. Проблеме этногенеза ороков исследователь уделял особое внимание, за что

и подвергся резкой критике со стороны другого выдающегося этнографа России – Л.Я. Штернберга.

Книга Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края», подготовленная по материалам полевых исследований 1854–1856 гг. и опубликованной литературы, была издана не сразу и не в один год после завершения исследований учёным. В 1883 г. вышел первый том, а остальные два – в 1899 и 1903 гг. В своём труде Л.И. Шренк пришёл к выводу, что ороки и ольчи низовьев Амура, известные русским под названием мангуны, некогда входили в состав одного народа. В далёком прошлом, как полагал учёный, мангуны-ольчи были оленеводами и кочевали вместе со своими стадами где-то в отрогах Станового хребта, к северо-западу от мест своего современного обитания. Потеряв оленей, они перешли хребет, вышли к бассейнам рек Амгуни и Горин, занимаемых негидальцами и самагирами, поселились в низовьях Амура и стали заниматься рыболовством [Шренк. 1883, с. 137, 149]. Здесь, в низовьях реки, ольчи разделились на две части: одна осталась на Амуре, а другая через хребет Лангыск и Амурский лиман переселилась на Сахалин, где и вернулась к своему исконному занятию – оленеводству [Шренк. 1883, с. 138].

Таким образом, Л.И. Шренк утверждает, что аборигены низовьев Амура, ольчи и ороки Сахалина относятся к одному народу, что подтверждается единым их самоназванием. «Сколько я сам ни расспрашивал ольчей, ответ их был один и тот же, а именно, что они сами называют себя так... Сахалинские ороки тоже... сами обозначают себя этим именем» [Шренк. 1883, с. 138].

Размышляя о происхождении названий ольчей и ороков, Л.И. Шренк считает, что эти народы получили своё название от маньчжуров или их предков ещё в то время, когда кочевали с оленями в горах, вдали от своего современного места жительства. «Данное им название они приняли или, по крайней мере, усвоили себе в сношениях с чужеземцами, в том числе и с позднейшими соседями своими, гиляками, вследствие чего оно сделалось употребительным для них и у последних, хотя, разумеется, в несколько изменённом виде» [Шренк. 1883, с. 138].

Исследователь не мог не заметить разницы в языке и культуре мангунов и ороков Сахалина, поэтому он особо отмечал,

что «обе части этого племени, как оставшаяся на материке, так и переселившаяся на остров, со времени своего разделения совершенно разошлись в образе жизни; между прочим, и в их языке – как иначе и быть не могло – установились различия не меньшие, может быть, чем между некоторыми другими тунгусскими племенами Амурского края» [Шренк. 1883, с. 139].

Кроме ольчей в низовьях Амура проживали гиляки, негидальцы, гольды и другие представители тунгусо-маньчжурских племён, между которыми были интенсивные этнокультурные контакты и этногенетические связи. Л.И. Шренк отмечал, что ольчи с давних пор смешивались «со своими соседями, живущими по Амуру и кверху, и книзу от него» [Шренк. 1883, с. 144].

Соседние народы называли ольчей по-разному: японцы – ороко, маньчжуро-китайцы – орунчунь, айны – орохко, гиляки западного побережья Сахалина – оронгта, а проживающие в долине р. Тымы – ороко [Шренк. 1883, с. 134, 136]. Этот распространённый и несколько изменённый экзоним Л.И. Шренк использовал в своём труде для тунгусо-маньчжурского народа, заселившего о-в Сахалин в конце XVII столетия.

Рассматривая этнические названия *ороки*, *орочи* и *орочоны*, Л.И. Шренк утверждал, что каждое из них этимологически связывается со словом *оро* или *орон*, которое «на языке тунгусских инородцев Амурского края, а равно и Сибири, значит „олень“ и преимущественно домашний» [Шренк. 1883, с. 137]. К этой же группе народов отмеченного региона исследователь относил и ольчей, считая данное слово идентичным с именем *орча* или *ор(о)ча* [Шренк. 1883, с. 137].

Таким образом, исходя из того, что аборигены низовьев Амура – ольчи и ороки Сахалина – относились к одному народу, Л.И. Шренк строил доказательную базу, подтверждающую концепцию единого происхождения этих этносов.

Мнение Л.И. Шренка о прошлом единстве амурских мангунов и ороков Сахалина было поддержано многими исследователями XIX–XX вв, потому что он, на наш взгляд, достаточно чётко выразил свою мысль о прошлом единстве амурских ольчей (мангунов) и ороков Сахалина.

Ровно через 50 лет со дня опубликования первого тома «Об инородцах Амурского края» появляется труд не менее известного российского этнографа Л.Я. Штернберга – «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны». Л.Я. Штернберг научную карьеру этнографа начал в 1891 г. совершенно случайно. В 1886 г. он был арестован за активное участие в партии «Народная воля», затем в 1889 г. – осуждён и выслан на 10-летнее поселение на Сахалин, где начал присматриваться к быту местного коренного населения – гиляков. Заметив этнографическое увлечение Штернберга, администрация поселения предложила ему произвести семейную перепись аборигенного населения северо-западной части Сахалина. Он согласился и постепенно начал заниматься исследованиями аборигенов Сахалина, а впоследствии и Приамурья. Работая с народами Сахалина и Нижнего Амура в 1891, 1894, 1896–1897 и 1910 гг., Штернберг сталкивался и с ороками. Во время многочисленных встреч с ними ему удалось получить значительные сведения по самоназваниям и культуре этого этноса, которые легли в основу труда, опубликованного через пять лет после смерти исследователя.

В книге Л.Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны», написанной на основе полевых материалов, собранных среди аборигенов Сахалина и Приамурья, рассматривается и проблема этногенеза народов южной части Дальневосточного региона. Мнение Штернберга о происхождении ороков Сахалина в корне отличается от концепции Л.И. Шренка, относившего их и мангунов низовьев Амура к одному народу на том основании, что у них было общее самоназвание *ольча*. Штернберг утверждал, что ороки и мангуны относятся к разным народам, потому что мангуны себя называли *нани*, а не *ольча*. Исходя из этого, исследователь авторитетно заявил: «Тщательное изучение номенклатуры приамурских „инородцев“ убедило меня... что Шренк ошибся, назвав Амурских *нани* ольчами. Если вы на Амуре среди народов тунгусского племени, в том числе и среди самих шренковских ольчей⁸, или на побережье Татарского пролива назовёте слово „ольча“, то

⁸ Под амурскими нанями и шренковскими ольчами Л.Я. Штернберг подразумевал мангунов низовьев Амура.

вам сейчас же скажут, что это жители Сахалина, ороки» [Штернберг. 1933, с. 399–400].

Известно, что Шренк этническое название *ульчи* в своём труде не использовал. Оно появилось только через 30 лет после его исследований и тут же было зафиксировано у ороков Сахалина. В конце XIX в. этноним *ульча* появляется и на материке у одной из групп мангунов, о чём писал Л.Я. Штернберг: «Если однако Шренк слышал на Амуре на территории мангунов подобное самоназвание, то это произошло потому, что многие роды на Амуре носят прозвище ульчан даже на территории негда на Удыли...» [Штернберг. 1933, с. 400].

Л.Я. Штернбергу удалось выяснить, что этническими названиями *ольча* и *ульча* тунгусские народы на Амуре, в том числе мангуны и орочи, обозначают только ороков Сахалина на основании того, что в их диалекте слово «олень» будет *ола*, *ула*, в отличие от тунгусского слова *орон*. В другом случае, как отмечает исследователь, эти этнические имена связываются с орокскими словами *аля*, *уля* [Штернберг. 1933, с. 8, 396]. «На этом основании сами ороки перед чужими на вопрос о народности часто называют себя тоже ольча или ульча, но между собой они всегда употребляют термин нани» [Штернберг. 1933, с. 8].

Так с подачи Л.Я. Штернберга стало считаться, что этнические названия *ольча* и *ульча* связываются с орокскими словами в форме *ола*, *ула*, *аля* и *уля*, означающими понятие «домашний олень». Глядя на обилие орокских терминов в этом значении, приведённых Л.Я. Штернбергом, невольно возникает вопрос, какой из них был использован им при определении этимологии этнических названий?

Рассмотрим всесторонне этот вопрос. На наш взгляд, объединение ольчей с ульчами на основании лишь того, что по-орокски олень имеет термин *ола*, *ула*, *аля* или *уля*, как утверждает Л.Я. Штернберг, неубедительно по нескольким причинам:

1) термины *ола* и *ула* не могут быть использованы для этимологии этнического названия *ольча*, потому что у них разные корневые основы: у слов *ола* и *ула* корневая основа твёрдая, а у названия *ольча* – мягкая;

2) проводить этимологию этнического названия *ульча* с помощью слов *ола* и *ула* нельзя. Даже на взгляд не филолога видно, что слова *ола* и *ульча* имеют разные корневые основы. То же можно сказать и о *ула* и *ульча*: у слова *ула* корневая основа твёрдая, а в слове *ульча* она мягкая;

3) рассматривая другую пару терминов – *алья* и *уля*, – имеющих значение «домашний олень», и сравнивая их с этническими названиями *ольча* и *ульча* («оленеводы»), мы пришли к следующему выводу: термины *алья*, *уля* и этническое название *ольча* между собой не имеют ничего общего, потому что у них вообще разные корневые основы, а это значит, что смысл данных слов относится к разным понятиям. Идеально совпадает только термин с мягкой корневой основой *уля* с этническим названием *ульча*. Однако даже этот идеальный вариант мы не можем использовать для этимологизации этнического названия *ульча* по простой причине: в орокско-русском словаре отмечается только один термин, которым ороки Сахалина называют домашнего оленя, – *ула* [Озолиня и др. 2003, с. 173, 247; Сем Ю., Сем Л. и др. 2011, с. 141], а таких слов, как *ола*, *алья* и *уля* у ороков нет. В связи с этим невозможно понять, что Л.Я. Штернберг имел в виду, когда выводил этимологию слов *ольча* и *ульча* из несуществующих терминов в форме *ола*, *алья* и *уля*, имеющих значение «домашний олень»?

Таким образом, проведённый этимологический анализ вышеозначенных терминов в значении «домашний олень» и этнических названий показал, что они между собой не имеют никакой связи. Л.Я. Штернберг, развивая мысль о едином самоназвании ороков Сахалина и мангунов, называвших себя этническим именем *нани*, отметив близость орочей к мангунам и орокам, как бы возвращает читателя к концепции Л.И. Шренка о единстве ороков и мангунов и делает неожиданный вывод: орочи «...столь же близки к ольчам амурским, как и сахалинским, и, мало того, *гольды*, *мангуны*, *орочи* и *ороки* должны считаться одним племенем» [Штернберг. 1933, с. 399].

В этой связи вспомним мнение Л.И. Шренка, что предки ороков Сахалина и ольчи (мангуны) в прошлом составляли единый народ, разделившийся на две части [Шренк. 1883, с. 139]. И, наконец, сравним концепцию Шренка с последним выводом Штерн-

берга, «что орочи, ольчи и ороки составляют одно племя... и что к этой триаде единого племени должно прибавить и гольдов...» [Штернберг. 1933, с. 399]. Отсюда следует, что Л.Я. Штернберг, рассматривая самоназвания населения Нижнего Амура и Сахалина, в целом соглашается с мнением Л.И. Шренка о происхождении ороков от амурского населения, но продолжает утверждать, что ороки Сахалина и ольчи (мангуны) низовьев Амура, хотя и имеют родственные отношения, подтверждаемые общим самоназванием *нани*, всё же относятся к разным народам [Штернберг. 1933, с. 400].

Итак, зная концепцию Л.Я. Штернберга, что ороки и мангуны не могли быть единым народом, в размышлениях исследователя обнаруживаем двоякое толкование одной и той же проблемы: с одной стороны, ороки и мангуны не могли относиться к единому народу, а с другой – эти же ороки, мангуны и другие жители Нижнего Амура, имея единый этноним *нани*, некогда составляли одно племя. Исходя из вышесказанного, следует отметить, что к критическим замечаниям Л.Я. Штернберга, направленным в адрес исследований Л.И. Шренка, следует относиться с большой осторожностью, воспринимая их только после тщательной проверки.

При детальном рассмотрении претензий Л.Я. Штернберга к трудам Л.И. Шренка возникает вопрос, почему по одним и тем же племенам Амурского края учёные располагают разными сведениями? Мог ли Шренк создавать свою теорию происхождения ороков и ольчей на основе непроверенных сведений и авторских вымыслов? На наш взгляд, учёный с мировым именем, занимавшийся исследованием истории и культуры народов Приамурья и Сахалина почти три года, обладавший немецким трудолюбием и добросовестностью, о которой говорил и сам Л.Я. Штернберг, не пошёл бы по пути подтасовки полевой информации. Тем более, что точку зрения о единстве ороков и ольчей он достаточно убедительно изложил в своей работе. Мог ли по какой-либо причине в деле определения самоназваний и происхождения народов Амурского края ошибиться Л.Я. Штернберг? На наш взгляд, он также довольно ясно и достаточно глубоко обосновал своё мнение и доказал, что ороки и шренковские ольчи (мангуны) относятся хотя и к родственным племенам, но к разным народам.

Из нашего анализа и ответов на поставленные вопросы видно, что оба исследователя, рассматривая проблему самоназваний и происхождения ороков и ольчей Амурского края, доходчиво отстаивали свои концепции и обоснованно доказывали свою правоту. Однако если проблема требует однозначного ответа «да» или «нет», что характерно для нашего случая, то кто-то один – Л.И. Шренк или Л.Я. Штернберг – всё же в своих выводах ошибается.

Л.И. Штернберг обоснованно считает, что «Шренк ошибся, назвав амурских нани ольчами» [Штернберг. 1933, с. 399–400]. К сожалению, Л.И. Шренк, умерший в январе 1884 г., когда у его оппонента ещё даже в мыслях не было заниматься научной деятельностью, не мог парировать или оправдаться перед Л.Я. Штернбергом.

Вчитываясь в содержание исследований Л.И. Шренка и критики Л.Я. Штернберга, поддерживаемой советскими этнографами, мы обратили внимание на своего рода двойственную ситуацию в этнографической литературе, когда обе стороны в своих выводах правы, а проблема так и осталась нерешённой. Это недоразумение, или двойственность, сложившаяся в этнографической науке XX столетия, находит простое объяснение. На наш взгляд, суть дела заключается в том, что Л.И. Шренк, сам того не подозревая, выявил материалы, «свидетельствующие о рождении» нового этноса, когда одна группа населения низовьев Амура, известная под названием ороки, отделилась от нижеамурских родственников и переселилась на Сахалин. Не зная процесса «рождения» этносов, он наблюдавшийся феномен объяснил обычным разделением одного народа на две родственные группы, как это было в этногенезе нивхов (гиляков), разделявшихся на Сахалинскую и Амурскую этнические группы. Исходя из этого примера, Л.И. Шренк писал, что сахалинских ороков и ольчей низовьев Амура, как ближайших родственников, тоже можно было бы разделять на амурскую и сахалинскую группы.

Л.И. Шренк понимал, что разделение населения низовий Амура, вначале обладавшего общим этническим именем *ольчи*, на сахалинскую и нижеамурскую группы объясняется различиями в культуре исследуемых племён. «...Обе части этого племени, как

оставшаяся на материке, так и переселившаяся на остров, со времени своего разделения совершенно разошлись в образе жизни; между прочим, и в их языке – как иначе и быть не могло – установились различия, не меньшие, может быть, чем между некоторыми другими тунгусскими племенами Амурского края. Ввиду всего этого я продолжаю рассматривать сахалинских ольчей как особый народ, называемый ороками» [Шренк. 1883, с. 139].

В своё время Л.И. Шренк не мог знать, что процесс «рождения» нового этноса ещё не закончился. Сахалинская группа ольчей, известная под названием ороков, обладала не всеми свойствами сформировавшегося народа. Она, хотя и отделилась от нижнеамурского этноса, но не оторвалась от «материнской пуповины», связывающей воедино мангунов-ольчей Нижнего Амура и сахалинских ороков. Полный отрыв ороков от мангунов был обусловлен развитием этнического самосознания, сформировавшегося только к концу XIX в., и был зафиксирован Всероссийской переписью населения 1897 г., что нашло своё отражение в книге С.К. Патканова «Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири» в разделе «Ороки» и этнических названиях *орочоны* и *ульча* [Патканов. 1906, с. 132–140].

Л.Я. Штернберг, занимаясь этнографическими исследованиями народов Приамурья и Сахалина, тоже не заметил процесса «рождения» нового этноса, который оторвался от «материнской пуповины» в конце XIX в. и активно развивался в начале XX в. Штернберг был хорошим специалистом, фиксирующим всё, что видел и слышал от своих респондентов – непосредственных носителей традиционных культур, – но он недооценил этнологию – теоретическую часть этнографии, направляющую исследователя к глубокому анализу социально-экономического, демографического и культурного развития народов. Л.Я. Штернберг зафиксировал то состояние мангунов – амурских ольчей и ороков Сахалина, – которое застал в конце XIX – начале XX в. Всё, что ему удалось узнать от респондентов, противоречило материалам Л.И. Шренка. Это и послужило причиной неправильных выводов о трудах предшественника. Штернберг без учёта жизненных изменений аборигенов стал уличать Шренка в ошибках, неверно считая, что тот за трёхлетний период изучения народов Амурского края

даже не выяснил их этнических самоназваний, а «...больше успел собрать материала книжно-исторического характера, чем на основании близкого знакомства с населением» [Штернберг. 1933, с. 6]. Этим самым Л.Я. Штернберг хотел сказать, что Л.И. Шренк не сумел разобраться в этнической номенклатуре и ошибочно объединил ороков Сахалина и ольчей (мангунов) в один народ. Таким образом, критика Л.Я. Штернберга, направленная против исследования Л.И. Шренка, преследовала цель показать несостоятельность его концепции по проблеме самоназваний населения Нижнего Амура и происхождения ороков Сахалина, связанных с нижнеамурскими ольчами.

Методологической основой труда Л.Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны» стал эволюционный подход с широким использованием сравнительного метода исследования. Алькор (Кошкин) во вступительной статье к этой книге отмечал, что Л.Я. Штернберг «счёл возможным при исследовании общественных явлений ограничиться лишь применением сравнительного метода» [Алькор Кошкин. 1933, с. XXII].

Л.Я. Штернберг этому методу придавал очень большое значение, считая, что с его помощью можно выявить все изменения, которые происходят в традиционной культуре народов Нижнего Амура и Сахалина. Однако учёный не принял во внимание ряд обязательных принципов сравнительно-исторического анализа. Главные условия функционирования этого метода – «...проведение сопоставлений в условиях единого (или максимально близкого) хозяйственно-культурного типа, близкого временного периода и примерно сопоставимого стадийного уровня развития исследуемого общества и общества, используемого в качестве аналога» [Крадин. 2001, с. 20]. Если нарушено хотя бы одно из перечисленных условий, то исследователь в обязательном порядке приходит к неоправданным, ложным выводам.

Л.Я. Штернберг при сравнении полевых материалов по этническим названиям коренного населения низовьев Амура и Сахалина, сам того не желая, проигнорировал принцип единого временного периода. Он посчитал разрыв в 35–38 лет между своими исследованиями и исследованиями Л.И. Шренка небольшим сроком.

Однако это далеко не так по многим социально-экономическим, демографическим, культурным и другим причинам:

– с 1860 г. весь правый берег Амура и современный Приморский край, по Пекинскому договору, исторически стали принадлежать России;

– с 1880-х гг. Амурский край активно заселялся русскими, украинскими и белорусскими переселенцами, которые оказывали значительное влияние на самосознание и культуру местного населения;

– в 1892 г. выходит «Положение об инородцах», в котором фиксируется ряд территориальных привилегий для аборигенного населения;

– за 35–38 и более лет между исследованиями двух величайших этнографов России появилось и выросло новое поколение аборигенов низовьев Амура и Сахалина;

– конец XIX столетия ознаменовался активным процессом христианизации ороков, негидальцев, эвенков и других аборигенов края.

Все эти изменения на территории Амурского края и Сахалина обусловили значительные перемены как в хозяйственной деятельности аборигенного населения, так и в его этническом самосознании. Например, представители старшего поколения аборигенов говорили Шренку одно, а представители младшего – сообщали Л.Я. Штернбергу совсем другое. Отсюда следует, что наиболее важные материалы этногенетического характера, выявленные Л.И. Шренком, последующие исследователи (Л.Я. Штернберг и советские этнографы) не обнаружили и единодушно решили, что Шренк по разным причинам не смог выявить у народов Нижнего Амура, Приморья и Сахалина материалы, которые удалось добыть Штернбергу.

Именно этим, на наш взгляд, объясняется факт, что Л.Я. Штернберг в 1891, 1896–1897 гг. обнаружил, что наименование *ольчи* не характерно для мангунов – населения низовий Амура – и под этим именем фигурируют только сахалинские ороки, а племена низовьев Амура – мангуны, гольды, орочи и ороки Сахалина – называют себя одним именем *нани*, и все перечисленные тунгусо-маньчжурские племена приобрели статус отдельных на-

родов, и т.д. Аналогичного мнения придерживались и советские этнографы, которые, как это ни странно, тоже, не учитывая социально-экономических и культурных изменений XIX столетия, активно поддерживали критические замечания Л.Я. Штернберга по отношению к исследованию Л.И. Шренка.

Таким образом, проведённый нами сравнительный анализ исследования Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края» и монографической работы Л.Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны», подготовленной по материалам полевых исследований среди населения Сахалина и Амурского края в 1891, 1894, 1896–1897 и 1910 гг., показал, что не Л.И. Шренк ошибся в выводах о некогда былом единстве ороков Сахалина и ольчей Нижнего Амура, впоследствии известных под названием *ульчи*, а Л.Я. Штернберг, который, не учитывая социально-экономических, демографических, психологических, временных и других причин, стал сравнивать культурные особенности ороков конца XIX – начала XX в. с культурой населения полувековой давности. При этом вместе со Штернбергом ошибочных взглядов на проблему этногенеза ороков Сахалина придерживались и придерживаются многие советские и постсоветские исследователи, которые слепо уверовали, что авторитеты науки ошибаться не могут.

Из всего сказанного следует, что рассмотрение проблемы этногенеза ороков Сахалина, обладающих самоназваниями *ульча*, *уильта*, *ульта* и *уйльта*, в годы советской власти пошло по ошибочному пути. Необходимо исправить эту ошибку в ближайшее время, а также рассмотреть вопрос, почему у одного и того же этноса существует так много самоназваний?

4. Слепая вера в непогрешимость кумиров науки чревата последствиями

За последние десятилетия в отечественной этнологической и филологической науках, а также в зарубежной историографии появилось много работ по орокам. Однако затрагиваемые в них вопросы по проблеме этногенеза не находят конкретных ответов, а только вносят противоречия, из-за чего возникают дополнительные вопросы и путаница. Ситуация с ороками Сахалина хорошо обрисована В.Д. Косаревым: «До недавних пор могло казаться, что отсутствие точных ответов на вопросы об их происхождении, особенностях развития и культуры, отношении к другим тунгусо-маньчжурским этносам объясняется малой изученностью, поскольку этот малочисленный народ долгое время ускользал от внимания исследователей. Но со временем положение изменилось, а за последние два десятилетия появилось много новых исследований в России и за рубежом, включая монографии. И что же? Накопленная „критическая масса“ привлечённого и проанализированного материала привела к тому, что бесспорное оказалось спорным, более или менее

понятное прежде – сомнительным, а тщательно расставленные „точки над і“ превратились в многоточия. Большинство ответов на давно поставленные вопросы у разных авторов по-прежнему противоречат один другому, что к истине, естественно, не приближает» [Косарев. 2009, с. 17].

Мысль Косарева можно продолжить объяснением, почему с увеличением опубликованных работ, отражающих процессы этногенеза ороков Сахалина, нерешённых вопросов становится только больше.

Практика показывает, что при исследовании какой-либо проблемы нельзя верить в непогрешимость маститых учёных и слепо ссылаться на их материалы в своей работе. Кто же не знает, что многие исследователи в процессе изучения культуры этносов заимствуют мысли известных предшественников, не подвергая их материалы проверке на объективность, а воспринимая всё как неоспоримую истину, не подлежащую критическому анализу. Мало того, для подкрепления работ подвёрстываются без достаточной проверки и осмысления подходящие выдержки и цитаты. Другие учёные для обоснования своей концепции иногда используют не мысли (идеи) своих предшественников, а только их сносочный аппарат, думая, что в отмеченной публикации имеется тот материал, о котором пишет его кумир. Такая пагубная практика не приближает решение поставленных задач, а часто направляет исследование проблемы этногенеза по ложному пути.

Для наглядности мы предлагаем рассмотреть следующие примеры: в отечественной историографии с 1930-х гг. и до настоящего времени с подачи Л.Я. Штернберга считается, что этнические имена *ольчи* и *ороки* в этнографическую литературу во второй половине XIX в. необоснованно ввёл Л.И. Шренк [Штернберг. 1933, с. 6]. С таким же утверждением в 1939 г. выступил А.М. Золотарёв [Золотарёв. 1939, с. 33], в 1949 г. – М.Г. Левин [Левин. 1949, с. 23], в 1954, 1966 и 1975 гг. – А.В. Смоляк [Смоляк. 1954, с. 33; 1966, с. 13; 1975, с. 64], в 2006 г. – Л.И. Миссонова [Миссонова и Соколова. 2006, с. 137] и др.

При всём уважении к отечественным исследователям разных поколений, поддержавших Л.Я. Штернберга во мнении, что Шренк

«на основании... личных соображений» необоснованно ввёл в отечественную этнографическую литературу этническое название *ольчи*, следует сказать, что до публикации труда «Об инородцах Амурского края» впервые данный этноним в своей работе использовал А. Брылкин. Он писал, что орокэсы это «...тунгусы из племени олоча. Их язык, нравы и обычаи совершенно те же, как у амурских мангунов. Аины называют их орохко (откуда, вероятно, орокэсы)» [Письма г. Брылкина. 1864, с. 21]. Вслед за Брылкиным это этническое имя употребляют Ф.Б. Шмидт и П.П. Глен. Шмидт публикует сочетание этнических названий *мангуны (олча)*, а у Глена фигурирует только название *ольча* [Исторические отчёты. 1866, с. 44, 75, 98–99]. Это же имя в 1867 г. использовал в своих трудах и географ Семёнов-Тян-Шанский [Семёнов. 1867, с. 165]. И только после вышперечисленных исследователей, в 1883 г. название *ольчи* фиксируется в трёхтомном труде Л.И. Шренка.

Другой неопровержимый факт: ссылка на маститых учёных без проверки их материалов чревата определёнными последствиями. В литературе считается, что самоназвание ороков – *ульта*, *ульча* – П. Глен знал ещё в 60-х гг. XIX в. [Смоляк. 1954, с. 36]. В 1967 г. филолог, специалист по ультскому языку, Т.И. Петрова сообщает: «Самоназвание „ульта“ известно уже давно. Ещё Ф. Шмидт и П. Глен упоминают ороков под этим именем. Такое самоназвание послужило Ф. Шмидту основанием к отождествлению ороков с ульчами (по транскрипции Шмидта [olca], [oltsha])» [Петрова. 1967, с. 6]. В 1975 г. А.В. Смоляк, ссылаясь на «Труды Сибирской экспедиции» (Т. 1. СПб., 1868 г. С. 98–99.), утверждает, что самоназвание ороков – *ульта*, *ульча*, *уйльта* – «впервые установлено П.П. Гленом» [Смоляк. 1975а, с. 64].

В 1996 г. Т.П. Роон также пишет, что «этноним *ульта/уйльта* известен достаточно давно: о нём упоминается у Ф. Шмидта и Глена, работавших на Сахалине в середине прошлого века» [Роон. 1996, с. 13]. А.И. Кузнецов информацию о знании этнонима *ульта* этими исследователями отнёс даже к 1858 г. [Кузнецов. 1992, с. 142]. И, наконец, самое последнее высказывание на эту тему прозвучало в книге известного филолога Л.В. Озолина «Грамматика орокского языка». Там со ссылкой на Т.И. Петрову говорится, что Шмидт и Глен упоминали ороков под этнонимами *ульта*

(*ульта, уйльта*) и «...такое самоназвание послужило Ф. Шмидту основанием к отождествлению ороков с ульчами (по транскрипции Шмидта *olca, oltsha*)»⁹ [Озолиня. 2013, с. 6].

Так и получилось, что последние 60 лет советские и постсоветские учёные с подачи А.В. Смоляк и утверждения Т.И. Петровой ошибочно считали, что Ф.Б. Шмидт и П.П. Глен первыми выявили этнические названия *ульта* и *уйльта*.

Конечно, А.В. Смоляк не собиралась никого вводить в заблуждение, это получилось совершенно случайно. Идентифицируя этнические названия ороков *ольчи, ульча* и *ульта*, она посчитала, что между ними можно ставить знак равенства, потому что под каждым из этих этнонимов подразумевается название ороков. Исходя из этого, исследовательница, очевидно, решила, что под опубликованным Гленом словом *ольча* [Смоляк. 1954, с. 36] допустимо подразумевать этнические названия *ульча* и *ульта*.

В 1967 г. Т.И. Петрова при подготовке монографии «Язык ороков (*ульта*)», доверившись эрудиции А.В. Смоляк, тоже утверждает, что Ф.Б. Шмидт и П.П. Глен первые выявили этнонимы *ульта, уильта* и *уйльта*. Петрову поддержали многие учёные XX–XXI вв.

Как это ни печально, но в трудах Ф.Б. Шмидта и П.П. Глена упоминаются только названия *мангуны (олча)* и *ольча*, а отождествление ороков с ульчами в форме [olca], [oltsha], о чём пишут Т.И. Петрова и Л.В. Озолиня, принадлежит не ботанику Ф.Б. Шмидту, а филологу – знатоку ольчского языка – П.П. Шмидту, подготовившему исследование «Язык ольчей» и опубликовавшему его в Риге в 1923 г. в одном из сборников Латвийского университета¹⁰. Этот факт говорит о том, что для многих исследователей фамилия известного в науке учёного служит своеобразным эталоном доверия и научной непогрешимости. В результате непроверенные данные, заимствованные у предшественников, могут привести к ложным выводам и запутать, а не прояснить изучаемую проблему.

Случается, что исследователи из-за недостатка материалов сами выбирают ошибочный путь, считая его единственно пра-

⁹ Автор приносит извинения за вынужденный повтор.

¹⁰ P. Schmidt. The Language of the olchas. Acta Universitatis Latviensis, VIII, Riga, 1923.

вильным. Рассмотрим такой факт этнографической литературы XX в. Это относится к известным экзонимам *ульчан*, *ульчар* и *ультаян*, этимология которых может связываться с понятием «оленоводы» или словами, имеющими другое значение.

Б.А. Васильев в своём исследовании отмечает, что «тунгусы называют ороков – ульчан» [Васильев. 1929, с. 6]. Аналогичная ссылка наблюдается у Д.А. Функа и его коллег: «Эвенки их называют *ульчан* (*ультаян*), русские – *орочёны*» [Функ и др. 2000, с. 15]. М.Г. Левин, а впоследствии и А.И. Кузнецов считают, что эвенки ороков называют экзонимом *ульчар* [Кузнецов. 1992, с. 142]. Четыре статьи об ороках Сахалина и шесть авторов, которые пишут об одном народе, пользуются одной литературой, но почему-то употребляют разные экзонимы – *ульчан* (Васильев), *ульчар* (Левин и Кузнецов) и *ультаян* (Функ и др.). Они не указывают, у каких эвенков были данные экзонимы для обозначения сахалинских ороков, хотя каждому этнографу известно, что этнографических групп эвенков достаточно много и игнорировать их этнические особенности нельзя. Возможно, конкретный ответ на вопрос, какие именно из них использовали эти названия, пролил бы свет на проблему этногенеза сахалинских ороков, ведь данные экзонимы явно функционировали у эвенков разных территориальных групп. Несомненно, это были эвенки, которые ороков могли знать ещё на материке, значит, экзонимом *ульчан* (*ульчар*), вероятно, обозначали не конкретно ороков, а каких-то жителей определённой местности, впоследствии вошедших в состав этого народа в качестве субэтнической группы.

По понятным причинам Б.А. Васильев и М.Г. Левин дать ответ, от каких тунгусов они записали экзонимы *ульчан* и *ульчар*, не могут. Не сможет ответить и А.И. Кузнецов, так как он заимствовал это название у Левина и не сослался на него. Поэтому надежда возлагается только на здравствующий коллектив Д.А. Функа, члены которого должны знать, какие эвенки называют ороков экзонимами *ульчан*, *ульчар* и *ультаян*.

Если два первых названия как-то соотносятся с суффиксами, связанными с образованием территориальных топонимов, то экзоним *ультаян* вызывает определённое сомнение в его реальном существовании. Возможно, именно по этой причине он и не по-

пал в список *ульта*, состоящий из более чем 20 наименований, составленный Л.И. Миссоновой и З.П. Соколовой в 2006 г. [Миссонова и др. 2006, с. 139], хотя известен в печати с 2000 г. Хотелось бы знать, что означает этот экзоним и кто автор этого названия?

Анализ термина *ульчан* показывает, что эвенки, употребляя это слово, не могли под ним подразумевать понятие «оленевод», потому что в их языке нет слова *ула* («олень») и нет слова *ульча* в значении «оленевод». Если исходить из факта, что в далёком прошлом люди называли себя не по специальности, а по месту жительства, то эвенкийский термин *ульчан* по отношению к орокам Сахалина может означать не «оленеводы», а «жители какой-то конкретной речной долины». Например, такая долина имеется на территории расселения охотских орочёнов-эвенков. Под этим названием значится правый приток р. Кулу в Тенькинском районе Магаданской области [Леонтьев и др. 1989, с. 382]. О том, что эти ульчаны могли появиться со стороны Охотского побережья, имеются косвенные указания М.Г. Левина, который в 1947 г., изучая антропологические типы населения южной части Дальнего Востока России, особо подчёркивал: «Этнографические и исторические данные свидетельствуют о длительных в прошлом культурных связях между населением южной части Охотского побережья и населением Амура и Приморья» [Левин. 1947, с. 96]. Аналогично можно говорить и об этнических названиях *ольча*, *уильта*, *ульта*, а также других этнонимах ороков Сахалина.

В 1928 г. Б.А. Васильев, изучая ороков Сахалина и надеясь услышать этническое название *ульча*, неожиданно для себя столкнулся с фактом появления у них нового самоназвания – *ульта*. Очевидно, под влиянием этого факта Васильев пришёл в некое замешательство и попытался объяснить, почему он услышал самоназвание *ульта*, а не привычный для сахалинских ороков этноним *ульча*? [Васильев. 1929, с. 5]. В то время у учёного не получилось это сделать, потому как ему было не известно, что у одного и того же народа может быть несколько субэтнических групп, каждая из которых имеет двойное самосознание: кроме основного этнонима ещё и дополнительный, характеризующий особенности данной группы и, как правило, связанный с названием конкретной местности.

Естественно, если Б.А. Васильев не знал о существовании субэтнических групп, то об этом хорошо знают Д.А. Функ, А.П. Зенько и А.П. Силланпяя, потому что именно в Институте этнологии разработали теорию этноса и показали особенности субэтносов коренных малочисленных народов. Однако ни в статье Д.А. Функа и его соавторов, ни в работах других исследователей о существовании нескольких субэтнических групп уроков Сахалина даже не упоминается. Учёные, придерживаясь филологической точки зрения, что этнические названия *ольча*, *ульча*, *ульта* и др. являются разными фонетическими звучаниями одного термина, утвердившегося в этнографической науке в форме *уйльта*, даже в мыслях не допускали, что у уроков могли быть субэтнические группы, обладавшие двойным самосознанием.

Определённый намёк на существование таких этнических групп имеется только у Ч.М. Таксами. Из его исследования видно, что северные ороки разделялись на этнические группы, которые кочевали вдоль заливов всего северо-восточного побережья Сахалина – Пильтунского, Чайвинского, Ныйвинского, Набильского и Луньского. «В 1920-х годах в этих районах было зафиксировано пять локальных групп уроков, каждая из которых кочевала по определённой территории... Южные ороки Сахалина также расселялись небольшими группами в низовьях р. Пороная, вдоль залива Терпения и Невского озера. Обычно в одном месте селились три-пять семей, немногим более 30 человек...» [Таксами. 1968, с. 35].

Новый народ, образовавшийся на Сахалине, в этническом отношении не был однородным. В процессе развития состав орочёнов относительно регулярно пополнялся небольшими группами из материковых этносов. По выражению Ч.И. Таксами, «нынешние ороки, это конгломерат нескольких тунгусских групп, переселившихся на остров из бассейна Нижнего Амура» [Таксами. 1968, с.35]. Этническая неоднородность орочёнов прежде всего стала сказываться на их единстве. Вхождение в состав орочёнов представителей соседних народов сопровождалось привнесением новых этнических названий с одновременным игнорированием первого самоназвания – *орочёны*. Орокский этнос стал раз-

биваться на родственные группы, которые занимали определённую территорию.

Если бы на этот факт хотя бы кто-нибудь обратил внимание, то не пришлось бы коллегам сводить многочисленные самоназвания под один этноним: вначале после этнонима *ольчи* ставить знак равенства перед термином *ульча* и объяснять, что это новое написание слова *ольча*, потом между этнонимами *ульча* и *ульта* ставить знак равенства. А дальше ещё проще, – посчитали некоторые советские и постсоветские учёные, – *ульта*, *уильта* и *уйльта* – это вообще одно и то же слово, в искажённой форме зафиксированное русскими исследователями. Таким образом, уже к 1967 г. была получена единая этногенетическая цепочка ороков Сахалина в форме *ороки* = *ольчи* = *ульча* = *ульта* (*уильта*, *уйльта*), а в наши дни для ороков Сахалина используется только один этноним *уйльта*. Его ввели для народа в качестве образцового самоназвания ороков Сахалина, однако перепись 2002 г. показала, что из 346 ороков назвал себя *уйльта* примерно только каждый пятый, *ульта* – каждый восьмой, *ороком* – каждый девятый, а *орочёнами* назвались 148 чел. Из данного примера видно, что принять этническое название *уйльта* в качестве образцового этнонима для ороков не получилось, потому что каждый человек при переписи назвал ту субэтническую группу, к которой принадлежали его предки или он сам.

Л.И. Миссонова почему-то в возникшей этнической разногласии усматривает позитивный вывод и торжественно заявляет: «Акт официального переименования народа свершился» [Миссонова и др. 2006, с. 132], – будто после этого у ороков исчезли все социально-экономические и культурные проблемы.

Чего же добились ороки? Итог их победы такой: они хотели, чтобы их называли этнонимом *ульта*, но, добившись этого, затем орокская интеллигенция во главе с Бибиковой приняла сторону японского филолога Дз. Икэгами, который рекомендовал ороков обозначать термином *уйльта*, как он считал, более соответствующим морфологическим особенностям орокского языка.

По этому поводу В.Д. Косарев писал: «Чего мне не мог объяснить никто – это появление кажущегося лишним звука [й] в названии, происходящем от „уля/ула“. История с этим этнонимом

кажется подозрительной, и может статься так, что это не исконное имя ороков, а искусственно созданное или данное кем-то извне. Ведь у большинства соседних народов Севера самоназвания переводятся как „человек“, „люди“, „народ“, а этнонимы по занятиям или культурным особенностям обычно даются другими племенами» [Косарев. 2009, с. 19].

Следует сказать, что наряду с самоназваниями этносов, этимология которых отражает такие понятия как «человек», «люди», «народ», существуют этнические названия, указывающие и на рельеф местности. Например, к последним относятся древние экзоэтнонимы *уцзи*, *воцзи*, *ужэ*, представляющие собой тождественные понятия, связанные с лесистой местностью или тайгой [Старцев. 2008, с. 208]. К этнонимическому ряду с тем же значением относится и современный этноним *удэ* [Гирфанова. 2001, с. 314]. Этимология этнонима негидальцев связывается с поселением Негда, а тунгусы (эвенки), кочевавшие по отрогам Станового хребта, себя называли термином *дункан*, что означало «жители сопок» [История и культура негидальцев. 2014, с. 26–30].

На наш взгляд, этимология самоназваний ороков Сахалина тоже связана с местными топонимами. Существующие этнонимы *орочёны*, *орочи*, *ольчи*, *ульчи*, *уйльта* (*уйльта*) и *ульта*, которыми назывались ороки Сахалина, – это не разное фонетическое озвучивание одного термина, а разные названия этнических групп, в прошлом входивших в состав ороков Сахалина. Однако эту точку зрения ещё надо доказать, что и будет сделано в следующих разделах.

5. Этнические причины миграций населения Охотского побережья, Приамурья и Приморья в XVII в.

Этнографические, антропологические и исторические исследования свидетельствуют, что в XVII в. на территориях Охотского побережья, в Приамурье и Приморье по разным причинам началась активная миграция преимущественно тунгусо-маньчжурского населения от Байкала, бассейна р. Сунгари, верховьев Амура и Якутии на восток – до Японского, Охотского морей и далее к Чукотке. Миграционные пути по большей части вели к низовьям Амура из Приморья, северной и западной частей Охотского побережья по Учуре, Амгуни, Уду, Маи и другим рекам. Наиболее активное движение тунгусов наблюдалось со стороны северо-восточной части Охотского побережья и Станового хребта через Удский край.

Эта миграция привела в движение все народы регионов, что неминуемо вызвало смешение этносов, изменение их языков, местной топонимики и культуры. С одной стороны, движением тунгусов с Охотского побережья и Удского края в сторону Амура в районе озёр Орель, Чля, в верховьях Амгуни и низовьях Амура, на побережье Татарского пролива и других территориях был обусловлен процесс формирования негидальцев, ороков, орочей, гольдов, самагиров и других этносов. В.К. Арсеньев по этому поводу писал: «Судя по сходству языков и по многим этнографическим признакам, самагирцы, негидальцы,

ольчи, сахалинские ороки и орочи Императорской Гавани – суть народы, весьма близко стоящие друг к другу и появившиеся на сцене Приамурского края одновременно. Эти тунгусы пришли откуда-то из Якутской области, быть может, во время знаменитого переселения якутов из Забайкалья. Когда самагирцы были на Горюне, а негидальцы – на Амгуни, остальные ещё по инерции двигались. Потом на Амуре (главным образом, около оз. Кизи с выходом к морю в залив Де-Кастри и бухту Таба) остались ольчи. К юго-востоку от них распределились орочи, а к востоку (на острове Сахалин) ороки» [Арсеньев. 2012, с. 563].

Появление мигрантов в низовьях Амура привело к антропологическому смешению, консолидации и взаимной ассимиляции пришлых тунгусов с аборигенами, истари обитавшими в низовьях реки. Ассимилированные тунгусы, слившиеся с местным населением, в XIX в. русским переселенцам были известны под названием *мангуны*, что в переводе означало «жители низовьев р. Амура».

С другой стороны, наблюдалось большое движение племён кьякала удэгейского происхождения в Приморье, впоследствии ставших известными под именем *удиэз*. Эти племена перемещались от р. Сунгари через бассейны Усури, Бикина, Имана и других рек в сторону побережья Японского моря до современного Тернея, Самарги и далее на север, вплоть до залива Де-Кастри Татарского пролива, где происходило значительное смешение предков тунгусов, орочей, ульчей, самагиров, удэгейцев и других народов. Встреча двух миграционных потоков – тунгусов с севера, кьякальцев, орочей и нанайцев с юга – обусловила дробление этнических родов на более мелкие территориальные роды удэгейского, орочского, нанайского, эвенкийского, негидальского происхождений. В наши дни доказательством тех бурных этногенетических процессов являются сохранившиеся от предков коренного населения исследуемого региона топонимы и гидронимы: в Приморском крае это названия рек Самарга, Нахта и др., оставленные предками тунгусов (эвенов и эвенков) во время их передвижений с севера на юг.

Проблема переселения малочисленных народов затрагивалась в этнографических трудах почти всех исследователей,

занимавшихся вопросами происхождения этносов или касавшихся объединения аборигенов в союзы доха, существование которых характерно для всех тунгусо-маньчжуров Приамурья и Приморья. Однако специальных работ, в которых бы всесторонне рассматривались внутренние и внешние причины миграции местного населения Охотского побережья, Приамурья и Приморья, нет. Добровольное или вынужденное переселение людей из одного региона в другой обуславливается этническими, демографическими, социальными, экономическими (хозяйственными), политическими, военными и другими внутренними и внешними причинами.

Цель автора в данном разделе – выяснить, почему местное население отмеченных регионов преимущественно мигрировало в сторону низовий Амура, а заодно выявить и основную причину переселения на Сахалин части нижеамурского этноса, в последствии ставшего известным под названиями *ороки* и *орочоны*, а также этнонимами *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *ульта*, *уйльта*.

Миграция населения, связанная с выпасом оленей или охотничьим промыслом, зависела от состояния пастбищ и охотопромысловых угодий. Оленеводы по мере истощения ягельника на пастбищах традиционно передвигались вместе с оленями в основном по одним и тем же территориальным маршрутам. Охотники Дальневосточного региона обладали большей подвижностью, чем оленеводы, чаще меняли места охоты. В поисках хороших угодий они иногда уходили от места своего обитания на сотни и даже тысячи километров. Такие внутренние миграции характерны для населения, обитающего на обширной и малозаселённой территории с разнообразными природно-климатическими и экономическими условиями. Г.М. Василевич подробно описывала миграцию аборигенов: «Ещё в XVII в. была зарегистрирована традиция выхода для промысла из района Маи-Аяна на Амгунь. Аналогичная традиция ухода на промысел могла существовать и в районе Чумикана-Уды, откуда ходили на богатый кормами и зверем Сахалин. Этими двумя путями могли двигаться и группы первых оленных охотников. Одни, выйдя на Сахалин, сохранив тип оленеводства и ряд других элементов культуры, стали компонентом в этногенезе ороков (на Сахалине их до сих пор называют

орочон и ороchol, тогда как самоназвание их ульта). Другие через Амгунь и Амур вышли на Анью и Тумнин и дали ороchонский компонент в этногенезе орочей (по местному названию ороchоны). При сохранении ряда элементов материальной культуры оленеводство у них не сохранилось. Самым поздним (XIX в.) был выход оленных ороchol на Камчатку» [Василевич. 1964, с. 8–9].

Миграция тунгусов (эвенков и эвенов) с Охотского побережья в районы бассейнов рек Уда, Тугура, Чумикана, Амгуни и другие территории, вплоть до низовьев Амура и Сахалина, к столкновениям с местным населением не приводила, потому что почти весь район Нижнего Амура уже был заселён родственными группами тунгусо-маньчжурских этносов, обосновавшихся там в более ранние века. Однако если тунгусы оказывались на территории, занятой народом иной культуры и языковой группы, то между местным и пришлым населением без этнических конфликтов не обходилось. Так, крупный военный конфликт возник в бассейнах рек Армани и Олы лет 300–500 тому назад, когда колымские эвены в поисках хороших промысловых угодий и оленьих пастбищ заняли территорию коряков [Крейнович. 1979, с. 189–190].

Население охотников и рыболовов низовий Амура на протяжении многих веков формировалось из палеоазиатов – преимущественно нивхов и айнов, а также из предков ульчей, орочей, удэгейцев, нанайцев и других народов тунгусо-маньчжурского происхождения, хорошо прослеживающихся с эпохи Золотой империи, павшей от воинов Чингисхана в XIII в. Затем в их среде появляются оленеводы, которые в XIX в. фиксируются под названием ольчи или мангуны низовий Амура.

Селения аборигенов Приамурья состояли из одного-трёх домов. Крайне малое по численности местное население, разбросанное на большой территории, испытывало потребность в людском общении и взаимной помощи, поэтому появление в низовьях Амура переселенцев удских или охотских тунгусов со стороны Станового хребта или побережья моря и озёр Орель и Чля не вызывало у местных жителей негативного отношения. «Обычно переселения были стихийны, незначительны по масштабам: переселялась одна, максимум две семьи, иногда через некоторое время к этим переселенцам приезжали родственники. Однако

для малочисленных народностей, расселённых мелкими селениями, прибытие любых переселенцев имело значение, их охотно принимали в состав рода, в селение» [Смоляк. 1982, с. 236].

В повседневной жизни постоянная помощь была нужна всем: больным и здоровым, молодым и старым, женщинам и мужчинам. Так, принимать роды могли только опытные старые женщины, дети нуждались в уходе взрослых, о стариках заботились молодые и т.д. Жители мелких селений испытывали потребность в дружеских контактах и постоянном общении не только с родственниками, но и с людьми других этнических групп. В условиях сурового климата, частых голодовок, стихийных бедствий (наводнений и других катаклизмов, эпидемий) прожить без поддержки соседей было невозможно. Поэтому для малочисленных родов, обитавших в мелких селениях, прибытие любых переселенцев, даже из числа других национальностей, имело большое практическое значение. «По этим причинам остатки родов, отдельные семьи независимо от их родовой принадлежности стремились объединиться друг с другом, чтобы выжить» [Смоляк. 1982, с. 235].

Между охото-удскими тунгусами и жителями низовьев Амура в процессе этнокультурных контактов быстро устанавливались толерантные отношения, которые обуславливались совместным проживанием в одних селениях, браками, многими общими элементами материальной и духовной культуры. При таких условиях пришлые северные тунгусы через одно-два поколения полностью переходили на местный диалект тунгусо-маньчжурского языка и практически почти уже ничем не отличались от основного населения Нижнего Амура – ольчей, или мангунов, как их называли русские в XIX в.

Однако, несмотря на идентичность многих элементов материальной культуры, близкие языки и верования, у населения низовьев Амура всё же наблюдались существенные различия в области хозяйственной деятельности. Большинство мангунов были охотниками и оседлыми рыболовами, а их ближайшие родственные племена тунгусов, присоединившиеся к ним несколько позднее, являлись оленеводами. И хотя они, как и мангуны, тоже занимались охотой и рыболовством, но в глазах последних про-

должали оставаться оленеводами, т.е. не такими, как все жители Нижнего Амура. Эти бытовые и хозяйственные различия могли бы стать одной из внутренних причин разделения единой общности ольчей низовьев Амура на две группы, если бы деятельность оленеводов, рыболовов и охотников негативно отражалась на результатах их труда. Однако никаких противоречий между оленеводами и рыболовами, занимавшими разные экохозяйственные ниши, не наблюдалось. Более того, разные типы хозяйственной деятельности людей дополняли друг друга путём использования продукции труда при обменных контактах.

Естественно, между разными родами низовьев Амура возникали внутренние противоречия и даже «военные» конфликты, которые, как правило, разрешались мирным путём и прекращались после выплаты виновной стороной штрафа за причинённый ущерб в пользу потерпевших. После разрешения конфликта представители обоих родов могли даже объединиться, заключив экзогамный союз *доха*, и в дальнейшем оказывать друг другу экономическую и военную поддержку.

Внутренними причинами миграционных процессов местного населения могли стать и эпидемии оспы, которые фиксировались в 1652–1653, 1657–1660, 1689–1694 гг. среди русских Якутии, оленских тунгусов и пеших тунгусов бассейнов таких рек, как Иня, Ульбея, Кухтуй, Охота, Урак, Улья и др., впадающих в Охотское море. Эпидемии оспы унесли сотни жизней из Бояшинского, Годниканского, Шелонского, Горбиканского, Киларского и других родов [Гурвич. 1966, с. 27–28, 42, 46; Долгих. 1960, с. 526]. По данным Я.И. Линденау, в результате этой болезни численность местного населения так сократилась, что от охотских тунгусов не осталось и третьей части [Линденау. 1983, с. 53]. Единственным спасением от оспы было бегство из места её распространения. «От того морового поветрия те иноземцы, – жаловались охотские казаки, – разбежались в дальние безвестные места» [Гурвич. 1966, с. 39]. Однако с прекращением болезней на территориях обитания тунгусов люди возвращались на свои места и продолжали жить, как прежде.

Активная миграция населения в Приамурье, Приморье и на Охотском побережье в большей мере обуславливалась не вну-

тренными разногласиями, связанными с социальными, хозяйственными и другими аспектами этнических культур, а внешними причинами, сопряжёнными с угрозой для жизни и свободы. Именно поэтому люди покидали обжитые места и переселялись на территорию, занятую даже инонациональным населением, если была уверенность, что на новом месте они будут свободны. На наш взгляд, такой угрозой могла стать только внешняя политика Цинского и Российского государств, которая проводилась в районах Приамурья и Приморья в XVII в.

В первой половине XVII в. русскими осуществлялась ясачная политика по освоению Приамурья, Охотского побережья, Камчатки и других территорий Дальнего Востока. Землепроходцы при продвижении из Сибири к Охотскому побережью местное население приводили в подданство Российского государства. При сборе ясака с тунгусов русские брали в заложники местных князьков и требовали за их жизнь выплаты в пользу русской казны, допускались грабежи тунгусов и насилие. В ответ на это, чтобы спасти своих пленных, местное население нападало на острожки, убивая русских [Тураев. 1990, с. 160–161].

В 1655 г. возник бунт эвенов Бояшинского рода против русских казаков. «В том же 1655 г. в ноябре был совершён большой поход против немирных эвенов Бояшинского рода. Он был разгромлен» [Гурвич. 1966, с. 27]. После поражения большинство бояшинцев, по мнению В.А. Туголукова, мигрировали на Уду и Тугур, а затем ушли на Амгунь и в низовья Амура [Туголуков. 1997, с. 42].

Бояшинский род охотских эвенов во второй половине XVII в. находился в тесном взаимодействии с муеллагирами, обитавшими вместе с ними в районе Охоты и бассейне р. Улья [Туголуков. 1997, с. 45]. С Бояшинского и Муеллагирского родов в 1652–1653 гг. Семён Епишев собрал ясак в размере 65 соболей. Однако в последующие годы по причине распространения оспы и вымирания людей муеллагирсы ясак заплатить не смогли. «Долг» вырос до 98 соболей, и из-за его неуплаты в целях устрашения охотских тунгусов сборщик ясака Андрей Булыгин приказал повесить аманата муеллагирского рода Канюга [Долгих. 1960, с. 525], аналогичным образом русские сборщики ясака поступали и с други-

ми эвенами. «И за то Макагирского роду аманат повешен, чтобы впредь иным аманатам в государевом ясаке отказывать было не повадно» [Гурвич. 1966, с. 35].

По этой причине эвенские муеллагеры с Охоты мигрировали в низовья Амура, а в начале XVIII в. объявились на Сахалине, где вошли в состав ороков [Василевич. 1969, с. 274]. Некоторые тунгусские роды, не желая платить ясак, покидали насиженные места и уходили в районы Нижнего Амура. Но там, как выяснялось, время от времени появлялись маньчжуры, которым приходилось покоряться.

В начале XVII в. на территории Маньчжурии образовалось государство Поздняя Цзинь. Оно было создано как военно-государственная организация, известная под названием «восьми знамён». Маньчжуры вели войны с соседними Китаем, Кореей, Внутренней Монголией, что требовало больших людских ресурсов. Пополнялись восьмизнамённые войска только за счёт аборигенного населения Приамурья и Приморья, уводимого маньчжурами в плен. С этой целью Поздняя Цзинь начала осуществлять набеги на Приморье и Приамурье с 1616 г. По приблизительным подсчётам, в Маньчжурию из бассейна р. Даубихэ (р. Арсеньевка) было уведено более 17 тыс. чел., а с территорией современных Шкотовского и Партизанского районов – более 30 тыс. чел. [Соловьёв. 1973, с. 42]. Аналогичная участь постигла и племена ця-ка-ла удэгейского происхождения, жившие по соседству с нанайцами у оз. Ханка, а также по берегам р. Суйфуна (р. Раздольная), в верховьях Бикина, Имана, Даубихэ, Усури и на побережье от границы с Кореей до района современного пос. Ольги [Соловьёв. 1973, с. 42].

После 1644 г., когда на китайском престоле утвердилась маньчжурская династия Цин, маньчжурское правительство активизировало свою политику в отношении родственных тунгусских племён, обитавших в пределах Приамурья и Приморья. Это племена наелэ, гэикэлэ и хушикэли, хурха, хэйцзинь (или хэчжэ) и фэйяки, известные под общим названием юй-пи-да-цзы («дикари, носящие рыбы кожи») [Мелихов. 1974, с. 122]. Из этих племенных названий экзонимы *гэйкэлэ* легко идентифицируются с удэгейцами, *хушикэли* – с айнами, *хурха*, *хэйцзинь* – с нанайцами, *фэйяка* было коллективным названием для нанайцев, ульчей и

нивхов нижнего течения Амура, позднее став этническим названием удэгейского рода Пеонка. Маньчжурские отряды нападали на эти племена и продолжали уводить их людей на свою территорию.

Аборигены, не желая служить в восьмизнамённых войсках и жить вдали от родины, всеми средствами оказывали сопротивление маньчжурам. В одном из исторических преданий, записанных В.К. Арсеньевым, повествуется, что на территорию приморских удэгейцев, в бассейн р. Кемы, пришли вооружённые маньчжуры и стали грабить местное население. Удэгейцы ночью обошли маньчжуров с тыла, напали на них и всех перебили [Старцев. 2007, с. 36].

О появлении маньчжуров среди народов Нижнего Амура сохранилось предание у негидальского рода Юкомилей. В XVII в. предки этого рода с верховьев Амгуни были уведены маньчжурами на р. Сунгари, а другой род – Амункан, избегая плена, ушёл в низовья Амгуни [Мыльникова, Цинциус. 1931, с. 121]. Походы маньчжуров против аборигенов Приамурья и Приморья явились одной из причин быстрого распада родовых объединений на мелкие этнические группы, которые, отпочковавшись от основного рода, стали селиться в труднодоступных районах, где легче было укрыться от врага [Старцев. 2007, с. 36].

Исходя из ряда внутренних причин (социальных, бытовых и хозяйственных), а также внешних, обусловленных русской колонизацией Дальневосточного региона и насильственным уводом коренного населения маньчжурами с целью пополнения своих войск, активизировались миграционные процессы населения Приамурья, Приморья и Охотского побережья. Наиболее подвижная часть была вынуждена покидать обжитые места и переселяться на другие территории. Одной из них, куда произошла миграция части населения низовьев Амура в конце XVII в., был о-в Сахалин, о котором некоторые ольчи (мангуны) уже знали: зимой туда ходили через Татарский пролив охотиться на соболя и других промысловых животных. Первоначально состав переселенцев был небольшим – две-три семьи, к которым позднее стали примыкать толерантные группы амурских ольчей (мангунов), приморских удэгейцев и орочей. Эти материковые переселенцы

получили от соседних народов общие экзонимы *ороко*, *орохко*, *оронгта*, *ороньчо*, *орунчун*, *орочоны*, *орочёны*, *орочены* и др., характеризующие их как людей, занимающихся оленеводством.

Общность территории и идентичность материальной и духовной культуры привели к слиянию части тунгусо-маньчжуров Сахалина в единый этнос, назвавшийся *орочёнами* (*орочонами*) или *орочолами*. Это древнее самоназвание в наше время сохраняет каждый второй орок Сахалина, о чём свидетельствуют материалы Всероссийской переписи населения 2002 г.

6. Территория обитания предков ороков и время их переселения на Сахалин

На протяжении второй половины XIX в. и всего XX столетия вопросы, касающиеся территории обитания предков ороков и времени их переселения на Сахалин, рассматривались многими исследователями без глубокого анализа опубликованных источников и до сих пор не получили убедительных ответов.

По предварительным подсчётам Г.И. Невельского, переселение ороков на Сахалин могло произойти с конца XVI в. до второй половины XVII в. Однако Л.И. Шренк с этим не согласен, он заявил, что Невельской сфальсифицировал датировку появления ороков на Сахалине, увязывая её со временем освоения русскими Ленского и Удского краёв [Шренк. 1883, с. 138–139].

Л.И. Шренк считает, что предки ороков – ольчи, или мангуны (как их называли русские), – когда-то кочевали с оленями в горах, расположенных к западу от Станового хребта. Описывая пути их кочёвок по горной местности в условиях сложных климатических условий, исследователь утверждал, что Становой хребет не только не мог остановить их, но и открыл им самый удобный путь к дальнейшему распространению в верховьях и низовьях Амура. «Потом, вследствие потери своих оленей, они были принуждены поселиться на Амуре и таким образом превратились в оседлых рыболовов» [Шренк. 1883, с. 149]. В низовьях Амура ольчи раздели-

лись на две части: одна группа осталась на Амуре, а другая «в неопределимое для нас время» переселилась на Сахалин [Шренк. 1883, с. 21, 292].

Совершенно иная концепция появления ороков в Приамурье у В.Д. Косарева. Он, рассматривая происхождение орокского оленеводства, указывает на миграционный путь этого этноса по Приморью и Приамурью. По его мнению, данный путь должен примыкать к морскому побережью. «Думаю, речь может идти о широкой полосе прибрежной зоны от границ с Кореей и озера Ханка к северу, по широте от Японского моря до водоразделов, образуемых хребтом Сихотэ-Алинь. Именно этим маршрутом со временем южные предки ороочонов-ороков могли откочевать в район Нижнего Амура, а оттуда – на Амгунь. По различным описаниям и по моим личным впечатлениям, – подчёркивает В.Д. Косарев, – территория восточнее Сихотэ-Алиня, выходящая на морское побережье, на которую море оказывает охлаждающее воздействие, демонстрирует природно-климатические и погодные условия, сходные с сахалинскими, тогда как внутреннее, к западу от хребта пространство Приморского края обладает совсем иным, более жарким и резким климатом и мало отвечающим нуждам оленеводства флористическим набором» [Косарев. 2009, с. 30].

В.Д. Косарев считает, что «изложенная версия может привести к выводу о местных, а не байкальских или алтае-саянских истоках оленеводческой культуры ороков. Но возможно и другое предположение: что наряду с северо-восточным по отношению к циркумбайкальскому региону вектором продвижения к тихоокеанскому побережью оленеводческих культур и племён мог существовать и юго-восточный, от Саяно-Алтая вдоль правого берега Амура и ещё южнее к Маньчжурии и в Приморье. В общем, необходим поиск в этом направлении, чтобы подтвердить или отвергнуть данную гипотезу» [Косарев. 2009, с. 30].

Однако концепцию В.Д. Косарева о переселении оленеводов от границ Кореи и верховьев Усури вдоль Японского моря признать верной нельзя хотя бы по той причине, что такую гипотезу в своё время уже рассматривал Л.И. Шренк, доказавший, что местное население (орочи и удэгейцы) в Приморье оленевод-

ством не занимались, а «...скорее надо полагать, были и прежде такими же простыми охотниками и рыбаками, каковы до сих пор» [Шренк. 1883, с. 141].

К хронологической неопределённости появления ороков на Сахалине, как и Л.И. Шренк, склонялся советский антрополог М.Г. Левин, который писал, что «время и пути проникновения на Сахалин ороков неясны» [Левин. 1950, с. 64]. Л.И. Миссонова также затрудняется указать время появления ороков на Сахалине и отмечает, что «для определения даты необходимо дальнейшее изучение археологического, исторического и этнологического материалов» [Миссонова. 2011, с. 128].

Л.Я. Штернберг, как и Г.И. Невельской, считал, что ороки переселились с Амура на Сахалин в XVII в. [Штернберг. 1933, с. 9].

Б. Пилсудский, исследуя родовой состав ороков Сахалина и связывая их с территорией низовьев Амура, выражает неуверенность, что Нижний Амур являлся родиной ороков, считая их пришлым племенем. «Где следует искать прежней родины ороков? Если на территории ольчей (по Шренку), то следовало бы там искать общих названий родов. Просмотрев их в книге С.К. Патканова „Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири“, основанной на данных переписи 1897 г., я не нашёл указанных выше родовых фамилий в материалах об ольчах» [Пилсудский. 1989, с. 12]. Рассматривая вопрос о первоначальной территории обитания родовых групп ороков, Б. Пилсудский смог установить, что представители сахалинского рода Вал ранее проживали в низовьях Амура, а в начале XX в. отдельные его представители жили на Амуре в с. Монгол. Род Торися появился на Сахалине с верховьев р. Амгуни, из района оз. Горюн, он имел родственные отношения с ольчами низовий Амура и обитал в с. Осо, недалеко от Софийска [Пилсудский. 1989, с. 12–13].

О связях ороков с другими народами Приамурья и Приморья сообщал и В.К. Арсеньев. По его мнению, к близким родственникам ороков Сахалина относились орочи из родов Боса, Сеоченка и Бизанка, которые в разное время не только посещали остров [Арсеньев. 2011а, с. 304], но и жили вместе с ними.

В начале 50-х гг. XX в. советскими этнографами была составлена этнографическая карта расселения народов Сибири, датиру-

емая концом XVI – началом XVII в. Б.О. Долгих, анализируя этнический состав, указывает, что на ней отмечены все тунгусо-маньчжуры Сибири и Дальнего Востока. Но «...ороки на этой карте не показаны, так как к началу XVII в. они вряд ли уже переселились на Сахалин и обособились от остальных тунгусо-маньчжурских племён» [Долгих. 1952, с. 80]. Об этом же говорится и в одной из работ М.Г. Левина [Левин. 1958, с. 134].

А.В. Смоляк, напротив, считает, что ороки переселились на о-в Сахалин значительно раньше XVII в. [Смоляк. 1975, с. 65], а в вопросе, откуда они пришли, выражает полную солидарность с Г.И. Невельским, связывавшим ороков с тунгусами Удского края. «Очевидно, – отмечает исследовательница, – там и следует искать места их бывшего обитания» [Смоляк. 1954, с. 38]. В другой работе, опубликованной 20 лет спустя, она опять со ссылкой на Невельского указывает, что в далёком прошлом ороки на Сахалин пришли с Охотского побережья [Смоляк. 1975, с. 65].

Ч.М. Таксами не называет времени переселения ороков на Сахалин, но указывает, что их формирование проходило сравнительно недавно – в XVIII–XIX вв. «Нынешние ороки мало что помнят об этом переселении, и сохранилось это в памяти народа главным образом в виде легенд» [Таксами. 1968, с. 35]. Исследователь уверен, что переселение ороков на Сахалин не было массовым. По всей вероятности, справедливо замечает он, «...ороки не сразу поселились на Сахалине, который они называют *нучи-на* – маленькая земля, – долгое время они переходили с материка (*дай-на* – большой земли) на остров и обратно. Многие семьи достигали низовьев рек Чоми, Тыми и др., некоторые даже возвращались на свои прежние места – на озеро Орель, Амгуни, Удыль, Аян» [Таксами. 1968, с. 35], где предположительно обитали их близкие родственники.

Ороки и орочи имеют идентичные воспоминания о своём вынужденном появлении на острове. Из воспоминаний ороков, записанных Ю.А Семом, известно, что прежде, чем попасть на Сахалин, они жили на Амуре, занимались рыболовством и охотой. В небольшом количестве имели домашних оленей, которых использовали для перевозок тяжестей и перекочёвок. Затем ороки переселились на берег моря и жили там несколько поколений.

Они научились добывать сивучей, моржей и др. Однажды зимой во время охоты на морских животных ветром разломало льдину, многих охотников унесло в открытое море. Долго носило их так, пока льдину не прибило к Сахалину [Сем Ю. 1965, с. 82].

Из других воспоминаний старожилов острова известно, что предки ороков когда-то жили на Амгуни и в верховьях р. Удыль, откуда они с оленями пришли на Амур, а оттуда вышли к Татарскому проливу и через мыс Тык попали на Сахалин. О связях сахалинских ороков с р. Амгунью свидетельствуют и показания их шаманов, которые мысленно «...при камланиях перелетают море, по берегу материка достигают Амура и выходят на Амгунь, в верховьях которой живут их предки с большим числом оленей» [Сем Ю. 1965, с. 84].

Исходя из исследовательской литературы и устных рассказов ороков Сахалина, Ю.А. Сем формулирует свою концепцию о времени переселения этого народа на остров. «Когда и как происходило переселение на Сахалин, в настоящее время сказать трудно, – пишет он, – было ли оно единовременным или длительным, источники нам... не говорят... Вероятнее всего, что этот процесс наиболее интенсивно проходил в XVII – начале XVIII в.» [Сем Ю. 1965, с. 86]. Он высказал и своё мнение о появлении ороков на Амуре, считая, что их предки в далёком прошлом составляли единую группу нани, спустившуюся с юго-восточных склонов Станового хребта и по долине Амгуни перекочевавшую в низовья Амура, где из неё впоследствии выделились племена ульчей, орочей и нанайцев [Сем Ю. 1965, с. 86]. Таким образом, устные рассказы орочей и ороков об их переселении на Сахалин не только отражают реальные события, но и объединяют оба этноса как близких родственников.

Анализ исследовательской литературы по вопросу, когда ороки переселились на Сахалин, однозначно показал, что из всех исследователей чисто интуитивным путём к реальности приблизились только Г.И. Невельской и согласившийся с ним Л.Я. Штернберг, указавшие на XVII столетие. Чтобы доказать этот вывод, необходимо сопоставить разрозненные сведения, касающиеся хронологических периодов, и путём сравнительного анализа определить время этого переселения.

Б.О. Долгих высказал мнение, что ороки к началу XVII в. ещё не переселились на Сахалин [Долгих. 1952, с. 80]. В 1709 г. там работала экспедиция маньчжуров, которая обнаружила в разных местностях жителей, державших домашних оленей, используемых ими для санной езды. Это островное население, как считает Л.И. Шренк, «...может относиться только к орокам, как народу оленному» [Шренк. 1883, с. 134]. Из вышесказанного следует, если ороков на Сахалине в начале XVII в. ещё не было, а в начале XVIII в. они уже были, значит, их переселение на остров могло осуществиться только в XVII в. Но в какие годы это произошло, нам не известно. Чтобы ответить на этот вопрос, следует учесть все особенности событий данного столетия и причины, по которым люди могут менять территорию своего обитания.

На наш взгляд, переселение ороков на Сахалин связывается как с внутренними социальными и бытовыми причинами, так и с внешними, способствовавшими активизации миграционных процессов. Наиболее подвижные жители Нижнего Амура в поисках территории, где бы не было ни русской, ни маньчжурской власти, могли покинуть материк и переселиться на Сахалин в конце XVII в. Если исходить из того, что бояшинский род в 1678 г. фиксировался на Уде и Тугуре [Туголуков. 1997, с. 42], а затем оказался на Амуре, то допустимо предположить, что бояшинцы могли переселиться на Сахалин в самом конце XVII в. К этому времени пришлые тунгусы, по нашему мнению, не эвенки, а преимущественно орочёны-эвены Охотского региона, частично ассимилированные мангунами, не только пополнили свою культуру рыболовецкими навыками, но и приобрели южный диалект тунгусо-маньчжурских этносов.

Таким образом, в конце XVII в. из нижеамурского населения выделился орочёнский этнос, который, имея свою культуру и язык, с переселением на Сахалин приобрёл территорию, где под влиянием социально-экономических, политических и культурных изменений было сформировано и самосознание народа, выразившееся в этническом имени *орочёны*, а впоследствии и в приобретении территориальных этнонимов, дошедших до нас в форме названий *ольча*, *ульча*, *уильта*, *ульта* и *уйльта*.

7. Охотские орочёны в системе этногенеза и этнической истории народов Приамурья, Приморья и Сахалина

В настоящем разделе рассматриваются отдельные аспекты этнической истории орочёнов Охотского побережья, относящиеся к этногенезу ороков Сахалина, негидальцев, орочей Татарского пролива и других народов, на которые ранее исследователи не обращали внимания, игнорируя проблему проникновения орочёнов-ламутов на территорию обитания орочей. Более того, советские и постсоветские этнографы, кроме М.Г. Левина, Г.М. Василевич и В.А. Туголукова, считают, что ламутов-эвенов на территории низовьев Амура вообще не было, о чём свидетельствуют этнографические очерки «Народы Сибири» и специальное монографическое исследование А.В. Смоляк, посвящённое этническим процессам народов Нижнего Амура и Сахалина [Смоляк. 1975а].

Однако это не совсем так. На ранних этапах этнической истории аборигенов Нижнего Амура, Приморья и Сахалина эвены или орочёны там не только были, но и оставили на пути своего продвижения этнонимы, топонимы, оронимы и ойконимы, а также наделили ороков Сахалина, удэгейцев и орочей элементами своей материальной и духовной культуры. Затем это влияние стало приписываться только эвенкам, потому что миграционное движение и численное распространение удских, чумиканских, ту-

гурских и других эвенков в бассейнах Амгуни и Нижнего Амура в XVIII–XIX вв., ставших стеной между населением низовьев Амура и бассейном р. Охоты, практически перекрыли доступ в Приамурье северо-охотским эвенкам-мигрантам. Дальневосточные эвенки (охотские, амурские, кур-урмийские и сахалинские) и эвены-орочолы, несмотря на близость их языков, имели значительные различия в бытовой и духовной культуре и никогда не считались близкими родственниками. В.Д. Косарев по этому поводу писал, что сахалинские эвенки себя орочонами не называют, «...а при упоминании слова орочон указывают на ороков, которые... признали этот этноним за собой, хотя он не мог быть ни для всего этноса, ни для какой-то его части самоназванием» [Косарев. 2009, с. 17].

В отличие от эвенков разных территориальных групп, эвены Охотского побережья, содержавшие оленей, имели самоназвание *орочён (орочон)*, *ороч* (мн.ч. – *орочол*), а также экзоним *ламуты* [Василевич. 1964, с. 2], которым русские называли тунгусов северной части Охотского побережья. С конца 1920-х гг. этническим названием эвен (эвены) стали пользоваться все этнические группы оседлых и оленных жителей этого региона, которые в прошлом считались орочёнами.

К материалам, доказывающим, что этнической основой ороков Сахалина являются не эвенки, а орочёны-эвены, может быть отнесён широко распространённый экзоним *ламуты* и его варианты (*ламука, ламка, намунка, намка* и др.). Этот этнонимический аспект, имея свою историю и распространение среди аборигенного населения, отражает близкие и далёкие связи различных этносов Приамурья и Приморья.

Исследуя названия и самоназвания, разносторонние этнические контакты орочей с соседними народами, Л.И. Шренк отмечал, что уссурийские гольды орочей называли «общим и неопределённым именем *ламука*, т.е. приморские жители. Замечательно, что то же имя употребляется для орочей и у гиляков» [Шренк. 1883, с. 140]. «Этим же именем... себя называют... и иманские орочи (удэгейцы – *ред.*), перешедшие на названную реку с морского берега» [Патканов. 1906, с. 80]. В.Г. Ларькин сообщал, что у эвенков орочи были известны под названием *ламка* [Ларькин. 1964,

с. 15]. Кур-урмийские нанайцы удэгейцев называли *ламука*, а бикинские нанайцы именовали их *ламка наини* [Сравнительный словарь. 1977, с. 491]. В это же время эти же нанайцы называли помора или приморского жителя независимо от национальности экзонимом *ламунгка*, удэгейцы – *намунгка*, ульчи – *намунча(н-)*, ороки – *намунн'ени*, а негидальцы ороков Сахалина звали *лам бэжэнин* [Сравнительный словарь. 1977, с. 490–491].

Впервые экзоним *ламуты* появляется у Я.И. Линденау. Он этим термином обозначал тунгусов-эвенов северной части Охотского побережья в XVIII в. [Линденау. 1983, с. 53–76]. К.А. Новикова считает, что экзоним был заимствован русскими у якутов. Она отмечала, что в якутских исторических преданиях эвены называются термином *ламанка*, *ламский*, житель страны Ламы, а страной Ламы, как говорится в фольклорных произведениях эвенов, является побережье Охотского моря [Новикова. 1960, с. 10–13]. Важно не то, что в этнографической литературе страна Ламы от берегов Байкала перекочевала на Охотское побережье, а то, что под этническим названием, связанным с морем, подразумевались эвены Охотского побережья (*ламуты*), ороки Сахалина (*лам бэжэнин*), орочи Императорской Гавани (*ламка*) и удэгейцы (*ламука*), а не эвенки, которые, по мнению многих исследователей XIX–XXI вв., явились основой ороков Сахалина и наделили их особыми чертами хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры.

Имеются достоверные факты, что орочёны, они же эвены Охотского побережья, не только находились на территории Приамурья, но имеют прямое отношение к происхождению негидальцев и ороков Сахалина, что также отрицается многими советскими и постсоветскими исследователями. Известно, что термин *илкан* момских, охотских и томпонских эвенов в значении «настоящий, истинный, подлинный» был и самоназванием эвенов низовьев Колымы, а этноним *илкан бэжэнин* – самоназванием у верховских и низовских негидальцев, его дословное значение – «настоящий человек» [Сравнительный словарь. 1975, с. 308]. Кроме негидальцев и эвенов ни один из народов Приамурья и Приморья в своих самоназваниях не имеет поясняющего слова *илкан* – «настоящий». Этот факт является подтверждением

ем того, что негидальцы и эвены-орочёны находились в близких родственных отношениях.

По мнению автора, часть «пеших тунгусов» Охотского побережья в поисках хороших охотничьих угодий регулярно появлялась в низовьях Амура не только в прошедшие века, но и в более близкие к нам времена. Например, при подготовке материалов по кооперативному районированию в низовьях Амура в 1928 г. К.Я. Лукс отмечал, что в верховьях Амгуни и в районе озёр Орель и Чля обитала небольшая группа эвенов, известная под названием тывлинских тунгусов. В этой группе был создан Тывлинский эвенский туземный совет, в состав которого входили жители поселений Тывлин, Орель, Мырген и Чуринского прииска, административно относившихся к Амуро-гилякскому туземному району [Лукс. 1929, с. 85, 89; Административно-территориальное устройство. 2009, с. 397].

В связи с тем, что в настоящее время в районе низовьев Амура эвенов-орочёнов не наблюдается, предвидим скептическую реплику рецензентов, что это были не эвены, а эвенки. Однако в данном случае К.Я. Лукс ошибиться не мог, потому что перед обследованием населения низовьев Амура он с сентября 1928 г. работал в окрестностях б. Нагаева Ольского района с тунгусами, называвшими себя эвенами. Изучив территорию их экономических интересов, К.Я. Лукс предложил Ольскому райисполкому организовать в районе 11 национальных советов, территориально тяготевших к б. Нагаева, где была организована культбаза [Райзман Давид. 2013].

У.Г. Попова, занимаясь исследованиями эвенов Магаданской области, подтвердила, что самоназвание *эвен* с конца 1920-х гг. стало общим этническим названием ламутов, дореволюционных восточных тунгусов и орочел Охотско-Колымского края [Попова. 1981, с. 6].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в ходе этнокультурных контактов с местным населением пришлые тунгусы в низовьях Амура изменили свою материальную культуру, язык и наделили своими антропологическими чертами негидальцев и ороков, чего не наблюдается у эвенков. Об этом достаточно подробно говорится в антропологических исследова-

ниях М.Г. Левина, когда он изучал население Амура, Сахалина и Охотского побережья [Левин. 1947, с. 91, 97; 1949а, с. 27–28; 1950, с. 58].

Доподлинно известно, что не позднее XVII в. формирование негидальцев в единый этнос происходило в районе озёр Орель (оз. Нейдаль) и Чля, на р. Негди, в селении Негда [Старцев. 2012д, с. 111]. Там же в первой четверти XX в. обитали озёрно-тывлинские тунгусы, которые жили на побережье Охотского моря в селении Тывлин [Первый туземный съезд. 1925, с. 38].

Примечательно, что тунгусов этой группы и часть тунгусов, обитавших в верховьях Амгуни, К.Я. Лукс называет эвенами. «По-видимому, – пишет он, – верховье Амгуни и обитающую здесь группу эвен (тунгусов) не следует связывать с Амгунским негидальским туземным районом... группу эвен (тунгусов), обитающую в районе озёр Орел и Чля (тывлинские тунгусы), придётся оставить в стороне... эту группу вместе с кольскими гиляками следует отнести к Амурскому гилякскому туземному району» [Лукс. 1929, с. 85]. В данном случае К.Я. Лукс, размышляя о создании туземных органов управления среди аборигенного населения Приамурья, чётко отграничивает тунгусов-эвенов от негидальцев, которые тоже относились к тунгусам, но их ни эвенами, ни эвенками не называли.

Если исходить из того, что, как считают все современные исследователи аборигенов Приамурья, эвенов в Приамурье нет и не было, то сведения К.Я. Лукса, указывающие на наличие эвенов в с. Тывлин, на территории современного Хабаровского края, нуждаются в дополнительном подтверждении.

На наш взгляд, К.Я. Лукс в с. Тывлин действительно встретил не эвенков, а эвенов. Факт их присутствия на территории Нижнего Амура подтверждается и материалами Л.Я. Штернберга. Учитывая скрупулезность последнего при изучении аборигенного населения Приамурья и других регионов Дальнего Востока, а также точность при фиксации их этнических названий, можно с уверенностью сказать, что тывлинские тунгусы имеют прямое отношение к эвенкам северной части Охотского побережья и орокам Сахалина. Рассмотрим это предположение более подробно. Л.Я. Штернберг сообщает, что в с. Ухта проживали жители

с. Тывль из ульчского рода (ulчап хала), представители которого ушли в Коль¹¹ и образовали своё поселение, но через шесть поколений через оз. Чля вернулись обратно [Штернберг. 1933, с. 286]. Здесь же у него имеется и другая запись, что в селении Койма живут «...чистые огнуг (ульча с Сахалина)», которые сюда «давно-давно» пришли [Штернберг. 1933, с. 286]. В этом же селе проживали и оленеводы, которые фигурировали под этнонимом *Бая* (Ваја). Затем представители этого рода, слившись с орочами Тумнина, «...дали „орочонский“ (орочский) род Уланка» [Василевич. 1969, с. 264]. После часть этого рода, как утверждает Штернберг, перешла в низовья Амура и из селения Койма переселилась на Сахалин [Штернберг. 1933, с. 405]¹².

Из пометок видно, что шесть поколений¹³ тому назад одни представители ульчского рода (ulчап хала) жили в селении Тывль (Тывлин), а другие – сахалинские ульчи-олeneводы (огнуг) – вместе с частью тумнинских орочей жили в Койме. Породнившись с бояшинцами – оленеводами из рода Ваја, – они позднее вместе переселились на Сахалин. Если предположить, что Л.Я. Штернберг данный факт зафиксировал в 1900 г., при исчислении одного поколения в 30 лет [Поколение. 1975, с. 165], то получается, что эти ульчи-олeneводы уже жили в с. Тывлин в 1720 г.

Из того факта, что жителями стойбища Тывль (Тывлин) являлись представители ульчского рода ulчап хала, а в селении Койма уже обитали оленеводы огнуг – ульчи с о-ва Сахалина и орочи, примкнувшие к оленеводам рода Бая, – нетрудно сделать вывод, что жители селения Тывль, известные под названием *ульча хала*, и сахалинские ульчи относятся к орокам Сахалина, у которых было самоназвание *ульча* [Поляков. 1883, с. 81], а тывлинские

¹¹ Р. Коль и одноимённое поселение находятся в нескольких километрах южнее от стойбища Тывлин (Тывль) на побережье Охотского моря.

¹² Автор просит коллег извинить за вынужденный повтор материалов Л.Я. Штернберга. Это сделано с целью заострить внимание на том, что в этнической основе ороков Сахалина были не охото-удские эвенки, а орочёны-эвены северной части Охотского побережья.

¹³ Поколение – это стадия, ступень в происхождении от общего предка (дед, отец, сын и т.д.), отрезок времени между этими ступенями обычно исчисляется в 30 лет.

тунгусы, называвшие себя этнонимом *эвен*, относились к орочёнам-эвенам северной части Охотского побережья, обитавшим в районах бассейнов рек Олы и Армани.

Таким образом, сопоставив разрозненные сведения Полякова, Штернберга и Лукса, мы получаем неразрывную логическую, этногенетическую цепочку ороков Сахалина, состоящую из пяти звеньев, а именно: 1) охотские эвены – это орачи, орочёлы, орочёны, орочоно-оленеводы Охотского побережья, от которых вышла группа Тывлинских тунгусов; 2) жители с. Тывлин – тывлинские тунгусы – выселенцы из числа охотских эвенов-оленеводов; 3) ульча хала орныр – «оленеводы селения Тывлин»; 4) ульча с Сахалина – это ороки-оленеводы; 5) ороки Сахалина – ульча или орочёны Охотского побережья.

Дополнительным подтверждением, что ульчи с оленями¹⁴ могли жить в с. Тывлин, служит косвенная информация, зафиксированная В.К. Арсеньевым у жителей Нижнего Амура, что ульчи с оленями «живут где-то далеко к северу, дальше Николаевска-на-Амуре» [Арсеньев. 2011, с. 73].

Если учесть, что оленьеводство занимались только ороки – ульчи Сахалина – и что севернее Николаевска-на-Амуре на побережье Сахалинского залива Охотского моря находилось единственное относительно большое поселение тунгусов Тывлин, то можно не сомневаться, что эти ульчи-оленеводы могли быть выходцами с Сахалина, жившими вместе с тунгусами-эвенами стойбища Тывлин, или что эти эвены-орочёны и были ульчами с оленями.

Один из исследователей Приамурья и Сахалина, Г.М. Мевзос, отмечал, что в Амуро-гилякском туземном районе «...в северной части Николаевского района в системе озёр Орель и Чля и бассейна реки Тывлин находится группа тунгусов и якутов общей численностью в 45 хозяйств и 167 человек населения... Кроме 6 хозяйств, живущих в Мыргене, 1 хозяйство на Чуринском прииске и 2 хозяйства в Какорме, которых можно отнести к оседлым, все остальные туземцы этой группы ведут кочевой образ жизни, не имеют жилых построек постоянного типа и живут в палатках,

¹⁴ Известно, что современные ульчи Нижнего Амура никогда оленей не держали. Оленей имели только ульчи Сахалина.

крытых парусиной, или в „урасах“ – конических шалашах, крытых корой, шкурами или парусиной. Селение Мырген состояло ранее из большего числа хозяйств, но в последний год оно значительно уменьшилось, так как часть жителей, ликвидировав свои оседлые хозяйства, присоединилась к кочующим. Кочующие объединяются в три основные группы: Тывлинская группа – 23 хозяйства с 521 оленем, Орельская группа – 11 хозяйств с 221 оленем и небольшая группа в 2 хозяйства якутов, кочующих у Чортова озера, с 167 оленями; последние 2 хозяйства всего лишь год тому назад перекочевали с Сахалина» [Мевзос. 1929а, с. 103].

Численность эвенов в Тывлинском эвенском туземном совете (с. Тывлин и оз. Орель), не считая якутов и других жителей с. Мырген и Чуринского прииска, по материалам К.Я. Лукса, составляла 118 чел. [Лукс. 1929, с. 89], а по подсчётам Г.М. Мевзоса, в селении Тывлин, в окрестностях оз. Орель и других местах численность озёрно-тывлинской группы тунгусов была 147 чел. [Мевзос. 1929, с. 27]. Эта группа вела комплексное хозяйство и занималась не только оленеводством, но и рыболовством, охотой на пушных и копытных животных и морским зверобойным промыслом, вначале осуществляла добычу рыбы на о-ве Лангр, затем «...для промыслового лова туземцам озёрной группы была отведена рыбалка на морском побережье на острове Уд... а в последнее время тывлинцам отведён участок для лова недалеко от устья р. Тывлин» [Мевзос. 1929а, с. 104].

В настоящее время численность эвенов Хабаровского края составляет 1272 чел. [594 муж. и 678 жен.]. Наиболее многочисленная их группа проживает в Охотском районе – 835 чел.; в Верхнебуреинском насчитывается 87 чел., в Тугуро-Чумиканском – 70, Комсомольском – 43, районе им. Полины Осипенко – 26, Ульчском районе – 24; в Амурском, Ванинском, Нанайском и Солнечном районах – 18 [Коренные. 2005, с. 11]. В каких именно районах и селениях осели бывшие Тывлинские эвены, нам не известно. Но это уже другая проблема исследования малочисленных народов Приамурья.

8. Этнографические параллели в материальной культуре охотских эвенов, ороков Сахалина, орочей и удэгейцев бассейна Амура

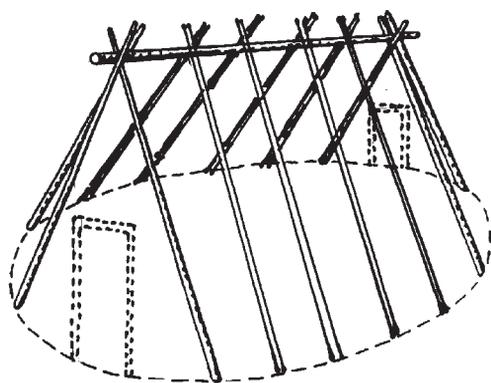
Этнокультурные контакты тунгусо-маньчжурских народов Приамурья, Приморья и Сахалина выражаются в их общественных отношениях, хозяйственной деятельности, мировоззрении, обрядах, обычаях и других аспектах бытовой и духовной жизни. Особенности национальных терминов родства, объектов хозяйственной деятельности, предметов материальной или духовной культуры, прослеживающиеся у аборигенов исследуемого региона, являются свидетельством не только былого единства, но и постепенного расхождения их культур и обособления языков.

К началу 30-х гг. XX в. тунгусо-маньчжурские народы южной части Дальнего Востока России представляли собой ряд сформировавшихся этносов, у каждого из которых были свой язык и особые элементы материальной и духовной культуры. По лингвистическим особенностям ороки относились к южной языковой группе тунгусо-маньчжурских народов и уже на раннем этапе своей этнической истории имели разнообразные связи с другими аборигенами Приамурья, Приморья и Охотского побережья в области общественных отношений, материальной и духовной культуры.

Наряду с общими аспектами материально-го быта, у каждого народа есть такие элементы

культуры, которые отсутствуют у других или имеются только у самых близких ему этносов, находившихся в прошлом с ним в родственных отношениях. Исходя из этого, цель настоящего исследования заключается в выявлении этнокультурных параллелей в бытовой и общественной жизни тунгусо-маньчжурских народов, чтобы определить, кто из них был в родстве с ороками Сахалина.

В нашем случае к элементам культурного наследия, указывающим на родственные отношения этносов, относятся различные жилые и хозяйственные постройки, способы приготовления пищи и другие аспекты материальной культуры тунгусо-маньчжурских народов Сахалина, Охотского побережья, Нижнего Амура и Приморья. Наиболее наглядно этнокультурные связи ороков прослеживаются в конструктивных особенностях летнего двускатного шалаша *каура*, имеющего два входа-выхода. Впервые летние жилища с двумя входами зафиксировал у ламутов северной части Охотского побережья (современных эвенков Магаданской области) в первой половине XVIII в. Я.И. Линденау: «Жилища ламутов бывают временные и постоянные, летние и зимние. Летние жилища, которые они не меняют, бывают восьмиуголь-

Остов каркасной двускатной постройки ороков *каура* с двумя входами и округлым основанием

ные продолговатые *уран*¹⁵ и восьмиугольные круглые *калтан*. Эти жилища имеют два очень низких входа, обращённых на восток и запад. Высота таких жилищ до трёх метров. Крыша и стены из коры лиственницы» [Линденау. 1983, с. 58]. Внутри летних жилищ сразу от входа идут с обеих сторон отгороженные места с полками, на ко-

¹⁵ В исследовании Я.И. Линденау все термины приводятся латинским шрифтом. В нашем случае латинское написание заменено на русское.

торых ламуты держат домашнюю утварь. В центре помещения находится длинный очаг *тоголин*, а по сторонам от него устроены спальные места *бе* [Линденау. 1983, с. 58]. О летних корьевых шалашах ольских эвенов Охотского побережья с двумя входами, покрытых берестой или корой лиственницы, упоминается и в работе А.М. Золотарёва [Золотарёв. 1938, с. 71].

Конструкция аналогичного жилища с двумя входами имела не только у ламутов, но и у ороков Сахалина. Об их жилищах с двумя входами впервые сообщалось в 1883 г. в публикации И.С. Полякова: «Хижины ороков продолговаты, в общем имеют вид крыши, в особенности если смотреть сбоку; спереди и сзади они представляются коническими, как чумы тунгусов и самоедов, – в этих местах находятся у них входные двери, с обоих концов; при непогодах одна дверь закрывается, а другая, подветренная, открывается для входа» [Поляков. 1883, с. 81]. Остов такого жилища сооружается следующим образом: на два столба помещается продольная жердь – главная балка, образующая конёк крыши. На неё наискось с обеих сторон накладываются ряды жердей, образующие каркас двускатной крыши. Каркас от верха до низа внахлёстку покрывается корой, которая сверху со всех сторон придавливается рядами других жердей. В центре жилища находится место под очаг, огороженное плахами с четырёх сторон. «Обыкновенно в хижине разводится несколько огней, от двух до трёх, по числу семейств, живущих в ней, а семейств всегда бывает несколько, и у каждого в определённом месте есть своё огнище. Сами хозяева сидят по сторонам жилища, спят здесь и, греясь около огней, отдыхают...» [Поляков. 1883, с. 81–82].

Летние шалаша ороков имели широкое распространение среди ороков как северной, так и южной части Сахалина. В исследовании А. Александрина¹⁶, осуществившего в 1896 г. плавание по рекам Тымь и Набилъ и побывавшего в орокском селении Тлуво, имеется краткое описание традиционного жилища этого народа, в котором отмечаются конструктивные особенности летних шалашей: «...устройство ороchonских жилищ во многом отличается от гиляцких: гиляки делают сруб и на нём утверждают двускат-

¹⁶ А. Александрин ороков Сахалина называл ороचनाми.

ную крышу, ороконы же без сруба расставляют на земле жерди в виде целого балагана овальной формы и покрывают их корьём; на противоположных концах по выходу пол выстлан хвойными ветками, что придаёт внутренней обстановке этих жилищ более опрятный вид, чем у гуляк; очаг узкий, но длинный, во всю длину помещения» [Александрин. 1897, с. 100].

Необходимо обратить внимание на своеобразное устройство двускатного летника ороков. «Основу его составляли две пары наклонных жердей, воткнутых в землю и перекрещивающихся верхними концами. На них лежала длинная продольная жердь. К последней приставляли наклонные жерди, образующие каркас боковых стен. К обоим фасадам приставляли полукругом наклонные жерди, благодаря которым шалаш спереди и сзади

Летнее жилище ульта

казался коническим, а с боков – двускатным. Остов снаружи покрывали еловой корой и придавливали вторым рядом жердей. Входное отверстие устраивали как на переднем, так и на заднем фасаде и в зависимости от направления ветра пользовались то тем, то другим» [Попов. 1961, с. 137].

Во второй половине 1990-х гг. при изучении материальной культуры ороков Сахалина Т.П. Роон уделяет определенное внимание их жилым и хозяйственным сооружениям. Характеризуя постройки ороков, она отмечает такие конструктивные особенности летнего шалаша, которые не были замечены другими исследователями. Именно её описание мы используем для сравнения с аналогичными постройками эвенов, негидальцев и удэгейцев.

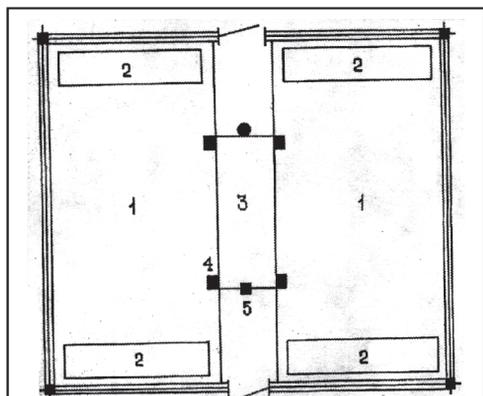
«Жилище – каура представляет собой наземную постройку каркасного типа, крытую корой деревьев и напоминающую

шалаш. Традиционно оно строилось из пород хвойных деревьев (лиственница, ель)» [Роон. 1996, с. 108]. Каркас двускатного шалаша воздвигался из шести основных несущих столбов, врытых в землю (три со стороны выхода, три со стороны входа), установленных по типу треноги, верхние концы которой связывались между собой¹⁷. «Два основных столба называются *сѣно*. Сверху по центру на треноги клали длинную балку, соединявшую обе конструкции в единое целое. Для этого использовались толстые длинные жерди. Затем с двух сторон к центральной коньковой балке под наклоном ставили боковые жерди *сесини*, верхние концы которых образовывали своеобразный гребень, возвышающийся над центральной балкой. Сверху над гребнем жердей клали ещё одну длинную коньковую балку, но тоньше в сечении. Обе параллельно расположенные жерди связывали ивовым корнем с обоих фасадов. Таким образом, получался своеобразный высокий конёк жилища. Постройка получалась вытянутой в длину. Затем с обоих фасадов (входа-выхода) приставляли жерди в виде полукруга, заполняя место между опорными столбами, по центру оставляли место для дверей, поскольку в *каура* традиционно делали две двери, которые располагались напротив друг друга... Вход в жилище располагался на восток и был обращён всегда в сторону моря. Соответственно другая дверь выходила на запад в сторону гор» [Роон. 1996, с. 110–111].

Ориентировка жилища по сторонам света связывалась с традиционным мировоззрением ороков и при этом отражала особенности хозяйственной деятельности.

Каркас летнего жилища покрывался корой ели или лиственницы. Неприкрытым оставалось только дымовое отверстие прямоугольной формы – *чоккони* (южн.), *сонони* (северн.). «Если жилище строилось большим, то делали и два дымовых отверстия, которые располагались над очагами... Техника строительства данного жилища у дороннени (северных) и суннени (южных) уйльта была абсолютно одинакова» [Роон. 1996, с. 112]. Внутреннее расположение являлось также идентичным.

¹⁷ Обратите внимание на разные детали конструкции летнего дома: у Т.П. Роон – треноги, соединённые длинной балкой (матицей), а у И.С. Полякова – две вертикальные жерди, перекрытые матицей.

План внутреннего устройства жилища каура

1. *малу* – почётное место
2. *бѐ* – место для сна или отдыха
3. *тава* – очаг
4. *кипоро* – вешала

Длина такого жилища составляла 5–7 м, ширина – 3,5–4 м, высота – 3–3,5 м.

Внутри летний шалаш *каура*, имеющий двери, выходящие на восточную и западную стороны, по длине разделялся на три части – северную, южную и центральную. «Центральная часть от двери до двери отделялась двумя положенными вниз на землю параллельными длинными жердями... Строго в центре этого пространства в небольшом углублении устраивался

очаг – *тава дагдени* – прямоугольной формы, который с четырёх сторон огораживался специальными толстыми длинными поленьями, покрытыми толстой корой *хувз*. Если в *каура* жили две-три семьи, то устраивали сразу два очага ближе к дверям» [Роон. 1996, с. 113].

По обе стороны от очага – на северной и южной частях *каура* – находилось жилое пространство *бе*, на которое клались выделанные олени шкуры, используемые в качестве постелей или сидений. «Слева от входа традиционно располагалось место кухни – *келтами*. Там складывали сумы с необходимой провизией, ящик – *содоки* – для посуды. Справа от входа – место для обуви и переметных сум... Женщины... занимали место кухни. Место против входа – *малу* – считалось почётным для гостей и стариков. В *каура* с двумя дверями *малу* располагались по обе стороны от очага по центру. Спальные места – *бе* – располагались ближе к западной и восточной стенам. Однако в повседневной жизни общее жилое пространство разделялось между живущими там

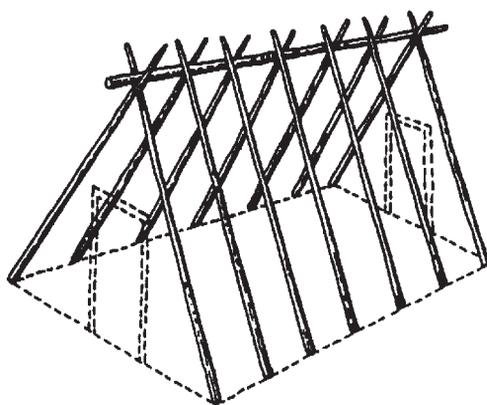
семьями: правую (или северную) половину занимала одна семья, левую (или южную) – другая» [Роон. 1996, с. 113–114].

«Дверные проемы *утэ*, расположенные напротив, закрывались циновками. Изготавливались двери и из рыбьей кожи, которые привязывались к жерди остова с помощью завязок. В погожие тёплые дни двери были открыты, и получалась сильная вентиляция воздуха в жилище. Когда на вешалах в доме сушили рыбу, то это было очень удобно: воздух в жилище постоянно был свежий» [Роон. 1996, с. 114]. «Часто внутри *каура* на ночь ставили маленькую палаточку из ткани – дямпа, в которой предпочитали спать женщины и дети. Она не имела окон, дверей, а ставилась просто на внешние колья и предохраняла её обитателей от назойливых комаров, появляющихся ночью» [Роон. 1996, с. 114].

Аналогичные жилые постройки имелись не только у ламутов и ороков, но и у других этносов тунгусо-маньчжурской группы. Независимо от И.С. Полякова в 1887 г. И.П. Надаров, изучавший аборигенов Приморья, неожиданно для себя у ороочонов (удэгейцев) встретил двускатный корьевой шалаш, который по своей конструкции почти ничем не отличался от летнего жилища ороков. «Зимний балаган имеет в плане форму прямоугольника с закруглёнными углами; длина его от 2 до 4 сажень, а ширина от 1 до 2,5 сажень» [Надаров. 1887, с. 75–76].

В первой половине 1960-х гг. описание удэгейской постройки этого типа конкретизировал В.Г. Ларькин: «Большой летник *джугдала кава*, подобно зимнему жилищу, имел три отделения, из которых два крайних являлись сениями, а среднее было жильём и имело два очага и два выхода – по выходу из каждой сени» [Ларькин. 1963, с. 70].

Л.И. Шренк, ссылаясь на материалы И.С. Поля-

Остов двускатной постройки удэгейцев *джугдала кава* с двумя входами

кова [Шренк. 1899, с. 57] и И.П. Надарова [Шренк. 1899, с. 60], подтвердил наличие таких построек у ороков и орочонов (удэгейцев), живущих по берегам Хора, Бикина и Имана [Шренк. 1899, с. 62]. Он также указал, что аналогичная конструкция жилой постройки с двумя входами кроме ороков и хорских орочонов имела и у негидальцев. Л.И. Шренк считал, что два входных отверстия в корьевом шалаше служили для лучшего проветривания [Шренк. 1899, с. 62].

В материалах Б. Пилсудского отмечается, что в жилищах с двумя дверьми одна из них считалась главной, а другая – грязной или задней [Пилсудский. 1989, с. 33, 34]. Эти определения исследователь ничем не объясняет. По мнению Т.П. Роон, деление дверей на главную и заднюю связано с ориентацией постройки по сторонам света. «Вход в жилище располагался на восток и был обращён всегда в сторону моря. Соответственно другая дверь выходила на запад в сторону гор» [Роон. 1996, с. 110]. Таким образом, главная дверь всегда находилась на восточной стороне, а задняя – на западной.

Из материалов Б. Пилсудского видно, что западная дверь иногда обозначалась и как грязная. На наш взгляд, такое определение может быть связано с похоронными или менструальными обрядами. Например, если человек умирал в таком жилище, то «тело умершего... четверо мужчин выносят... на санях через задние более грязные двери *дувиуты*. Если смерть произошла в летнем... постоянном жилище, то оно покидается уже навсегда» [Пилсудский. 1989, с. 51].

Аналогичный похоронный обряд существовал и у удэгейцев. Например, если удэгеец умирал в шалаше с одним входом, то его выносили из постройки через разлом той стены, у которой он ранее спал. Это делалось для того, чтобы живые не ходили по одной дороге с покойником. Жилище после этого чинили и продолжали в нём жить. Но если человек умирал в большом шалаше, то его выносили в дверь, обращённую в сторону запада. Затем вход закрывался, а после похорон удэгейцы оставляли старый шалаш, строя большой дом *джугдала кава* на новом месте.

По воззрениям ороков, удэгейцев, нанайцев и других тунгусо-маньчжурских этносов юга Дальнего Востока, женщина во

время менструаций и родов считалась нечистой, поэтому ей запрещалось прикасаться к предметам охотничьего промысла, переступать через оружие и охотничьи ловушки, в большом доме, имеющем две двери, ей нельзя было входить и выходить через восточную дверь. Для женщин этих народов существовали и многие другие запреты.

Детально рассмотрев описание эвенского корьевого шалаша *уран*, орокского двускатного шалаша *каура* и удэгейского *джугдала кава*, мы обращаем внимание на идентичность не только конструкции, но и названий внутренней обстановки и частей жилища. Кроме этого, летние двускатные корьевые шалаша с двумя входами, обращёнными на восток и запад, имеются только у эвенов, ороков и удэгейцев. З.П. Соколова считает, что такие постройки существовали и у орочей, однако нам не удалось найти подтверждение этой информации. У других народов европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока подобных жилых сооружений нет. Данный факт является свидетельством, что в далёком прошлом названные этносы состояли в близком родстве.

В материалах Рудановского, переданных Невельскому, имеется описание селения Такой, расположенного на берегу реки с одноимённым названием. Рудановский сообщал, что в селении было 30 ороков (орочон), которые жили в полуземлянках, «по туземному названию – „тойтзе“»¹⁸, и подробно описывал строительство и внутреннее обустройство этих сооружений [Невельской. 1969, с. 282]. Т.П. Роон тоже упоминала об орокской полуземлянке, называя её термином *бала*, и приводила примерное описание постройки, особо отмечая, что «в научной литературе нет упоминаний о существовании у уйльта данного типа жилищ» [Роон. 1996, с. 123, 124].

Следует сказать, что полуподземные жилища имели широкое распространение среди народов Приамурья и Приморья. Полуподземный зимник *туа зо* имелся у оседлых рыболовов – ульчей [Иванов. 1951, с. 71], орочи свой зимний дом, сделанный из полуплаха, называли *тувэдзэ*, у удэгейцев полуземлянка именовалась *туэдзэ* [Старцев. 1996, с. 17–18]. Сооружения у орочей, ульчей,

¹⁸ Орокский термин полуземлянки тойтзе обозначает «зимний дом».

удэгейцев и ороков Сахалина имели свои отличия, обусловленные климатическими особенностями местности. Однако национальная терминология полуподземных жилищ – *тойтзе*, *туэдзэ*, *тувэдзэ* и *туа зо* – свидетельствует о тесных этнокультурных контактах ороков с орочами, удэгейцами и современными ульчами, известными в XIX в. под названием *мангуны*.

Этнические параллели в культуре ороков и других тунгусо-маньчжурских народов прослеживаются и при рассмотрении принципов сооружения свайных амбаров сводчатого типа. «Свайные амбары ороков интересны своим сводчатым покрытием и отсутствием дверей, – отмечал Б.А. Васильев. – Идентичные амбары имеются у удэ. Орокский амбар состоит из настила жердей, приподнятого над землей на четырёх сваях. На этом помосте возвышается бревенчатая постройка в виде цилиндра, разрезанного в длину и положенного своими краями на помост. Стены образуют таким образом правильный свод» [Васильев. 1929, с. 7]. Орокский амбар *далу* и удэгейский *дзали* по своему внешнему виду, способу постройки и использованию были идентичны. Амбар сооружался на помосте, сделанном из жердей, установленном на четырёх сваях, высотой до 2,5 м. На помосте из толстых жердей или тонких брёвен возводился полуцилиндрический каркас, являющийся одновременно и крышей, и стенами. «Для этого клали последовательно пару продольных и поперечных жердей. Продольные жерди по мере возвышения клали всё ближе друг к другу, образуя таким способом свод. Так как жерди по углам не срубались или срубались недостаточно, между ними оставлялись широкие просветы. Образуемый остов покрывали поперечными пластами коры. Вход в амбарчик делали в виде щелевого люка в помосте снизу. Лестницей служило бревно с зарубками» [Ларькин. 1963, с. 71–72].

Амбары сводчатого типа имелись также у нанайцев и негидальцев. Однако у нанайского амбара *сэпи тактони* и негидальского *н’унэйэ такту* свод сооружался не из жердей или брёвен, а из согнутых в дугу веток, покрытых сеном или древесной корой. Б.А. Васильев по этому поводу писал, что, несмотря на внешнюю схожесть орокско-удэгейских и нанайско-негидальских построек, «...едва ли можно генетически связывать конструкцию из гнутых

прутьев со сводчатым покрытием из бревен в виде сруба» [Васильев. 1929, с. 7]. С этим выводом исследователя мы полностью солидарны и считаем, что идентичность конструкций обусловлена не культурными контактами ороков и удэгейцев, а вхождением какой-то группы удэгейцев в состав ороков Сахалина.

К числу этногенетических связей следует отнести и некоторые идентичные способы приготовления пищи из рыбы и мяса. У ороков Сахалина существует блюдо *соли* из рыбы, ягод и нерпичьего жира, готовящееся двумя способами, один из них – перемешивание. У охотских эвенов такое блюдо называлось *холтиң*, у негидальцев – *сӧллан*, у орочей – *силима*, а у удэгейцев – *солими* [Сравнительный словарь. 1977, с. 106]. Традиционное блюдо *соли*, приготовленное способом перемешивания, этимологически связывается с единым для всех тунгусо-маньчжурских этносов глаголом *соли*, что значит в переводе на русский язык «сместать, перемешать» [Сравнительный словарь. 1977, с. 107].

У ороков, орочей и удэгейцев имелся другой способ приготовления *соли*. И.С. Поляков описывал, как орокская женщина делала такое блюдо: «Она брала большой кусок юколы, клала его себе в рот, пережёвывала и затем вываливала пережёванную юколу в горсть, складывая в чуман (берестяная посудина); нажевав рыбы достаточно, она брала горстями ягоду и наполняла ею тот же чуман; то и другое перемешивалось, и кушанье готово; оно раскладывается по меньшим чуманам и раздаётся присутствующим, сначала гостям и хозяину, а затем остальным домашним» [Поляков. 1883, с. 89–90].

Идентичный способ приготовления блюда был зафиксирован В.К. Арсеньевым только у орочей и удэгейцев: «Самым замечательным блюдом является „сяйни“. Две женщины жуют: одна – рыбу, другая – сырые ягоды, и обе сплевывают жвачку в одну чашку. Затем эта смесь размешивается, к ней добавляется немного нерпичьего жира, и преподносится гостю как знак особого к нему внимания. Гость освобождается от жевания, ему остаётся только глотать» [Арсеньев. 1948, с. 156].

Этнические параллели в культуре ороков, эвенов и других народов Охотского побережья наблюдаются и в области употребления некоторых частей убитых животных. Известно, что

у ороков полупереваренное содержимое желудка оленя, залитое нерпичьим жиром, считалось одним из вкуснейших блюд, которым ороки всегда угощали своих гостей [Пилсудский. 1989, с. 45]. Желудок вместе с его содержимым в вареном виде ели удэгейцы [Старцев. 1996, с. 98]. Аналогичное блюдо имелось и у ламутов Охотского побережья, которые содержимое желудка оленя тоже считали деликатесом [Линденау. 1983, с. 59]. Следует особо подчеркнуть, что эвенки при разделке туши оленя содержимое желудка не ели, а выбрасывали [Василевич. 1969, с. 123, 125]. Эта деталь традиционного питания ороков Сахалина и эвенов Охотского побережья указывает на их стойкие этнические контакты, чего не наблюдается между ороками и эвенками.

В материалах Я.И. Линденау отмечается, что ламуты (современные эвены Магаданской области) «...на поминках употребляют собачье мясо – *дэдун*» [Линденау. 1983, с. 59]. В ритуальных целях ели мясо собаки и ороки Сахалина. Перед охотой на соболя «...каждый охотник душит одну собаку, мясо её съедает, а кости укладывает в небольшой сруб около балагана, который каждый охотник имеет по принадлежащей ему речке» [Пилсудский. 1989, с. 66]. В отличие от эвенов и ороков, эвенки мясо собак в пищу не употребляли [Василевич. 1969, с. 123].

Рассмотренные этнокультурные параллели в бытовой культуре ороков Сахалина и тунгусо-маньчжурских этносов Охотского побережья, Приамурья и Приморья свидетельствуют о сложности этногенетических процессов, протекавших в общественной жизни ороков, эвенов, негидальцев, удэгейцев, орочей и других народов региона. «Особо следует подчеркнуть, что в культуре ороков имеется много параллелей с культурой не только ульчей, но и других жителей нижнего Амура: в жилищах, одежде, обуви, транспортных средствах, утвари было много общего» [Смоляк. 1975, с. 62].

Материалы исследования показали, что ряд элементов материальной культуры – корьевые шалаши двускатного типа с двумя входами, свайные амбары сводчатого типа, способы приготовления *соли* и др. – преимущественно существовал только у ороков Сахалина, ламутов (эвенов), орочей и удэгейцев. У других

народов Сибири и Дальнего Востока таковых исследователи не обнаружили.

Таким образом, ограниченный круг этносов, обладавших особыми элементами материальной культуры, отсутствующими у других народов Сибири и Дальнего Востока, свидетельствует о сложности этногенетических процессов, происходящих именно в культуре ороков, а не у других народов изучаемого региона, что косвенным образом и подтверждается материалами З.П. Соколовой. Она сообщила, что у ороков Сахалина было два типа летних шалашей с двумя входами: первое такое жилище, «...судя по описанию, похоже на то, что дано в историко-этнографическом атласе, у него округлое основание... Второй тип летне-осеннего жилища – четырёхугольное с двускатной крышей – *сэрин бую духу* – с двумя выходами на восток и запад» [Соколова. 1998, с. 106].

Под первым типом летнего шалаша с двумя входами З.П. Соколова подразумевает двускатное жилище ольских эвенов, имеющее в основе значительно удлинённый овал, а под вторым типом жилья – большой удэгейский двускатный шалаш, имеющий в основе прямоугольник с закруглёнными углами на фасадных сторонах. Наличие у ороков Сахалина двускатных шалашей разных конструкций свидетельствует о том, что в составе этого народа оказались не только удэгейцы Приморья, но и эвены Охотского побережья, которые приняли прямое участие в этногенезе ороков. Данный вывод подтверждается исследованиями М.Г. Левина, сообщавшего об антропологическом сходстве ороков с ламутами [Левин. 1949а, с. 27; Левин. 1950, с. 56–57].

Судя по этнографическим материалам, в этногенезе ороков наиболее чётко прослеживаются связи с эвенами, орочами, удэгейцами и ульчами не только в области материальной культуры, но и в появлении у ороков родовых имён соседних этносов. Так, например, «...в родовом составе южных ороков обращает на себя внимание род Амультикану; южные ороки говорят, что это название переводится как „амурские“. Можно полагать, что в состав ороков входили чужеродные элементы, переселявшиеся с материка; в частности, семьи (или отдельные лица) ульчей, жившие в сел. Найпуту, могли войти в состав орокского рода с территориальным названием Найпутунени. Возможно, имели место и

„вхождения“ других элементов с ассимиляцией мелких пришлых групп более многочисленными местными сахалинскими жителями» [Смоляк. 1975, с. 63].

А.В. Смоляк указывает на «сходство орокского этнонима Амультикану с удэгейским родовым этнонимом Амулинка... сходство родовых этнонимов ороков (Намисса) и орочей (Надамисса)» и говорит, «что род северных ороков Баяуса был близок с ульчским Баяусал. Кроме того, роды ульчей Ульча-хала и Ольчи имеют орокское происхождение. Все эти аналогии, – считает исследовательница, – не случайны, они свидетельствуют о том, что ороки Сахалина имели систематические связи с материком, какая-то часть материковых жителей (с Амура, из Приморья) переселялась на остров и входила в состав местного населения, в частности северных и южных ороков» [Смоляк. 1975, с. 64].

Из приведённых материалов следует, что в составе ороков находились не только эвены Охотского побережья, но и орочи, удэгейцы и ульчи низовьев Амура. Таким образом, контакты, отмеченные в культурах тунгусо-маньчжурских этносов южной части Дальнего Востока России, свидетельствуют о сложных взаимодействиях в генетических процессах и культурах эвенов, ороков, удэгейцев, ульчей, орочей и других этносов Приамурья.

9. Распространение понятия *орочёны-оленоводы* у тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока

Этнические названия *орочен, орочён, орочоны, орочи, орочолы, ороки* и др. в значении «оленоводы» тесно связаны с термином *орон*, которым в тунгусо-маньчжурских языках обозначается домашний олень. Смысловая и даже звуковая идентичность этих названий, имеющих широкое распространение среди разных групп эвенов-орочёнов Охотского побережья, дальневосточных эвенков, негидальцев, орочей, ороков Сахалина и орочонов верховьев Амура, свидетельствует о едином происхождении орочёнской культуры и её распространении среди тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока.

Впервые этническое название *орочи (орочоны)* было выявлено у местного населения залива Де-Кастри французским мореплавателем Ж.Ф. Лаперузом в 1787 г., когда он проводил исследование побережья Татарского пролива. Если исходить из того, что аборигены Приамурья, Приморья и Сахалина сами себя оленоводами не называли, то невольно возникает вопрос, откуда на побережье Татарского пролива могло появиться этническое название в значении «оленовод» у народа, который содержанием оленей уже в XVIII в. не занимался?

Дальнейшие исследования показали, что название «оленные» оленоводам могли дать

только маньчжуры или их предки в то время, когда те кочевали с оленями в горах, вдали от своих современных мест жительства. Свой вывод Л.И. Шренк подкрепляет материалами Клапрота, который писал, что «маньчжуры называют всех прочих тунгусов общим именем „Орочоны“». Здесь же Шренк делает небольшое уточнение, что этим же термином монголы обозначают всех оленеводов-тунгусов, хотя «название „Орочоны“ не монгольского происхождения», а тунгусского [Шренк. 1883, с. 137].

В.А. Туголуков, проанализировав термин *орочён*, однозначно поддержал мнение Шренка: «если смысловой основой этнонима *орочён* служит тунг. *орон*, то такой этноним должен считаться не маньчжурским, а тунгусским. Заимствовав у тунгусов данный термин, маньчжуры пользовались им в собственной огласовке, произнося его как *ороньчо* или *ороньчон*» [Туголуков. 1996, с. 44].

В отличие от Л.И. Шренка, А.Н. Липский утверждал, что этническое название *орочон* имеет маньчжурское происхождение. Этим именем маньчжуры в XVIII в., задолго до появления русских на Амуре, называли тунгусов-олeneводов, в том числе ороков Сахалина и манегров. В регионах «с тех пор мы и имеем *орочон*, *орончен*, *орочен* – как самостоятельную этническую единицу» [Липский. 1925, с. XIII].

Т.П. Роон считает, что это этническое название было привнесено русскими. Русские переселенцы местных оленеводов называли термином *орочен/орочены*. «Именно под таким названием уйльта известны у русскоязычного населения Северного Сахалина» [Роон. 1996, с. 12–13].

Вышеотмеченные исследования показывают, что этническое название *орочены* могло принадлежать трём народам: тунгусам (Шренк), маньчжурам (Липский) и русским (Роон). Если исходить из того, что маньчжуры, монголы, народы Нижнего Амура, Сахалина, Татарского побережья и русские переселенцы тунгусский термин *орочены* и другие его варианты используют вместо этнического названия для тунгусов-олeneводов, то можно быть уверенным, что это название среди народов Сибири и Дальнего Востока было оглашено и распространено не маньчжурами и монголами, не русскими, а только тунгусами, оленеводческая культура которых была отнесена к особому *орочонскому* типу. В процессе

развития этой культуры её носителями стали негидальцы, ороки, орочи, орочёны-эвены и другие тунгусо-маньчжурские этносы.

Отмеченные этнические названия и оленеводческая культура орочёнского типа ограничиваются территориями Забайкалья, верховьев Амура (Амурская область), Удского края (бассейн р. Уда), северной части Охотского побережья, Чукотки, Камчатки, Сахалина и залива Де-Кастри Татарского пролива. Исходя из методов комплексного подхода, мы вычленим и детально рассмотрим только тот регион, откуда мог начаться процесс распространения среди тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока этнического названия *орочоны* в значении «оленоводы».

Л.И. Шренк первый обратил внимание, что орочи Татарского пролива в конце XVIII в. оленеводством не занимались, но сами себя называли *орочами*, т.е. оленеводами. Он решил выяснить, почему безоленный народ залива Де-Кастри назвался оленеводами, а также откуда у орочей могло появиться это название?

Л.И. Шренк хотя и был сторонником южного происхождения орочей, считал, что этническое название *ороч* (*орочоны*) в значении «оленоводы» не могло прийти к населению Татарского пролива от южных племён Приморья, потому что местные племена, обитавшие в бассейне р. Усури и занимавшие побережье Японского моря от Кореи до залива Де-Кастри, оленеводством не занимались [Шренк. 1883, с. 141]. По этой причине исследователь решил, что вместо «настоящих» орочей, встретившихся с Ж. Лаперузом в 1787 г., были оленеводы-ольчи, и Лаперуз этноним *орочи* «без сомнения... слышал... от туземных жителей залива», но этим именем назвались не орочи, а ольчи, которые в те времена проживали в районе залива Де-Кастри. «Я нисколько не сомневаюсь, что Лаперуз узнал имя народа не от орочей, а от ольчей. Так как последние, действительно, сами называют себя этим именем, то он от них и должен был слышать название, которое при столь обыкновенной замене тунгусскими племенами буквы „Л“ буквою „Р“, могло быть произносимо и „ольча“, как я его слышал, и „ор(о)ча“» [Шренк. 1883, с. 142].

В своё время проблемой происхождения этнического названия *орочи* интересовался и Л.Я. Штернберг. Досконально изучив материалы Л.И. Шренка о появлении этого этнонима у населения

залива Де-Кастри, он обоснованно усомнился в правоте исследователя и высказал свое предположение, что во время посещения Лаперузом залива Де-Кастри вместе с орочами жили не только мангуны-ольчи, но и выходцы с Удыли – негидальцы. Именно негидальцы «...в течение долгого периода сожителства могли достаточно оборочиться, чтобы считать себя одним народом с орочами, тем более что ни по языку, ни по верованиям, ни по обычаю они от орочей ничем не отличаются. Я встретил потомков этого рода на Амуре, и они по старой памяти ещё и теперь перед русскими называют себя орочи. Правда, Лаперуз сам в других пунктах территории орочей не встречал, но он всё-таки не ошибся: обитатели этого побережья перед другими, действительно, так называют себя» [Штернберг. 1933, с. 395].

Итак, по Л.Я. Штернбергу, *орочами* могли назвать себя и негидальцы, что в принципе не противоречит реальному положению дел. Отдельные представители негидальского этноса действительно достигали Татарского пролива и имели тесные связи с эвенами-орочёнами северной части Охотского побережья. Они также, вступая в этнокультурные контакты с зейскими, урмийскими, учурскими, удскими и другими группами эвенков, имевшими этническое название *орочё*, *орочён* [Сравнительный словарь. 1977, с. 25], могли назвать себя *орочами*. А.Н. Липский сообщил, что современные негидальцы из селений Им и Усть-Амгуни в подворных карточках переписи населения 1923 г. называли себя *арочен'ами* [Липский. 1925, с. XIX].

Вполне возможно, что этнический термин *ороч* (*орочоны*) жителями залива Де-Кастри, т.е. современными орочами, обитающими в бассейнах Хади, Тумнина, Хунгари (Гур) и других рек, впадающих в Японское море, через посредников – негидальцев – был заимствован у орочёлов Охотского побережья, потому что *орочёлов* (эвенов) и *арочонов* (негидальцев) связывали какие-то родственные узы, которые в наши дни сохранились только в общем сходстве негидальцев с ороками и ламутами [Левин. 1949а, с. 27], а также в древних самоназваниях ольских, арманских и других групп эвенов в форме *илкан бэј* («взрослый, возмужалый человек»), *бэј* («человек», «мужчина») и в этнониме негидальцев *илкан бэјэнин* («настоящий человек») [Сравнительный словарь.

1975, с. 122–123, 308]. У эвенков и других этносов подобные названия отсутствуют.

А.А. Сирина при исследовании эвенков и эвенов также заметила этническую связь орочей, негидальцев и эвенов северной части Охотского побережья и, заостря на этом особое внимание, писала: «...специальных исследований заслуживает тема связи и этнических контактов орочей (эвенов) Магаданской области с приморским населением Хабаровского края, также известного под именем орочи (с вариантами) и намотканы» [Сирина. 2012, с. 48].

В исследовании С.К. Патканова отмечается, что «орочи, живущие около Императорской Гавани и в её окрестностях, называют себя именем орочоны...» [Патканов. 1906, с. 74]. Однако далее автор заявляет, что орочи, живущие к северу от р. Ботчи, этническое название *орочоны* заимствовали от русских. «От других народов они его перенять не могли, – поясняет исследователь, – так как их соседи называют их по большей части именем „кэкары“ и его вариациями, а маньчжуры, которым приписывают происхождение слова „орунчунь“, отделены от них областью гольдов» [Патканов. 1906, с. 77].

Мнение Патканова о заимствовании орочами экзонима *орочоны* от русских находит отражение и в работе И.А. Лопатина «Орочи – сородичи маньчжур», где сообщается, что этническое название *орочон* в Приморской области появилось во второй половине XIX в. благодаря русским переселенцам, которые, зная о существовании орочонов Забайкалья и Амурской области, орочей Императорской Гавани тоже стали называть *орочонами*. «Дело дошло даже до того, что и сами орочи в разговоре с русскими называют себя орочонами» [Лопатин. 1925, с. 7].

Сравнивая исследования С.К. Патканова и И.А. Лопатина, нетрудно заметить – они оба считают, что русские при переселении в Приморье, Приамурье и на Сахалин распространили среди орочей, ороков и других аборигенов региона этническое название *орочоны* в значении «оленоводы». Однако в данном случае и Патканов, и Лопатин ошибочно использовали только устоявшийся стереотип XIX – начала XX в., указывающий на особую историческую значимость русских, без которых аборигены якобы не могли определиться даже с самоназванием. Они не сопо-

ставили даты прихода русских и французов в районы Татарского пролива: русские в Императорской Гавани и её окрестностях стали появляться только в 1882–1891 гг., во время второго этапа переселения крестьянства на Дальний Восток [История Дальнего Востока. 1991, с. 231–232], а этнонимы *орочи* и *орочоны* в заливе Де-Кастри прозвучали от местных жителей почти на 100 лет раньше – в 1787 г. Однако вместо этих сопоставлений исследователи, не подумав, сделали ошибочный вывод, будто *орочи*, находясь под влиянием русских, «...называют себя... заимствованным от русских именем „орочоны“» [Патканов. 1906, с. 77].

Можно предположить, что этнические названия *орочоны* и *орочи* на побережье Татарского пролива до появления там Лаперуза утвердились от племён Забайкалья или от *орочонов* Амурской области. Но этого быть не могло по той причине, что территория Татарского пролива отделена от Забайкалья и верховьев Амура областью гольдов и других племён. Иначе говоря, экзоним *орочон* (*орочён*) вначале должен был появиться у гольдов, как предполагал С.К. Патканов [Патканов. 1906, с. 77], а затем и у других аборигенов. Однако ни у гольдов, ни у остальных народов Приамурья, кроме *орочей*, данное название не утвердилось. Из этого следует, что этнонимы *орочёны* и *орочи* на побережье Татарского пролива в конце XVIII в. были получены не от племён Забайкалья и Амурской области. В.А. Туголуков указывает и на другую причину, почему этноним *орочён* не мог появиться среди *орочей* Императорской Гавани от племён Забайкалья: он до начала XIX в. вообще «...не являлся специфическим обозначением забайкальских и приамурских эвенков, занимавшихся оленеводством» [Туголуков. 1996, с. 44].

Термин *орочон* не мог быть заимствован жителями залива Де-Кастри и от *ороков* Сахалина, потому что русские на Сахалине, как и в Приморье, появились только во второй половине XIX в. К этому времени *ороки* уже пользовались этнонимом *орочоны* и знали территориальные названия *ольча* и *ульча*.

Есть версия, что этническое название *орочоны* (*орочёны*) в значении «оленоводы» на берегах Татарского пролива могло появиться из Удской округи, где сосредоточились забайкальско-амурские эвенки, у которых самоназванием служили этнонимы *орочй*, *орочён*, *оричён* [Сравнительный словарь. 1977, с. 25]. Од-

нако это предположение обоснованно опровергается материалами Л.Я. Штернберга, писавшего, что Удские тунгусы в окрестностях Татарского пролива появились «...лишь лет 35 тому назад и, следовательно, не только во времена Лаперуза, но и во времена Шренка не могли быть в этих местах и, стало быть, не имеют никакого отношения к обитателям Де-Кастри» [Штернберг. 1933, с. 396].

Из всех регионов, где функционировало этническое название *орочи* (*орочёны*) в значении «оленоводы», не проанализированной осталась только северо-восточная часть Охотского побережья, где проживали ламуты, называвшие себя тоже этнонимом *орач* или *оръч* (ед.ч.) и *орочел* или *оръчъл* (мн.ч.) [Сравнительный словарь. 1977, с. 25; Попова. 1981, с. 6]. Этот список можно расширить самоназваниями *орочен*, *орочон*, *ороч* (мн.ч. – *орочол*), взятыми из исследования Г.М. Василевич. Кроме этого, как сообщает Г.М. Василевич, *орочолы* были известны и под названием *ламутов* [Василевич. 1964, с. 2], а с конца 1928 г. ламуты северо-восточного побережья Охотского моря, имевшие самоназвание *эвън* (ед.ч.) и *эвъъл* (мн.ч.), при проведении первых мероприятий по советскому национальному строительству среди аборигенов Дальнего Востока стали называться единым этнонимом *эвены*. Но этноним *орочи* в Охотско-Колымском округе в местных источниках (документах) продолжал фигурировать вплоть до конца 1957 г., и только в 1960–1970-е гг. в Магаданской области вместо него официально стал использоваться этноним *эвен* [Хаховская. 2009, с. 73].

Таким образом, «самоназвание „эвены“ с того времени стало общим этническим названием народности „ламуты“, дореволюционных „восточных тунгусов“ и „орочел“ Охотско-Колымского края» [Попова. 1981, с. 6].

Заслуживает особого внимания исследование Э.В. Шавкунова о местных племенах Хинганских гор, известных в I–III вв. н.э. под названием Увань и Улохоу. «Племена Увань, несомненно, являются предками современных эвенов. Кстати, слово „увань“ или, как его ещё транскрибировали китайцы, „ухуань“, при династии Суй и Тан¹⁹ читалось как „ован“, т.е. эвен» [Шавкунов. 1959,

¹⁹ Годы правления китайской династии Суй – 581–618, Тан – 618–907.

с. 49]. В составе Уваней находились и племена Улохоу (Улохунь). «Древнекитайское чтение имени этого племени даёт нам слово „ороку“ („орокон“), что этимологически связывает нас с названием современных тунгусских народностей...» – *ороками, орочами и ороचनाми* [Шавкунов. 1959, с. 49]. Со ссылкой на Н.Я. Бичурина исследователь продолжает: «В VII в. племена Увань (Эвены), как показывает „Тан шу“, обитали к северу от племени Улохоу (Ороку), т.е. к северу от Большого Хинганского хребта на территории современного расселения эвенов» [Шавкунов. 1959, с. 49]. Исходя из материалов Э.В. Шавкунова, нетрудно заметить, что в составе эвенов находилось и племя, известное в древнекитайской истории под названием *ороку (орокон)*. По всей вероятности, эти *ороконы* имеют прямое отношение к орокам Сахалина.

По мнению В.А. Туголукова, основанном на всестороннем анализе этнической истории тунгусов Сибири и Дальнего Востока, распространение этнонима *орочён* началось именно с территории северной части Охотского побережья, где обитали предки современных эвенов, известных под экзоэтнонимом *ламунка (намунка)* – «приморские жители» [Туголуков. 1996, с. 44]. «В процессе своего продвижения на Амгунь и Нижний Амур, – отмечал В.А. Туголуков, – охотские тунгусы (как эвенки, так и эвены) вступали в контакты с местным коренным населением – натками (нанайцами), гиляками (нивхами) и айнами – и тем самым приняли активное участие в этническом формировании ряда современных тунгусо-язычных народов этого региона. Названия трёх из этих народов – *ороки, орочи, ульчи* – представляют собой производное от этнонима *орочён – орочел (ороч)*» [Туголуков. 1996, с. 45].

Г.М. Василевич, исследуя проблему «Типы оленеводства у тунгусоязычных народов», отмечала, что оленеводство у тунгусов Сибири по своим характерным особенностям разделялось на два типа – эвенкийский и ороченский [Василевич. 1964, с. 3–5]. Эти особенности выражались в способах содержания и использования оленей и ограничивались определённой территорией выпаса и содержания животных. «Эвенкийский тип был распространён в бассейне Подкаменной Тунгуски, на верхней половине бассейна Нижней Тунгуски и на смежных притоках Лены выше

Витима. Варианты его распространялись по притоку Ангары, к западу от Енисея, в районе Енисея, к северу от Нижней Тунгуски, в Северном Прибайкалье, между реками Буреей и Амгунью и на реках, впадающих в Охотское море, на юге» [Василевич. 1964, с. 3]. «Второй тип – ороченский – распространялся по отрогам Яблонового и Станового хребтов, а варианты его – к северу от Нижней Тунгуски, на Витимо-Олекминском плоскогории, на отрогах Верхоянского хребта, на Камчатке и Сахалине» [Василевич. 1964, с. 3].

Исходя из материалов исследования Г.М. Василевич, эвенкийский тип оленеводства сохранился у большинства оленеводов Сибири и Дальнего Востока, а ороченский тип – только у Охотских эвенов и ороков Сахалина, у которых до сих пор сохраняется этническое самоназвание в форме *орочёны* или *орочелы*. Отсюда следует, что эвены северной части Охотского побережья и ороки Сахалина, имеющие единый ороченский тип оленеводства и практически общий этноним – *орочёны (орочелы)*, – в прошлом находились в тесном родстве, что и подтверждается многими элементами материальной и духовной культуры, о чём более подробно сказано в разделе «Этнографические параллели в материальной культуре охотских эвенов, ороков Сахалина, орочей и удэгейцев бассейна Амура».

Определив круг этносов, относящихся к орочёнам-оленоводам, мы обратили внимание, что часть из них, например, орочи Императорской Гавани, негидальцы, эвены Охотского побережья, ороки Сахалина и некоторые дальневосточные эвенки, тоже называют себя *орочёнами*. Монголы, маньчжуры и русские под термином *орочен* подразумевали понятие «оленовод», однако что подразумевали сами аборигены – оленеводы-тунгусы, – называвшие себя *ороченами, орочёнами, ороचनाми, орочелами* и другими вариантами этого термина?

Вспомним утверждение Шренка, что *орочи, орочены, ороки* и др. сами себя оленеводами не называли. Касаясь этнонимов тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья, А.Н. Липский, проявляя полную солидарность с Л.И. Шренком, тоже категорически выступил против использования термина *орочен* в понятии «оленовод». Он особо подчёркивал, что оленеводство тунгусов, хотя и

является основным видом хозяйственной деятельности, но «...ни в коем случае не может служить этническим признаком, т.к. тогда пришлось бы создать столько народностей, сколько имеется профессий и термин *орочен* никоим образом не может быть употребляем как термин, обозначающий этническую особенность... тунгусов» [Липский. 1925, с. XIII].

Как показывают лингвистические, исторические, топонимические и этнографические материалы, большинство этнических названий (за очень редким исключением) в Сибири, на Дальнем Востоке и в других регионах мира связываются с местными географическими названиями рек, озёр, гор, населённых пунктов, отдельных ландшафтов и т.д. Если признать, что этническое название *орочен* отражает не хозяйственные особенности, то в этом случае оно должно быть связано с названием какой-нибудь территории, на которой обитали тунгусы, именовавшие себя *орочонами*. Где находится эта местность, нам и следует выяснить, что в наше время является непростым делом.

Из историко-этнографической литературы известно, что этнические названия *орочен*, *орочён*, *орочон* и *орочолы* ограничиваются территориями Забайкалья, верховьев Амура (Амурская область), Удского края (бассейн р. Уда), северной части Охотского побережья, Чукотки, Сахалина и залива Де-Кастри Татарского пролива. Идентичный этноним функционирует в Сибири и на Дальнем Востоке, но он не мог возникнуть одновременно у разных этносов, значит, данное название вначале появилось в каком-то одном месте, а затем распространилось на тех территориях, по которым осуществлялась миграция предков, называвших себя *орочёнами*. Используя метод исключения одной территории за другой, мы можем определить, откуда и от кого могло появиться этническое название *орочи* и *орочены* в культуре местных этносов в значении «оленоводы».

В.А. Туголуков отмечал, что существовало два центра возникновения и бытования этнонима *орочён*. «Одним из таких центров была территория левобережного Приамурья, где эвенки-оленоводы соприкасались с эвенками-скотоводами и эвенками, чьим единственным домашним животным являлась собака... Однако до XIX в... этноним *орочён* не являлся специфическим обозначением

ем забайкальских и приамурских эвенков, занимавшихся оленеводством» [Туголуков. 1996, с. 44]. «Другим центром, откуда шло распространение этнонима *орочён*, была северная часть Охотского побережья, где тунгусские предки современных эвенков ещё до прихода русских вошли в соприкосновение с оседлыми коряками и образовали контактную группу „пеших тунгусов“. Местные тунгусы-оленоводы, кочевавшие большую часть года в прибрежных хребтах, но выходявшие летом к морю для заготовки лососёвой рыбы, называли себя либо *ламунка* (намунка) – „приморские“, либо *орочёл* – „оленоводы“. Второй этноним (ед.ч. – *ороч*) служил антитезой этнониму *мэнэл* – „оседлые“, прилагавшемуся к „пешим тунгусам“» [Туголуков. 1996, с. 44–45].

Маньчжуры и окружающие соседи, не занимавшиеся оленеводством, термин *орочен* воспринимали как «оленовод», а сами аборигены, озвучивая это слово, могли связывать его с местностью, где имелось много оленей. Идея о территориальной связи этнонима *орочён* с названием соответствующей местности была использована Г.М. Василевич, когда она обнаружила в трудах Маака подходящий гидроним *Оро*. В своем «Путешествии на Амур» Р.К. Маак отмечал, что место, где в XVII в. находился русский Албазинский острог, «...у маньчжуров известно под названием *Якса*, а у манягров также под названием *Оро*» [Маак. 1859, с. 66]. Она предполагала, что этноним *орочен* («житель местности *Оро*») возник от гидронима *Оро*, одного из притоков Амура. Однако В.А. Туголуков считает это мнение глубоко ошибочным, так как гидроним *Оро* не связан с оленеводством у тунгусов, потому что «район Албазинского острога совершенно не пригоден для существования домашних оленей ввиду отсутствия там основного корма для оленей – ягеля. Летом там очень жарко и много гнуса. Нет сведений о существовании там и диких оленей, менее прихотливых к неблагоприятным экологическим факторам» [Туголуков. 1996, с. 48].

Следует признать, что в данном случае возражение В.А. Туголовой вполне обосновано: «Факты свидетельствуют о том, что этноним *орочён* – производное от эвенкского и эвенского слова *орон* – „домашний олень“ – и не имеет никакого отношения к району бывшего Албазинского острога» [Туголуков. 1996, с. 49]. Из

этого следует, что название Оро не относится к северной группе тунгусов – эвенкам, эвенам, негидальцам и др., – им домашний олень у них не обозначается. Термин *оро* имеет распространение только у тунгусо-маньчжурских этносов южной языковой группы. Так называют домашнего оленя орочи, ульчи и нанайцы [Сравнительный словарь. 1977, с. 25]. Удэгейцы этим термином обозначают дикого северного оленя [Шнейдер. 1936, с. 60], нанайцы – невестку, ульчи – какое-нибудь животное [Сравнительный словарь. 1977, с. 24, 25], а у ороков Сахалина этим словом называется рыба-горбуша [Озолина и др. 2003, с. 117, 120; Сем Ю.А. и др. 2011, с. 125]. В исследовании А.А. Сириной «Эвенки и эвены в современном мире» со ссылкой на С.М. Широкогорова указывается, что слово *оро* имеет перевод «место», т.е. «местный» [Сирина. 2012, с. 43].

Если учесть тот факт, что в бассейне р. Оро не было условий для содержания оленей, то этноним *орочён* не мог возникнуть из слова *оро* или *орон* («домашний олень»). Не мог он возникнуть и из слова *оро*, имеющего разные понятия, характерные для орочей, ульчей, нанайцев, удэгейцев и ороков, а вот концепция Широкогорова, что этническое название *орочен* может иметь значение «местный житель», вполне соответствует действительности XVII в. Этническое название *орочен* в значении «оленеvod» было распространено среди многих территориальных групп тунгусов, размещённых от верховьев Амура до северо-восточной части Охотского побережья. Однако возникнуть оно могло только в одном месте, а затем в процессе миграции оленеvodов оно распространялось по территории их движения.

В этой связи определённый интерес представляет топонимический словарь В.В. Леонтьева и К.А. Новиковой, в котором зафиксировано три оронима: один из них *Орон* – ручей, левый приток р. Тас-Эльбех, впадающей в р. Хинике и расположенной в Тенькинском районе Магаданской области; другой ороним с одноимённым названием является правым притоком р. Черной, входящей в состав бассейна р. Гижиги, находящейся в Северо-Эвенском районе Магаданской области. Ороним *Орон* с эвенского языка на русский переводится как «домашний олень»; третий ороним *Ороч* – это левый приток р. Дручак, впадающей в р. Ирбычан, входящей в бассейн р. Гижиги в составе террито-

рии Северо-Эвенского района Магаданской области. Последний в буквальном смысле означает понятие «оленный» [Леонтьев и др. 1989, с. 293, 294]. Приведённые оронимы свидетельствуют, что предположения Г.М. Василевич о связи этнонима *орочён* с какой-то конкретной территорией, где имелись олени, не лишены смысла. К сожалению, исследовательнице не удалось связать свою идею с северо-востоком Азии, где имеются подходящие для этимологии оронимы – *Орон* и *Ороч*.

Если использовать особенности эвенских суффиксов *-чан/-чен*, при помощи которых образуются топонимы, указывающие на территориальные особенности местности, то при прибавлении к слову *орон* суффикса *-чен* получим название территории *Орончен* со значением «оленная местность» или «житель местности Орон». Кстати, Г.М. Василевич гидроним *Орон* относит к названиям, связанным с промыслами [Василевич. 1971, с. 163]. Этническое название *орочен* со значением «оленная местность» может образоваться и от соединения слова *ороч* с суффиксом *-чен*. Вполне возможно, что название *оронchon*, отмеченное Липским [Липский. 1925, с. XIII], связано не с искажённым маньчжурским словом *орунчун* в значении «оленный народ», как считает Л.И. Миссонова [Миссонова и др. 2006, с. 129], а является этнонимом, образованным от гидронима *Орон*.

Японские исследователи Могами Токунай и Мамя Риндзо ороков Сахалина называли термином *ороцко*, «а заселенную ими часть острова – „ориката“» [Шренк. 1883, с. 134]. Иначе говоря, термин *ориката* на японском языке означает название местности, где жили ороки в конце XVIII – начале XIX в.

Японский термин *ориката*, на наш взгляд, означает территорию, на которой ороки строили специальные изгороди – загоны для содержания животных. Если его разложить на фонемы, то первая часть – *ори*²⁰ – в нашем случае может означать такие

²⁰ К сожалению, мы не располагаем иероглифическим написанием японского слова *ори*, имеющего множество значений, например: 1) глагол «ломать, складывать»; 2) «деревянная коробка»; 3) «ткань» физическая; 4) «осадок, отстой, гуща» и 5) «клетка», «загон», «хлев» «овчарня». Поэтому приведённая этимология основана на особенностях деятельности ороков, которые занимались содержанием оленей. При хозяйственной необходимости животных собирали и держали в специальных загонах.

понятия, как «клетка», «загон», «овчарня», «хлев» [Японско-русский учебный словарь. 2001, с. 331]. Для отражения хозяйственной деятельности ороков Сахалина идеально подходит термин, значение которого – «загон для оленей». Загоны устраивались в продуваемых ветерком местах. В этих же постройках в тёплое время года, когда массово появлялся гнус, устанавливались и дымокуры, отгонявшие комаров и мошку от животных. Вторая часть слова – *ката* или *котан* – совмещается с первой и имеет значение «населённый пункт в Японии» или обозначает село, селение, хутор и другие понятия, связанные с местом жительства человека²¹. Таким образом, полный перевод термина *ориката* означает название местности, в пределах которой жили ороки и содержались олени. По принципу этого термина создавались и другие топонимы на Сахалине. Например, Хокуй-котан и Найтуру-котан – селения айнов, Ван-Готан, Таран-Готан – селения ороочонов и др. [Невельской. 1969, с. 275, 277, 291 и др.]. По данным А. Брылкина, на Южном Сахалине в 1861 г. существовало селение амурских мангунов – Мангун-котон [Брылкин. 1864, с. 51].

На наш взгляд, термин *орочён*, означающий «житель бассейна р. Орон или Ороч» Северо-Эвенского района Магаданской области, и японский термин *ориката* – «находящийся на территории расселения ороков Сахалина» – хотя и относятся к разным территориям и народам, тем не менее обладают такой идентичностью, что между названиями *орочены* и *ориката* можно ставить знак равенства, потому что они указывают на оленеводов – жителей конкретных местностей, где содержались олени.

Выяснив, где находится территория, называемая *орочен*, мы невольно задаёмся вопросом: как мог термин *орочен* практически без изменений закрепиться у разных этносов Сибири и Дальнего Востока? По нашему мнению, ответ находится в плоскости преемственности и передачи культурного наследия.

Из поколения в поколение заимствуются только общие этнические самоназвания, а не отдельные территориальные названия каких-нибудь родовых групп, объединённых общими

²¹ Следует особо подчеркнуть, что термин со значением «селение» в форме котан в литературе пишется по-разному: котан, котон, ката, готан, гота [Шренк. 1883, с. 134; Невельской. 1969, с. 275, 277, 289–292; Брылкин. 1864, с. 51].

жизненными целями или союзом *доха*, потому что с переходом в другую местность старый топоним быстро забывается и заменяется новым. Например, один из ульчских родов, живший на берегу Татарского пролива, вначале назывался Кекали. Потом, перебравшись на Амур и поселившись на р. Нунгму, он стал называться Нунгмули-хала, а когда род переехал на оз. Удыль, то получил название Дятала [Смоляк. 1963, с. 154]. Однако все ульчи помнят своё первое самоназвание *нани*, приобретённое предками в незапамятные времена. «Сами ульчи, как и гольды, слово *нани* (*нанай*) не переводят по смыслу. Оно в представлении их мыслится как неделимое понятие, как их собственное самоназвание» [Петрова. 1936, с. 6]. Этот первичный этноним передавался из поколения в поколение и сохранялся в неизменном виде сотни лет, потому что этническое имя, полученное от предков, всегда воспринимается как единое целое с образом священного предка, помогавшего своим потомкам в промыслах и охранявшего их от козней злых духов.

Единство общего этнического имени в сочетании с памятью о предках сохраняется практически всегда. Этническое самоназвание – это не только имя этноса, но и название родины, где жили предки, и имя, которое каждый раз вспоминается с ностальгией о былых, лучших временах в жизни человека.

Это относится и к орокам Сахалина, у них до наших дней обнаруживаются названия *орочёны*, *орочоны*, *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *ульта* и *уйльта*, возникновение и функционирование которых фиксировалось с середины XIX до конца XX в. Из всех перечисленных этнических названий в первой четверти XX в. для обозначения ороков не стали использоваться этнонимы *ольчи* и *ульчи*.

В начале XXI в. этнографами «насильственно культивировался» и тиражировался этноним *ульта*, а через 7–10 лет по инициативе небольшой группы интеллигенции, мало знающей свою культуру, среди ороков начало насаждаться этническое название *уйльта*, хотя в памяти людей старшего поколения до сих пор сохраняется этническое название *орочёны*. Следует особо подчеркнуть, что этноним *орочён* не только настоящее имя ороков, полученное от эвенов-орочёнов, но и название родины предков, которое мигрировало с северного побережья Охотского моря, а оттуда дошло и до Сахалина.

10. Этнонимы ороков Сахалина и их этимология в отечественной этнографической литературе

Этническое самосознание не только выражается в имени народа, но и тесно связывается с той местностью, где происходило формирование этноса. Со временем территория древних предков становится сакральной и очень долго сохраняется в памяти людей. Вполне возможно, что определённая часть ороков Сахалина в начале XX в. неосознанно продолжала помнить о далёкой родине, где на севере Охотского побережья в прошлом жили их предки [Васильев. 1929, с. 5, 8].

Ороки Сахалина в своём историческом развитии прошли более сложный путь, чем их соседние этносы. О сложности этнокультурных контактов и этногенетических связей с другими народами свидетельствуют многочисленные экзонимы и самоназвания – *ороки, орочёны, орочены, ороконы, ольчи, ульчи, ульта, ульта, ульта* и др., – которые фиксировались у народа с середины XIX в. Из перечисленных названий до сих пор сохраняется *орочёны*, с ним преобладающее большинство ороков

связывают свою прошлую историю, однако среди них есть и те, кто считает, что это не этноним, а название, которое русские дали орокам.

О русском влиянии на этнонимии ороков Сахалина говорилось ещё в начале XX в. В исследовании С.К. Патканова отмечалось, что этническое название *орочены* (*орочоны*) используется для определения орочей Императорской Гавани, негидальцев, ольчей-мангунов и ороков Сахалина [Патканов. 1906, с. 74, 88, 119, 132]. Учёный утверждает, что термин *орочоны* был распространён среди аборигенов Приамурья и Приморья русскими [Патканов. 1906, с. 77].

Последующие исследователи также считали, что этническое название *орочоны* среди народов Приамурья распространили русские. «В названии орочей всё время происходила, и по сейчас ещё происходит, путаница. Сам себя народ называет орочи, но русские, пришедшие в первый раз в Приморскую окраину 70 лет тому назад и знакомые в Забайкалье и Амурской области с народом тоже тунгусского племени оленеводами-орочонами, стали и новый для них народ орочей называть по созвучию, но, конечно, совершенно неправильно – „орочонами“» [Лопатин. 1925, с. 7].

Точка зрения, что этническое название *орочены* (*орочоны*) распространилось среди эвенков, негидальцев, орочей, ороков и других народов Сибири и Дальнего Востока под влиянием русских, бытует и в наше время. Среди современных ороков и ряда научных сотрудников существует мнение, что название *орочёны* за ороками Сахалина закрепилось по воле советских органов власти [Роон. 1996, с. 3], а если быть более точным, то аборигены продолжают считать, что вся путаница с их этническими названиями исходит от русских. Наглядный пример: в конце 90-х гг. XX в. среди ороков Сахалина наибольшее распространение имели такие этнические названия, как *ороки*, *орочёны* и *уйльта*. Общеизвестный факт, что экзоним *ороки* произошёл от айнского слова *орокко*. Однако в среде самих ороков этот термин считается русским, и его бытование объясняется так: «Русским трудно говорить „орочён“, поэтому решили называть нас ороки» [Функ и др. 2000, с. 15]. Неоднозначное отношение у разных возрастных групп ороков наблюдается и к самому названию *орочён*. «Поода-

вляющее большинство опрошенных считают термин „орочён“ неточным, и лишь единицы „уйльта“ старшего поколения воспринимают его как собственно самоназвание» [Функ и др. 2000, с. 15]. Учитывая многочисленные высказывания местного населения о необходимости замены одних этнических названий на другие, Д.А. Функ отмечал: «Очевидно, пора, наконец, отказаться от употребления экзоэтнонимов, навязанных этому народу в XX столетии, и использовать лишь самоназвание „уйльта“ или же „ульта“» [Функ и др. 2000, с. 28].

Если считать, что распространение названия *орочёны* среди народов Сибири и Дальнего Востока связано с русским влиянием на этнонимию многих тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья и Сахалина, то следует, действительно, отказаться от ряда экзоэтнонимов и использовать тот этноним, каким они называют себя сами. Прежде чем приступить к выбору «подходящего» этнонима, необходимо внимательно изучить вопросы, как среди народов Сибири, Приамурья и Сахалина распространилось название *орочёны* и кто его распространял? От правильного ответа будет зависеть и отношение аборигенного населения Сахалина и Приамурья к своим этническим названиям.

Впервые этническое название *орочоны* в отечественной литературе всесторонне рассмотрел Л.И. Шренк. Он обратил внимание, что распространение в Амурском крае *орочонов* совершалось на непосредственной границе русских владений. «Заметим прежде всего, что хотя русские в настоящее время и разумеют под „орочонами“ оленных тунгусов, кочующих по Амуру и его притокам, вверх от манегирцев, и кроме того, в Становом хребте, по верхним притокам Олекмы, и в Хингане, по некоторым притокам реки Нонни, однако название это дано им не русскими... оно – маньчжурского происхождения. Означая не более как „оленный народ“, название это могло относиться к весьма различным тунгусским племенам. С каких пор употреблялось оно у маньчжуров или их предков, этого мы не знаем, однако то обстоятельство, что оно осталось за *ольчами* Нижнего Амура, давно уже расставшимися со своими оленями, равно как и за *ороками* Сахалина, указывает на его глубокую древность» [Шренк. 1883, с. 186–187].

В исследовании Л.И. Шренка чётко просматривается мысль, что русские к распространению этнического термина *орочоны* среди аборигенов Приамурья и Сибири не имеют отношения, а само его функционирование в неизменном звучании среди ороков Сахалина наблюдалось до появления русских, о чём свидетельствуют сообщения Д.И. Орлова и Н.В. Рудановского. В своих донесениях, направленных Г.И. Невельскому, ороков они называют *удскими тунгусами* и *орочонами*, считая, что *орочоны* переселились на Сахалин в XVII в. [Невельской. 1969, с. 266–267, 279, 282].

Этническое название *орочены* (*орочоны*) для обозначения ороков использовали М.С. Мицуль, Н. Попов, А. Александрин, Р.В. Меркушев и др. [Очерк. 1873, с. 132–133; Попов. 1895, с. 7–11; Александрин. 1897, с. 100; Меркушев. 1913, с. 53–58]. Из материалов Л.И. Миссоновой со ссылкой на П.Ю. Шмидта известно, что до прихода русских на Сахалине с незапамятных времен жило родственное тунгусам племя *орочон*. Эти *орочоны* «в некоторых местностях... называются *орочами*, *ороками* или *ольчами*» [Миссонова. 1996, с. 54].

Таким образом, анализ этнографической и исторической литературы показывает, что российские исследователи у ороков Сахалина с 1851 г. до начала XX в. одновременно с экзонимом *ороки* фиксировали и этноним *орочены* (*орочоны*), которым аборигены называли себя с глубокой древности. Однако этот факт современными этнографами остался незамеченным, и они своё внимание обратили только на созвучные названия *ольчи*, *ульчи*, *уильта* и др.

Судя по всему, Л.И. Шренк знал о существовании этнонима *ульча*, потому что, описывая двускатные жилища ороков Сахалина с двумя входами, полностью заимствует их из работы И.С. Полякова и делает на его труд соответствующую сноску [Шренк. 1883, с. 57], но о том, что на этой же странице Поляков приводит самоназвание ороков в форме *ульча*, Шренк почему-то не пишет. Автор книги считает, что Шренк, зная этноним *ольчи*, которым *ороки* обозначали сами себя, не мог объяснить появление ещё одного названия, поэтому о новом этнониме не стал говорить. Это привело к тому, что последующие исследова-

дователи – С.К. Патканов, В.К. Арсеньев, А.Н. Липский и др. – между этнонимами *ольчи* и *ульчи* начали ставить знак равенства. Более того, с целью придать данному явлению вполне «законный» характер, А.Н. Липский сделал такое пояснение: «так называемые в литературе ольчи сами себя называют не *ольчи*, а *ульча*... в произношении слова *ульча* звук [у] слышится весьма открыто» [Липский. 1925, с. XII]. Л.И. Шренк первым из российских исследователей сделал попытку перевести этническое название *ороки* на русский язык. Этимологию он стал выводить из созвучного названия *орочон*, в основе которого лежит слово *оро* или *орон*, что «на языке тунгусских инородцев Амурского края, а равно и Сибири, значит „олень“ и преимущественно домашний. Поэтому все упомянутые выше названия означают „оленный народ“, – писал Шренк, – или „оленеводы“» [Шренк. 1883, с. 137].

Одним из первых исследователей точку зрения Л.И. Шренка об этимологии названия *ороки* от слова *орон* поддержал С.К. Патканов, обративший внимание на появление в литературе этнонима *ульча*. Однако, считая, что этнические названия *ольчи* и *ульчи* представляют один термин, он между ними ставит знак равенства, доказательством чего служат слова: «Сами ороки, по Полякову, называют себя ульча (т.е. „ольчами“)» [Патканов. 1906, с. 132].

Затем принцип этимологизации термина *ороки* от тунгусского слова *орон*, разработанный Л.И. Шренком, заимствует Л.Я. Штернберг, который поддерживает мнение С.К. Патканова о равенстве названий (*ороки* = *орочоны* = *ольча* = *ульча*). Л.Я. Штернберг об этом писал: «При первых встречах они (ороки Сахалина – А.С.) называли себя просто ороचनाми, то есть так, как их зовут русские. Впоследствии, когда я стал допытываться, как будет *орочон* на их языке, они стали называть себя ульча или ольча, то есть так, как их называют соседи и единоплеменники-тунгусы, а также и их единоплеменники на Амуре. Лучше сказать, слово „ульча“ явилось буквально переводом на их язык слова „орочон“, так как слово „орон“, которое у других тунгусских племён означает олень, на языке ороков звучит *аля*, *уля*, а отсюда ольча, ульча» [Штернберг. 1933, с. 396].

Однако после 1925 г. этнонимом *ульчи* или *ольчи* А. Липский называет не ороков Сахалина, а жителей низовьев Амура – мангунов. При переводе этого термина на русский язык исследователь не соглашается с этимологией С.М. Широкогорова и П.П. Шмидта, утверждавших, что слово *ольча* переводится как «человек, имеющий косу» (*ол* «коса» + *-ча* – суффикс принадлежности). По этому поводу Липский писал: «Нельзя с этим доводом согласиться уже потому, что „человеком с косяю“ можно в одинаковой степени назвать и маньчжур, и ходзо[н], и гиляк, а не одних только ульча, т.к. все названные народности в силу одних и тех же религиозно-психологических причин носили длинные волосы, заплетая их в косу» [Липский. 1925, с. XLIV].

Отвергнув этимологию С.М. Широкогорова и П.П. Шмидта, А.Н. Липский выдвинул несколько своих этимологических гипотез, но уже вне связи с ороками Сахалина:

– *ульча* – это «люди нерпы или нерпичьи люди» (*ул* или *кэнгы* – название одного из крупных видов нерпы – тотемного животного одного из ульчских родов) + *-ча* – суффикс принадлежности;

– *ульча* – «есть жители земляных жилищ, жители нор». Доказательством этого может служить термин ольских тунгусов, у которых имеется весьма созвучное слово *улча* («нора», «землянка человека») + *-ча* – суффикс принадлежности;

– *ульча* – «поречане» или «речные жители». Этимология связывается со словом *ула* («река») + *-ча* – суффиксом принадлежности [Липский. 1925, с. XLV].

Когда А. Липский назвал мангунов *ульчами*, никто из этнографов не выступил против. Не возразил А. Липскому даже Л.Я. Штернберг, хотя он критиковал Л.И. Шренка лишь за то, что тот в своём исследовании назвал мангунов *ольчами* [Штернберг. 1933, с. 400] или так называемыми *ульчами*.

В 1928 г. Б.А. Васильев у ороков Северного Сахалина зафиксировал этноним *ульта*, близкий по своему звучанию, как он считал, к названию *ульча*. По мнению исследователя, орокские самоназвания *ульча* и *ульта* обладают такой же идентичностью, как и известные этнонимы *ольча* или *ульча*. Зная из работ предшественников, что *ольчи* – это ороки (Л.Я. Штернберг), ороки – это

ульчи (И.С. Поляков), ульчи – это ольчи (А.Н. Липский), Б.А. Васильев по аналогии считает, что в данный ряд можно вписать «ульча – это ульта». Однако он чувствует шаткость своего мнения и пытается дать объективное объяснение, почему вместо самоназвания *ульча* он у ороков зафиксировал этноним *ульта*.

Васильев, когда спрашивал ороков, кто они, очевидно, надеялся услышать ответ, что они *ульча*, как об этом когда-то сообщали Поляков и Патканов. Однако, услышав этноним *ульта*, исследователь решил дать подробное объяснение данному случаю: «...звук [Т] произносится в этом слове ясно, но вообще в языке ороков звуки [Т] и [Ч] очень близки и часто переходят друг в друга. Таким образом, самоназвание ороков „ульча“, приводимое Поляковым, близко к приводимому мной» [Васильев. 1929, с. 5].

К сожалению, Б.А. Васильев не поясняет, когда и в каком случае звуки [т] и [ч] переходят друг в друга, поэтому его вывод о близости самоназваний *ульча* и *ульта* не совсем оправдан. Хотелось бы узнать, почему в одних и тех же местах Северного Сахалина менее чем за сто лет было зафиксировано пять разных этнонимов – *ольча*, *ульча*, *ульта*, *ульта* и *уйльта*?

На наш взгляд, Б.А. Васильев неспроста привёл слова о близости разных звучаний этнонимов *ульча* и *ульта* в самоназваниях ороков Сахалина. Он столкнулся с фактом наличия в составе одного народа субэтнических групп, имевших разные самоназвания. В то время в России теория этноса ещё не получила распространения среди отечественных этнографов, а о наличии субэтнических групп в составе одного народа стало известно только из исследований Ю.В. Бромлея в 70-е гг. XX столетия. Столкнувшись с разными самоназваниями у одного и того же народа, Б.А. Васильев не смог объяснить одновременное существование у него двух имён, поэтому данный факт он просто зафиксировал в своём выводе для будущих исследователей. К аналогичной мысли, по мнению автора, пришла и Т.И. Петрова. Иначе почему она противопоставляет один этноним другому: «...этимология слова *ул`та* ~ *ујл`та* (как и ульча) неясна» [Петрова. 1967, с. 6]. По её словам, получается, что у ороков два этнонима: один из них *ул`та* (*ујл`та*), а другой – *ульча*.

Ознакомившись с этимологией А.Н. Липского, Т.И. Петрова однозначно заявила, что слово *ульчи* не относится к ульчскому языку, поэтому его расшифровка «...должна вестись не при помощи ульчских корней, а корней того языка, от которого пошло это слово» [Петрова. 1936, с. 6].

Вслед за Т.И. Петровой значительный интерес к традиционной культуре ульчей проявил А.М. Золотарёв. Изучая культуру этноса, он, как и другие исследователи, не видел разницы между названиями *ольчи* и *ульчи*, считая, как и Липский, что термин *ольчи* в новом написании звучит как *ульчи* [Липский. 1925, с. XLIII]. Золотарёв, ознакомившись с этимологической концепцией Липского, отнёсся к ней крайне неудовлетворительно и, придерживаясь мнения Т.И. Петровой, высказал мысль, что перевод слова *ульчи* следует искать в тунгусских и ламутских языках, где имеются термины *олдо*, *олло*, *олра*, обозначающие «рыба» [Золотарёв. 1939, с. 34]. Развивая эту мысль, он писал: «Можно допустить, что термин „ольча“ образовался из древнего тунгусо-маньчжурского термина „оль“ – „рыба“ и суффикса принадлежности „ча“, что означает „рыбные люди“, „рыболовы“ – естественное обозначение, которое олениводы или охотники-тунгусы дали прибрежным жителям Амура» [Золотарёв. 1939, с. 34–35].

Невольно напрашивается вопрос, кто же такие ороки – олениводы или рыбаки, люди, имеющие прическу, состоящую из косы, люди-нерпы, люди земляных жилищ или поречане – жители бассейна какой-то реки?

А.В. Смоляк, опираясь на мнение А.М. Золотарёва, выявившего у ульчей род Ольча, пришла к мысли, что Шренк этим родовым именем назвал всех мангунов, «поэтому все изыскания учёных, направленные на установление происхождения слова ольча, представляются излишними» [Смоляк. 1954, с. 35].

Ю.А. Сем, как и Т.И. Петрова, обоснованно считал, что «этимологию слова ульта надо искать в тех языках, где этот термин употребляется для обозначения ороков – эвенкийском, негидальском и в других тунгусских языках» [Сем Ю. 1965, с. 81]. Скрупулёзно рассматривая проблему этногенеза ороков, он пришёл к выводу, что все высказывания предыдущих исследователей, за исключением А.Н. Липского, в вопросе этимологии названий уль-

ча несостоятельны. По его мнению, название этих двух народов связывается с понятием «вода» – *ули, ул* + аффикс *чан*, что означает «речные люди», «поречане» [Сем Ю., Сем Л. 2011, с. 8].

В советской и постсоветской этнографической науке традиционно сложилось, что при исследовании этногенеза ороков Сахалина этимологию данного народа связывают с тунгусским словом *орон* (лингвистическое толкование Л.И. Шренка) или с орокскими словами *аля, уля* (этимологизация Л.Я. Штернберга). Во всех этнографических работах советского и постсоветского периодов, касающихся изучения проблемы этногенеза ороков Сахалина, наблюдается позитивное восприятие указанных методологических подходов, потому что у Шренка и Штернберга они хорошо обоснованы и, на первый взгляд, соответствуют действительности.

Глубокий анализ материалов по этногенезу ороков показывает, что Л.И. Шренк и Л.Я. Штернберг, занимаясь определением этимологии этнонимов *ороки, ольчи* и *ульчи*, по мнению автора книги, допустили методологическую ошибку, потому что следовало выводить её не из тунгусского термина *орон* и орокских слов *аля, уля*, имеющих значение «домашний олень», а из названий местности, где обитали предки ороков Сахалина.

Изучение этнонимов Дальнего Востока и Северной Америки показывает, что самоназвания народов в основном связываются с оронимами, гидронимами, ойконимами и другими названиями. Существующие экзонимы орочей, орочных, ороков, ольчей и др. в значении «оленеводы» свидетельствуют, что они привнесены извне этносами, для которых оленеводство являлось необычной хозяйственной деятельностью. Сами же оленеводы, встречая человека, всегда спросят, как называется местность, откуда он пришёл. В противном случае в крае имелись бы этнические названия не только оленеводов, но и охотников, рыболовов и др., а в Маньчжурии, Бурятии, Якутии и Монголии должны существовать этнонимы со значением «коневоды», но их там не наблюдается. Автор считает, что в условиях первобытности, кочевого образа жизни, отсутствия каких-либо паспортных данных, позволявших быстро найти человека, значительную роль играло этническое название,

связанное с конкретной территорией его обитания, а в ряде случаев – с именем основателя рода.

В этнографической науке давно доказано, что этнические имена тех или иных родовых подразделений и даже названия народов (за редким исключением) связываются с территорией обитания людей, чаще всего – с местными топонимами. Например, негидальцы своё происхождение связывают с озером Нейдаль, рекой и селением Негда; родовые названия Акунка, Мулинка, Моуданка и Хутунка у орочей произошли от названий притоков Тумнина – рек Акур, Мули, Моуду и Хуту [Ларькин. 1959, с. 195]. У эвенов Магаданской области от слова *нам* («море») образовалось название *н̄амънкън̄гъл* («приморские», «жители побережья моря»), от слова *д̄бнр̄ъ* («материк», «глубинная часть континента») появилось слово *д̄бнр̄ътк̄н̄гър* со значением «таежно-глубинные» или «жители глубин материка» [Попова. 1981, с. 6–7]. Аналогичный принцип приобретения этнических имён наблюдается у удэгейцев, нанайцев и других народов Дальнего Востока. Этнические названия *ольча*, *ульча*, *ульта*, *ульта* и др., на взгляд автора книги, тоже связаны с территорией обитания народов, предки которых жили в низовьях Амура и других местах южной части Дальнего Востока.

Если знать истинную этимологию этнонима, то по нему можно определить первичную территорию обитания этноса, откуда его представители пришли в низовья Амура, а затем переселились на Сахалин. Таким образом, этимология может указать верное направление для успешного решения проблемы этногенеза. Для этого, на наш взгляд, следует использовать любую информацию, которая могла бы натолкнуть на мысль, кому принадлежал тот или иной этноним (экзоним). В данном случае нас интересуют названия *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *ульта* и др., звучание и этимология которых волнует умы исследователей уже более 100 лет.

Исследуя ороков Сахалина, Б.А. Васильев в своей статье приводит интересный разговор о предках сахалинских ороков: «Мы слышали, нам тунгусы говорили, что на материке, ближе к Камчатке, где-то есть настоящие улта с оленями» [Васильев. 1929, с. 8]. В другой раз от ороков и тунгусов ему удалось узнать, что

настоящие ульта, т.е. с оленями, живут где-то на севере Охотского побережья [Васильев. 1929, с. 5]. Известно, что на севере Охотского побережья, ближе к Камчатке, уже 300–500 лет, по определению Крейновича, обитают ольские и арманские эвены-рыболовы, которые до сих пор занимаются оленеводством.

У.Г. Попова отмечает, что жители селений Армань и Ола в исторической литературе известны под названиями арманцев и ольчан, которые с поселением на новом месте утратили своё самоназвание [Попова. 1981, с. 11], но историческая память об их предках продолжает сохраняться в старых топонимах северо-восточной части Дальнего Востока.

И.А. Захарова под руководством Ю.А. Сема в 70-е гг. XX в., занимаясь выявлением эвенских топонимов, обнаружила гидроним *Ольчан* – приток р. Туманы, впадающей в Охотское море. Этот гидроним связывается с эвенским словом *ол'чэн*, имеющим значения «обрывистый берег», «глубокое место», «корытообразное русло» [Сем Ю., Захарова. 1977, с. 78]. Следует сказать, что идентичный гидроним имеется не только в Ольском районе Магаданской области, но и в Тенькинском районе, где речка Ольчан является левым притоком р. Анмангынджа. В этом же Тенькинском районе имеется река Ульчан (Ульчен), правый приток р. Кулу [Леонтьев. 1989, с. 382], находящейся на севере Хабаровского края и Магаданской области (правый приток р. Колымы). Исходя из данных гидронимов, местные жители, обитавшие в бассейнах этих речек, будут обозначаться *ольча* и *ульча* без какой-либо связи с понятиями *орон*, *алья* и *уля*. Также из приведённых гидронимов видно, что *Ольча(н)* и *Ульча(н)* представляют разные названия, поэтому и этнонимы *ольча* и *ульча* нельзя объединять. Аналогично можно рассматривать и этнонимы *уильта*, *ульта* и *уйльта*, которые без каких-либо обоснований с лёгкой руки Дз. Икэгами свели к одному слову *ульта*.

Какаясь этнических названий *уильта*, *ульта* и *уйльта*, Т.И. Петрова отмечала: «...этимология слова *ул'та* ~ *ул'та* (как и *ульча*) неясна. Сами ороки своего самоназвания никак не поясняют и употребляют слово *ул'та* ~ *ул'та* как неразложимый термин для обозначения своей народности. Если бы слово *ул'та* ~ *ул'та* разложили предположительно на морфемы (основную *ул'* ~ *ул'*

и суффиксальную *-та*), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти. Правда, фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс *-та* с весьма продуктивными суффиксами *-нка* в нанайском языке и *-нчā* в ульчском: *-нкā ~ -нча ~ -нта > -тта > -та*. Суффиксы *-нкā* и *-нча* в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имён существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул`та ~ ујл`та*, следует ожидать, что основа *ул` ~ уил` ~ ујл`* будет связана с названием какой-либо местности...» [Петрова. 1967, с. 6].

Т.И. Петрова обоснованно считала, что орокский суффикс *-та*, объединённый со словом, означающим какую-либо местность, в конечном итоге может означать родовое название. «Но всё это пока предположения. Вопрос о происхождении и семантике самоназвания ороков остаётся неразрешённым» [Петрова. 1967, с. 6], потому что для семантики орокских этнонимов, как следует из работы Петровой, в регионе обитания аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина нет подходящих топонимов. Этот вывод подтолкнул учёных к поиску таких топонимов.

Л.И. Сем в 60-х гг. XX в. отмечала, что в основе этимологии этнических названий ульта и ульчей «...лежит корень, связанный с понятием „вода“: *у улта, уилта, улта* (от *уил, ул + чан = „речные люди, поречане“). При этом свой вывод Л.И. Сем подкрепляет эвенкийским термином *уил, уул* («водоворот», «заводь»), эвенским словом *уули, улу* («бурлящая вода», «водоворот») и другими словами, связанными с общим понятием «вода» [Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. 2011, с. 9].

Идеи Т.И. Петровой и Л.И. Сем об этимологии этнонимов ороков из эвенкийского термина *уил* в 2002 г. были заимствованы и продолжены С.В. Соколовским. Рассматривая проблемы этногенеза и этнонимии ороков, он считает, что «этимология самоназваний *ульты, уильта* восходит... к *ул, *уил (название местности, реки) + суффикс *-та* (<*-чан), обозначающий жителя данной местности, т.е. поречанина» [Соколовский. 2002, с. 167]. И, наконец, в 2006 г. идея со словом *уил* конкретизируется наиболее известным ороковедом XXI в. Л.И. Миссоновой, которая со ссылкой

на многих предшественников выражает их и своё мнение об этимологии ороков такими словами: «В эвенкийском языке этимологию слова ульта можно связать с корнем уил („водоворот“), ула („река“), улами („промочить, намочить“)... Вероятно, оно было дано в противоположность оленеводам – эвенкам, орокам, как поречанам. Таким образом, в названии ороков мы видим двойственность. Северные соседи с материка их называют по признаку их жизни на берегу реки, а соседи на Сахалине – по наличию в хозяйстве оленей» [Миссонова. 2006, с. 59].

Большинство исследователей думают, что этноним *ульта* можно сравнивать с эвенкийским нарицательным термином *уил* («водоворот») с суффиксом принадлежности *-та*, имея конечное понятие «речные люди» или «поречане». Однако филологи склонны считать, что этимологизировать этнонимы одного народа при помощи корней, взятых из языка другого этноса, нельзя. Отсюда следует, что надо искать другой, более подходящий термин, желательно топоним, при помощи которого можно выявить истинное значение этнонима *ульта*, *уйльта* и *уильта*.

Наши поиски увенчались успехом. В труде Л.Я. Штернберга имеется топоним, оставшийся незамеченным советскими и постсоветскими исследователями. Это ойконим *Uil* (Уил) – название большой деревни на территории негидальцев, жители которой, как сообщалось, «...лет двадцать назад все вымерли» [Штернберг. 1933, с. 532, 548]. Данное географическое название без всяких натяжек объясняет происхождение орокского самоназвания в форме *уильта*. Если ойконим *уил* объединить с суффиксом принадлежности *-та*, то мы получим термин *уилта* (*уильта*), что в переводе будет означать «жители селения Уил».

Возможно, кто-нибудь станет возражать против этого объяснения, ссылаясь на то, что Уил находилось не на территории ороков, а в пределах негидальцев и т.д. Однако в данном случае дело обстояло несколько иначе. Автор считает, что в селении жили не только негидальцы, но и представители других народов. Косвенное подтверждение имеется в исследовании Л.Я. Штернберга, который признавал, «что многие роды на Амуре носят прозвище ульчан даже на территории негда». На территории негидальцев находилась и деревня Уил [Штернберг. 1933, с. 400]. Мы не знаем,

кто основал это селение, но то, что вместе с негидальцами проживали ольчи и ульчи, хорошо известно. Имеются также свидетельства, что отдельные негидальцы с верховьев Амгуни переселились на Сахалин и входили в состав ороков [Таксами. 1968, с. 34–35].

Исходя из того, что у народов Приамурья, Приморья и Сахалина этническое название всегда связывалось с каким-нибудь топонимом – названием реки, озера, горы, населённого пункта и других географических объектов, что В.К. Арсеньеву среди ольчей-мангунов удалось выявить этническое название *ульта* [Арсеньев. 2012, с. 562], что это название в XX в. было самоназванием одной из субэтнических групп ороков Сахалина, можно представить, как в низовьях Амура в первой четверти XX в. появилось этническое название *ульта*, затем перекочевавшее и на Сахалин. Очевидно, данный этногенетический процесс протекал следующим образом: какая-то группа жителей из селения Уил, имеющая оленей и известная у местных тунгусов под прозвищем ульчан, переселилась в низовья р. Амгуни или Амура. На новом месте эти жители называли себя *ульта*, а с переселением их на Сахалин этническое самоназвание группы было воспринято и другими соотечественниками, потому что все они когда-то проживали в верховьях р. Амгуни.

Воспоминания старейших жителей острова свидетельствуют, «что предки ороков когда-то жили на Амгуни и в верховьях р. Удыль. Там они имели оленей, с которыми передвигались на Амур» [Сем Ю.А. 1965, с. 82]. Об этом же говорили и шаманы, которые «при камланиях перелетают море, по берегу материка достигают Амура и выходят на Амгунь, в верховьях которой живут их предки с большим числом оленей» [Сем Ю.А. 1965, с. 86].

По мнению автора этой книги, этимология этнического названия *ульта* связывается с орокским термином *уи*, имеющим значение «верхний», «верхняя сторона» [Сравнительный словарь. 1977, с. 246; Озолия и др. 2003, с. 171], удэгейским термином *уилэ*, означающим «вверху», «наверх» [Гирфанова. 2012, с. 35], орокским словом *уилэ*, имеющим перевод «вверху (находиться)» [Аврорин и др. 1978, с. 240] и нанайским понятием *уилэ* – «наверху» [Сем Л.И. 1976, с. 193]. Мы считаем, что полный

перевод этнонима *уйльта* будет означать «жители верховьев реки» или «верховские». Аналогично можно сказать и об этнониме *уйльта*, в основе этимологии которого находится не название реки Уй, впадающей в Хунгари, а орокское слово *ујилду*, имеющее перевод «именно вверх» [Сравнительный словарь. 1977, с. 246; Озолиня и др. 2003, с. 171].

Если наши догадки верны, то замена этнонима *уйльта* на этническое название *уйльта* вполне возможна, потому что оба этнонима указывают на жителей верховьев р. Амгуни. Эта река у ороков Сахалина очень часто фигурирует в исторических рассказах о жизни их предков. Более того, этноним *уйльта* (*уйльта*) указывает на конкретную территорию, откуда предки ороков Сахалина пришли в низовья Амура, а затем – на Сахалин.

Выше показано, что за редким исключением родовые названия или этнонимы тех или иных этносов возникают из топонимов, оронимов, ойконимов или гидронимов. Общеизвестно, что в Приамурье и Приморье этнические названия связываются только с топонимами. Исходя из этого, можно предположить, что и этноним *уйльта* тоже связан с каким-нибудь названием той или иной территории, где ранее обитали предки ороков Сахалина.

В своём исследовании Л.И. Шренк, описывая расселение орочей по р. Хунгари, сообщает, что по течению р. Хонгар до впадения р. Ульджи кроме деревни Ультур имеется ещё пять селений орочей – Одоме, Уй-одоме, Пир, Джигдана и Ульдья [Шренк. 1883, с. 24–25]. Гидроним Ульджа (Ульза) представляет собой сложное слово, образованное из основы *ули* («река большая») [Сравнительный словарь. 1977, с. 260] + *зу(з)* («жилище», «дом») [Сравнительный словарь. 1975, с. 267] = Ульджа; ойконим Ульдья (Ульда) тоже сложное слово, состоящее из основы *ули* («река») + *дā*; *зā*; *зā̄*; *зā̄(з)*²² («родня», «кровный родственник») [Кормушин. 1998, с. 230; Аврорин и др. 1978, с. 181; Сравнительный словарь. 1975, с. 183, 239] = Ульдья (Ульда). Таким образом, этимология гидронима Ульджа может означать «река близких родственников»,

²² Термины *дā*, *зā*, *зā̄*, *зā̄(з)* в значении «родня», «кровные родственники» фигурируют в культурах Ольских и Охотских эвенов, Урмийских эвенков, удэгейцев, орочей и других аборигенов Нижнего Амура.

а этимология селений Джигдана и Ульда – «поселения близких родственников». Название деревни Ультур также представляет собой сложное слово, состоящее из основы *ули* («река большая», *орочи*) + *тур* («земля», «местность», Охотские эвены) [Сравнительный словарь. 1977, с. 217, 260]. Сочетание слов «река» + «местность» явно указывает на перевод этого ойконима – «речная местность» или «речная долина». Исходя из аналогии формирования терминов у арманских эвенов, где *зу* («дом») + *тур* («место», «местность») = *зутур* («домовитый») [Сравнительный словарь. 1975, с. 267], ойконим Ультур (*уль* («река») + *тур* («место») = речной) без всяких натяжек тоже будет означать понятие «речная местность» или «речной».

Исходя из того, что в языке кур-урмийских, сахалинских и чумиканских эвенков русское слово *эхо* звучит как *улта*, а у охотских и ольских эвенов – как *улдан* [Сравнительный словарь. 1977, с. 263], то в приведённом примере чётко виден процесс замены звука [д] на [т]. Это значит, что какая-то группа эвенов, оказавшись на р. Хунгари, вступила в брачные связи с орочами и, обосновавшись на безымянной реке, назвала её Ульджа, а селение на берегу этой реки – Ульда. После этого жители из селений Ульдья (Ульда) и Ультур, оказавшись на Сахалине и вступив в контакт с эвенками, огласили, что они ранее жили на р. Ульджа в селении Ульда. Для слуха эвенка слово *Ульда* было воспринято как *Ульта*. Отсюда, на наш взгляд, и появилось название *Ульта*, которое впоследствии стало этнонимом в одной из этнических групп сахалинских ороков.

Приведённые написания ороческих ойконимов и гидронимов Ультур, Ульдья и Ульджа вполне могли явиться основой для этнонима *улта*. Аналогичный пример можно привести из этнической истории негидальцев, местом обитания которых в прошлом было оз. Нейдаль (Орель) и впадающая в него р. Негди. В 30 верстах от её устья имелось негидальское селение Негди, которое размещалось недалеко от р. Амур [Невельской. 1969, с. 144–145, 154; Шренк. 1883, с. 16]. «Я готов даже думать, – писал Шренк, – что „Негда“ и есть имя, которым этот народ сам называет себя» [Шренк. 1883, с. 158]. Вслед за Шренком автор книги предполагает, что гидроним Ульджа и

ойконимы Ульдя (Ульда) и Ультур могли явиться основой для этнического имени ороков Сахалина, известного с 1928 г. в написании *ульта*.

Исходя из анализа этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина, автор исследования пришёл к выводу: этнические названия *ольчи, ульчи, ульта (уйльта)* и *ульта* – это не только имена ороков Сахалина, как думалось в XIX–XX вв., но и комплексное отражение многовековой истории эвенов, негидальцев, орочей, части современных ульчей, нанайцев, удэгейцев и других народов южной части Дальнего Востока России, вошедших в разные исторические периоды в состав их субэтнических групп.

– *Мангуны* – это общее название древнего населения низовьев Амура. С включением в их состав оленных тунгусов Охотского побережья у мангунов сформировалось самоназвание в форме слова *ольчи*. Оленные ольчи с переселением на Сахалин стали именоваться *ороками*, а безоленная часть ольчей, оставшись в низовьях Амура, у русских переселенцев была известна как *мангуны*.

– *Ольчи* – это территориальное название одной из субэтнических групп ороков Сахалина, позднее названных *орочёнами (орочонами)*.

– *Орочёны (орочоны)* – один из древних этнонимов тунгусов Забайкалья, верховьев Амура, Удского края, северной части Охотского побережья, Чукотки, Камчатки, Приамурья, орочей Императорской Гавани и Сахалина. У *орочёнов (орочонов)* этих регионов свои этнокультурные и этнические особенности. Однако проведённый всесторонний анализ показал, что к появлению *ороков* или *орочонов* на Сахалине причастны только тунгусы Охотского побережья, имевшие самоназвание *орочёнов (орочонов)* и повлиявшие на формирование территориальных названий *ольчи, ульчи, ульта, ульта (уйльта)*. У каждого из этих этнонимов своя история и своя роль в развитии культуры ороков Сахалина.

– *Ульчи* – этноним одной из субэтнических групп ороков Сахалина конца XIX в., а также и экзоним, которым в конце 1920-х гг. ошибочно обозначали жителей низовьев Амура, называвших себя *мангунами*.

- *Уильта* – жители верховьев реки или верховские. Этноним сформировался на территории негидальцев, где помимо них в селении Уил обитали и оленные ульчи, т.е. ороки.

- *Ульта* – жители речной долины. Этноним сформировался на территории хунгарийских орочей и был перенесен на Сахалин в начале XX в., где его и зафиксировал Б.А. Васильев.

11. Вместо заключения, или общий взгляд на проблему этногенеза и этнической основы ороков Сахалина

Многие российские исследователи этногенез ороков Сахалина связывают с тунгусами, переселившимися на остров из Удского края, Станового хребта или с Охотского побережья. В принципе, каждый из них по-своему прав, потому что при движении к низовьям Амура и со Станового хребта, и с Охотского побережья практически невозможно миновать бассейн р. Уды. Однако всё не так просто, как излагается в досоветских, советских и постсоветских научных трудах. Представьте себе, что ороки – это действительно удские или охотские тунгусы, переселившиеся в XVII в. на Сахалин. В таком случае невольно возникает вопрос, как могло произойти, что их язык в одночасье изменил свою полярность?

Данный вопрос очень сложный, потому что прямого ответа на него в этнографической литературе не существует. Более того, указанная проблема ни филологами, ни этнографами даже не рассматривалась, имеются только косвенные данные, которые при определённом историческом сопоставлении могут натолкнуть на мысль, как проис-

ходило объединение пришлых тунгусов с населением низовьев Амура и как осуществлялось заселение Сахалина.

Известно, что все тунгусо-маньчжурские этносы Сибири, Приамурья и Приморья разделяются на две языковые группы: эвенки, эвены, негидальцы и солоны относятся к северной группе тунгусо-маньчжурских этносов, а ороки, ульчи, удэгейцы, нанайцы и орочи – к южной. Чтобы северные тунгусы поменяли свой язык на южный диалект, им надо было прожить в одних и тех же селениях вместе с жителями низовьев Амура несколько поколений. А потомки этих тунгусов должны были в течение двух-трёх поколений не только жить вместе с населением, относящимся к южной языковой группе тунгусо-маньчжурских народов, но и одновременно содержать оленей, в противном случае их бы оленеводами не считали. Однако, если принять во внимание, что соблюсти эти требования было практически невозможно, потому что в местах обитания оседлого населения низовьев Амура отсутствовали условия для содержания оленей, то, по всей вероятности, имелся и другой путь объединения охото-удских тунгусов с будущими ороками.

Очевидно, что предки ороков ещё до встречи с охото-удскими тунгусами обладали южным говором и находились среди мангунгов низовьев Амура в составе какой-то этнографической группы, занимавшейся охотой и рыболовством. При этом данная группа была малочисленной и нуждалась в этническом пополнении. Пришлые тунгусы – орочёны-эвены – путём неоднократных процессов адаптации регулярно пополняли этнический состав группы и способствовали естественному приросту населения.

Очевидно, будущие ороки – орочёны-оленеводы – вместе с новыми амурскими родственниками в зимний период неоднократно отправлялись на Сахалин охотиться на соболя и дикого оленя и возвращались обратно на материк. В процессе таких челночных хождений орочёны и предки будущих ороков познавали остров, его климат, флору и фауну, выясняли возможность содержания оленей, определяли эффективность охотничьего и зверобойного промыслов на таёжных и морских животных. Во время этих путешествий орочёны на севере Сахалина встречали только небольшие группы гиляков, а на юге – айнов, которые жили по

своим родовым обычаям. Постепенно различия в материальной и духовной культуре орочёнов Охотского побережья и жителей низовий Амура почти стёрлись, эти народы стали близкими по хозяйственной деятельности и культуре. Они, так же как и сахалинские жители, были анимистами, а в основе своей общественной жизни руководствовались законами обычного права. Таким образом, пришлые орочёны своим вхождением в состав населения Нижнего Амура обогатили будущих ороков новым видом хозяйственной деятельности – оленеводством – и отдельными элементами материальной культуры, а сами переняли язык южной группы и освоили особенности местного рыболовства и охото-промысловой деятельности.

Процесс объединения тунгусов-орочёнов с будущими ороками отразился в языке. По мнению В.Д. Косарева, язык ороков занимает промежуточное положение между северной и южной группами. «Язык уйльта скорее переходный, тем более что в нём выделены два диалекта или говора – северный и южный, причём в южном есть особенности, сближающие его с языками нанайцев, ульчей, менее – орочей и удэгейцев, а в северном – с эвенкийским и негидальским» [Косарев. 2009, с. 22].

Мнение Косарева отражается в статьях А.В. Смоляк, Ч.М. Таксами и в материалах других исследователей. По мысли Ч.М. Таксами, в состав современных ороков вошли негидальцы, мангуны и эвенки [Таксами. 1968, с. 35]. Таким образом, анализ языка ороков Сахалина показал, что в их этнический состав входили разные группы соседних народов – ульчей, орочей, негидальцев и других этносов Приамурья. С конца XIX – начала XX в. на язык и культуру ороков значительное влияние оказывали эвенки, переселившиеся на Сахалин во второй половине XIX в.

Частью ороков Сахалина стали орочёны-олeneводы северной части Охотского побережья, которые со своими оленями появились в низовьях Амура намного раньше XVII столетия. Они осваивали обширные территории Якутии и Колымы, а их отдельные группы, достигавшие Чукотки, – северную часть Камчатки. В процессе этого освоения орочёны вступали с местным населением в различные этнокультурные контакты, которые не всегда соответствовали толерантным отношениям: в ряде случаев орочёны

силой покоряли племена и захватывали их территории. Однако военным путём орочёнам Охотского побережья удалось закрепиться только в районах бассейнов рек Армань и Ола, где до их появления обитали коряки северной части Охотского побережья.

При освоении Якутской области «от толчка, данного им якутами, они двинулись на юг к Становому хребту и там долгое время оставались неподвижными» [Арсеньев. 2012, с. 559]. Здесь, в отрогах Станового хребта, как нам представляется их история, орочёны разделились на четыре группы и после Нерчинского трактата, когда русские были вынуждены оставить правое побережье Амура, от Станового хребта мигрировали в разные стороны: одни ушли на запад в Даурию; другие откочевали на восток до Албазина; третьи спустились на юг и обосновались в отрогах хребта Хингана, где сделались конными охотниками [Арсеньев. 2012, с. 559]. Четвёртая группа, пройдя Удский край и выйдя на Охотское побережье, достигла верховьев Амгуни и, смешиваясь с местным населением, спустилась в низовья Амура, где обосновалась среди амурских мангунов. Несколько позднее орочёны утвердились в районах залива Де-Кастри, где оставили свой этногенетический след у орочей.

С разделением тунгусов на эвенов и эвенков в историко-этнографической литературе утвердилось мнение, что тунгусы-эвенки осваивали южную часть Охотского моря, включая Нижний Амур, Сахалин и часть Приморья, а тунгусы-эвены свой миграционный поток от Охотского региона направили на северо-восток, в сторону Колымы, Камчатки и Чукотки. Однако такое территориальное разделение не соответствует действительности, поскольку в более ранние века тунгусы-эвены тоже находились в районах Нижнего Амура, достигали Сахалина и оказывали влияние на этногенез ороков.

При изучении этногенеза ороков Сахалина неожиданно возник вопрос, какой из двух народов оказал особое влияние на их историю и культуру? В этнографической литературе преимущественно содержатся материалы о значительном влиянии эвенков на этническую историю и культуру ороков. Прямое указание на их тесное родство имеется в работах А.В. Смоляк, Т.П. Роон, Д.А. Функа, Л.И. Миссоновой [Миссонова. 2011, с. 128] и других

исследователей. Например, А.В. Смоляк, рассматривая происхождение ороков Сахалина, считает (со ссылкой на Г.И. Невельского), что этнической основой этого населения послужили охото-удские эвенки [Смоляк. 1954, с. 38]. Однако согласиться с данным утверждением нельзя хотя бы по той причине, что Невельской ещё не знал о наличии в составе тунгусов нескольких этносов, да и этноним *эвенки* появился в этнографической литературе только в 1931 г. [Василевич. 1969, с. 3].

А.М. Певнов также считает, что эвенки не только оказали сильное влияние на язык и культуру ороков, но и сами стали частью их этноса. Факт, что они вошли в состав ороков Сахалина, является бесспорным, но это было в конце XIX–XX в. По мнению А.М. Певнова, тесные контакты орокского и эвенкийского языков произошли не с эвенками, переселившимися из Якутии на Сахалин в XIX в., а с группой эвенков-киленов. Процесс образования ороков А.М. Певнову представляется примерно так: «Несколько веков тому назад эвенкийские группы киленов (кииллээ пороками) стали внедряться в нанайско-ульчскую зону, в результате чего на юге сформировалась группа кили со своим смешанным языком (кур-урмийский диалект нанайского языка), а на севере образовалась группа, которая впоследствии переселилась на Сахалин. Так, вероятно, возник орокский этнос с удивительным ульчско-эвенкийским смешанным языком, с байкальским антропологическим типом и с причудливым сочетанием рыболовства с оленеводством в культуре» [Певнов. 2001, с. 218].

Однако утверждение, что в контактные связи несколько веков тому назад были вовлечены эвенки-килены, на взгляд автора книги, крайне ошибочно. Нельзя однозначно говорить, что килены – это эвенки. А.А. Бурыкин обоснованно считает, что представители Киларского рода, известные под названием Килэ, входили в состав и эвенков, и эвенов [Бурыкин. 2000]. Из материалов И.С. Гурвича (со ссылкой на Б.О. Долгих) видно, что Киларский род эвенов в составе 83 плательщиков ясака в 1678 г. кочевал в бассейнах рек Охота, Улья и Юдома [Гурвич. 1966, с. 25]. Аналогичные материалы об эвенах Киларского рода содержатся в работе В.А. Туголукова, который отмечает, что после эпидемии оспы в 1660–1661 гг. численность оленных киларов резко сокра-

тилась. Оставшиеся в живых представители этого рода из бассейна Охоты мигрировали на юг к Нижнему Амуру [Туголуков. 1997, с. 37].

Очень ценный материал о киленах сравнительно-исторического характера содержится в исследовании Г.М. Василевич, в котором указывается, где и когда находился этот эвенский род. В XVII в. килены кочевали в бассейнах рек Охоты, Ульи, Тауну, Аиму, Май, Уду, Тугуру, а в XVIII в. отмечались Крашенинниковым на реках Арке и Охоте. По данным Миддендорфа, килены в XIX в. были на Амгуни и Урми, а в 1897 г. фиксировались в Охотском округе. И только в 1917 г. группа Килен с самоназванием *эвэнки* в количестве 20 чел. фиксировалась на юге Сахалина [Василевич. 1969, с. 270].

Если материалы А.М. Певнова, свидетельствующие о появлении киленов в районах рек Кура и Урми, сравнить с данными Б.О. Долгих, И.С. Гурвича, В.А. Туголукова и Г.М. Василевич, то нетрудно заметить, что несколько веков тому назад эвенков в низовьях Амура не было. Поэтому в работе А.М. Певнова должны фигурировать не эвенки из рода Килен, а эвены. Тем более, как показывает исследование В.А. Туголукова, «...миграция киларов на юг началась, по-видимому, ещё до прихода русских. Во всяком случае, уже в 1641 г. витимские тунгусы говорили казакам, что на устье Шилки (Амуре) „живут Килорцы, а торгуют де они с Китайскими людьми, а язык... у Килорцев свой“» [Туголуков. 1997, с. 37].

Казалось бы, какая разница, какие тунгусы явились этнической основой ороков Сахалина – эвенки или эвены? Оказывается, что в вопросе происхождения народа, в частности ороков, эта разница очень существенная, потому что этническая основа указывает исследователю, где и в каком направлении нужно искать ответы на поставленные вопросы. Если это были эвенки или эвены, мы должны искать ответы в тех регионах, где обитали данные этносы.

По мнению И.С. Гурвича, в XVII в. на Охотском побережье существовал центр сосредоточения тунгусского населения, который охватывал не только всё Охотское побережье, но и низовья Амура и Приморья [Гурвич. 1966, с. 30]. Основная территория

концентрации тунгусского населения располагалась между бассейнами рек Ульбея и Улья, впадающими в Охотское море. Именно отсюда наиболее активно осуществлялись миграционные процессы эвенов на юго-восток до Аяна, а в ряде случаев и далее на юг до низовьев Амура [Старцев. 2013, с. 176].

Е.А. Крейнович полагает, что было две волны тунгусов, вышедших на Охотское побережье в разное время. Первыми на северную часть Охотского побережья вышли колымские тунгусы, или эвены, которые обосновались там в процессе завоевательных войн за право обладания богатыми охотопромысловыми ресурсами территорий Армань и Ола, ранее занимаемых коряками. Эвены силой захватили эти территории максимум 500 лет тому назад [Крейнович. 1979, с. 189–190]. Исследователь считает, что эвены, обосновавшиеся на северном побережье Охотского моря в бассейнах рек Армань и Ола, были из наиболее ранних переселенцев, вышедших на Охотское побережье. Оказавшись в местах, изобиловавших рыбой, птицей и морскими зверями, предки арманьских и ольских завоевателей освободились от своих оленей и стали оседлыми [Крейнович. 1979, с. 193, 197]. Поэтому, когда на Охотское побережье через какое-то длительное время вышла вторая волна эвенов, она встретила там жителей, которых назвала словом *мыны* (*мэнэ*), что в переводе на русский язык означает «оседлые» или «свои сородичи, но без оленей», а себя в отличие от них называли *орочэл*, т.е. «оленными» [Крейнович. 1979, с. 197].

Значительно позже иммиграционных волн эвенов на побережье Охотского моря и в бассейне р. Уды появилась волна эвенков, состоящая из разных родов [Крейнович. 1979, с. 197]. «Видимо, они дошли до побережья позже эвенов, которые уже там осели, так как они называли ламутов – „мони“ (искажённое *мыны*), или „сидячие люди, у моря живущие“» [Крейнович. 1979, с. 197].

Впоследствии стало известно, что оседлые *мыны* сами себя называли *эвенами*. Таким образом, в пределах северо-восточной части Охотского побережья обитали кочующие тунгусы, которые по своим самоназваниям чётко разделялись на *оръч*, мн.ч. *оръчъл* («оленные», «имеющие оленей», от слова *орън* – «олень») и *эвън*, мн.ч. *эвъсъл* («местный», «здешний») [Попова. 1981, с. 5–6].

В прошлом современные эвены Охотского побережья были известны и под названием *ламуты*. Я.И. Линденау считал данный термин их самоназванием. «Это имя возникло в то время, когда у оленных тунгусов вымерли все олени, и они осели у моря, которое на их языке называется Лам» [Линденау. 1983, с. 53].

Я.И. Линденау отмечал, что в 1742 г. на побережье Охотского моря проживали ламуты из следующих родов: Adgan, Salgan, Iwjan Ujagir. Они имели свои стойбища на реках Охота, Арка, Урак, Улья и Иня. По словам их князьков, «...до прихода русских эта народность была очень многочисленна, так что от р. Ульбай до р. Улья не хватало места, чтобы ставить юрты, и многие вынуждены были селиться у других маленьких речек» [Линденау. 1983, с. 53].

С ламутами в этих же местах, судя по характерным родовым названиям, оканчивающимся на *-gir*, проживали и тунгусы-эвенки. Можно предположить, что данные тунгусы находились в родственных отношениях с ламутами, поэтому, лишившись оленей, стали вместе заниматься рыболовством и охотой на тюленей на севере Охотского моря. А.А. Бурькин отмечает, что Уягирский род в XVII в. и эвенский род Уяганкан обитали на одних территориях в бассейнах рек Охота, Иня и Тауй.

Кроме отмеченных мест эвены Уяганского рода в XVII–XIX вв. кочевали и в бассейнах рек Урак, Кухтуй, Ульбея и Мотыклей. В наши дни современный эвенский род Уяганкан распространён по всей территории расселения восточных эвенов от Якутии до Камчатки [Бурькин. 2000].

Из сообщения одного из первопроходцев – Нехорошко Колобова – известно, что в XVII в. в бассейне р. Улья обитало четыре рода тунгусов – бояшэнцы, горбыканы, долганы и килары [Тураев. 1990, с. 160]. Из всех родовых подразделений охотских тунгусов мы выделяем бояшинский род, по нашему мнению, сыгравший немаловажную роль в происхождении ороков Сахалина. Племенная группа бояшинцев состояла из пеших и оленных родов общей численностью 160 чел., 20 из которых – оленные тунгусы [Долгих. 1960, с. 530, 546].

Бояшинцы, или бояшинский род эвенов, обитавший в XVII в. в верховьях Охоты и в бассейне р. Улья, получили название по име-

ни своего руководителя Комки Бояшинца, в 1655 г. возглавившего бунт охотских тунгусов против русских казаков. «В том же 1655 г. в ноябре был совершён большой поход против немирных эвенов бояшинского рода. Он был разгромлен» [Гурвич. 1966, с. 27], после чего все эвены Охотского побережья стали платить ясак в пользу русского государства. «Во второй половине XVII в., скорее всего после 1678 г., большинство бояшинцев мигрировали на Уду и Тугур, а затем и ещё дальше – на Амгунь и в низовья Амура» [Туголуков. 1997, с. 42].

Из материалов Л.Я. Штернберга известно, что бояшинцы на Амуре фигурировали под этнонимом *бая* (Ваја). Род Бая, как отмечает Г.М. Василевич, «...в селе Койме был прежде многочисленным» [Василевич. 1969, с. 264]. Представители этого рода в районах Татарского пролива вступили в брачные отношения с орочами и образовали род Улянка²³. Оттуда этот род переселился в низовья Амура и обосновался в селении Койма на территории мангунов. «Старики уверяли меня, – подчёркивал Штернберг, когда писал об орочах, – что в старину держали оленей (самое прозвище Ul`anka доказывает это) и что оленеводство бросили только благодаря неудобству соединения его с рыбной ловлей. Из этой именно деревни во времена давние переселилась часть жителей на Сахалин, и представителей этих переселенцев я встретил в заливе Набиль, в селении, названном именем метрополии, тоже Дата (что значит устье), где они и по сию пору продолжают держать оленей» [Штернберг. 1933, с. 405].

Судя по всему, переехавшие на Сахалин тумнинские орочи из рода Улянка вначале поселились в селении (Дауту) Дата [Штернберг. 1933, с. 405], расположенном на полуострове Набильского залива, а впоследствии разъехались и в 1913 г. обитали в четырёх стойбищах – Дауту, Охудань, Ягодин и Вази. Их численность не превышала 60 чел. Во время рунного хода лососёвых, помня о своём родстве, на летнюю рыбалку в Дауту съезжались все жители отмеченных селений [Меркушев. 1913, с. 53–54].

Считается, что название ороцкого рода Улянка связывается

²³ Ul`anka (Улянка) – один из родов орочей Татарского пролива. По мнению Штернберга, название рода связывается с орокским наименованием оленя – уля – и, таким образом, означает «олeneводы».

с понятием «оленеводы». Однако, на наш взгляд, в данном случае Л.Я. Штернберг ошибается, потому что в ороческом языке олень обозначается словом *орон*, а слово *ула* (*уля*) характерно только для ороков, им называют домашнего оленя. Если название рода разложить на морфемы, то мы получим основу этнонима – *уля* + суффикс *-нка*. При помощи этого суффикса (*-нка* и *-нча*) у орочей и удэгейцев, а также «...в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имён существительных имена, обозначающие название жителя данной местности» [Петрова. 1967, с. 6]. Таким образом, из вышесказанного следует, если считать, что этимология рода Улянка относится к понятию «оленеводы», то название этого рода не ороческое, а орокское. С одной стороны, этим родовым экзонимом ороки называли группу орочей, обитавших в местах, где содержались или имелись олени, а с другой, если орочи воспринимали это название как своё личное, то можно с уверенностью говорить, что они, находясь в близком родстве с ороками Сахалина, входили в их состав, что и подтверждается сообщением Штернберга о переселении орочей на Сахалин [Штернберг. 1933, с. 405].

Следует сказать, что бояшинский род, кроме орочей, прежде всего генетически связан с ороками Сахалина и современными ульчами низовьев Амура [Василевич. 1969, с. 263]. У ороков этот род обозначился в родовом названии Баяуса, а у современных ульчей – Баяусали [Смоляк. 1954, с. 37].

По мнению А.В. Смоляк, некоторые представители бояшинцев, часто ездившие на Сахалин торговать с гиляками и ороками, остались на Сахалине, породнились с ороками и создали у них новый род Баяуса [Смоляк. 1954, с. 37]. Она считает, что сахалинские баяусали имеют эвенкийское происхождение [Смоляк. 1975а, с. 104]. Однако В.А. Туголуков это мнение не разделяет и утверждает, что бояшинский род относится к эвенкам [Туголуков. 1997, с. 42].

На наш взгляд, формирование рода Баяуса у ороков происходило несколько иначе, чем предполагает А.В. Смоляк. В низовьях Амура бояшинцы, действительно, слились с мангунами-ольчами и назвали новый род Баяусал. Но после этого, как нам представляется, данный род разделился. Одна часть осталась на Амуре, а

другая переселилась на Сахалин, не меняя даже своего родового имени. И вот тогда-то некоторые представители амурского рода Баяусал, ездившие на Сахалин торговать, встречались со своими родичами-ороками и на правах близких родственников оставались там на длительное время [Старцев. 2013, с. 177].

Бояшинский род охотских тунгусов, под которым В.А. Туголуков подразумевает эвенов Охотского побережья, во второй половине XVII в., находясь в тесном взаимодействии с муеллагирями, вместе с ними покинул бассейн р. Охоты и переселился на р. Уду [Туголуков. 1997, с. 46]. В начале XVIII в. одна из групп муеллагирского рода оказалась на Сахалине, где и вошла в состав ороков [Василевич. 1969, с. 274] и, по мнению В.А. Туголукова, послужила этнической основой рода Муйгатта, или Муйотта [Туголуков. 1997, с. 46].

Эвены рода Горбикан во второй половине XVII в. чётко разделялись на пеших и оленных. Оленеводы кочевали в горных районах верховьев р. Охоты, а местожительством пеших горбиканов было устье р. Улья, район которой русские землепроходцы иногда называли «Горбиканской землей». «Этнониму Горбикан на Охотском побережье соответствует ряд гидронимов, в том числе Горби, один из правых притоков Охоты, и Горбикан, левый приток Ульи примерно в 50 км от её устья» [Туголуков. 1997, с. 34]. Представители Горбиканского рода имели тесные этнокультурные и даже родственные связи с пешими эвенами Киларского рода, также обитавшего на р. Улья.

В XVII в. представители эвенов Киларского рода, позднее известных под этнонимом *удские эвенки* [Линденау. 1983, с. 79], обитали по рекам Охоте, Улье, Тауну, Аиму, Мае, Уду и Тугуру. В процессе этнокультурных контактов и брачных связей с народами Нижнего Амура у нанайцев появился род Кили (Киле), у ульчей – род Киллер, а у орочей – Килендига [Василевич. 1969, с. 270]. В.А. Туголуков не без оснований считает, что род Килендига принадлежал удэгейцам, в настоящее время его название, ставшее фамилией, пишется как Кялундзига [Туголуков. 1997, с. 37].

Гулюгирский род в XVII в. обитал в бассейне р. Улья. «В 1678 г. гулюгиры насчитывали 8 оленных и 12 пеших плательщиков

ясака. В том же году оленные „гулюгиры“ упоминались среди эвенов, которых киларский Зелемей Ковурин пытался привлечь на свою сторону против казаков. В начале следующего года тот же Зелемей и годниканский князец Некруп, собрав вокруг себя до тысячи оленных и пеших эвенов, осадили Охотский острог. Среди осаждавших были и гулюгиры» [Туголуков. 1997, с. 43]. После большинство гулюгиров мигрировало с Охотского побережья в низовья правого берега Амура. Вполне возможно, что именно гулюгиры во второй половине XIX в. при встрече с соратниками Г.И. Невельского называли себя *гулями*, которых русские моряки относили к негидальцам [Невельской. 1969, с. 147].

Вероятно, не все эвены Охотского побережья первой и второй волны устремились в районы бассейнов рек Армань и Ола. В.А. Туголуков считает, что «часть эвенов-оленевонов во второй половине XVII в. мигрировала на юг, где приняла участие в сложении современных тунгусо-маньчжурских народов Приамурья, Приморья и Сахалина – нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей, удэгейцев и ороков. На это, в частности, указывают сами названия некоторых из перечисленных народов – они образованы от самоназвания *ороу* – восточных эвенов-оленевонов» [Туголуков. 1997, с. 57].

Известно, что зарождение негидальцев и образование ороков происходило в XVII в. Негидальцы при тесных этнических контактах с эвенками и другими этносами ассимилировались и, обособившись в бассейне Амгуни, стали известны под этнонимом *негда* или *негидальцы*. Предки ороков, находясь в низовьях Амура в составе мангунов, стали известны как *орочёны* или *ольчи* – люди, занимавшиеся оленеводством. С переселением ольчей на Сахалин они сначала были известны как *ороки*, а несколько позднее стали фигурировать под названиями *ульча*, *ульта*, *ульча* и *уйльта*.

Сами факты, что два эвенских рода имеют прямое отношение к этногенезу ороков, что негидальцы и ороки в антропологическом плане оказались очень близкими не только между собой, но и с Охотскими эвенами [Левин. 1949а, с. 27–28; Левин. 1958, с. 96–97], свидетельствуют о том, что эвены явились частью этнической основы ороков Сахалина. Если учесть, что по-

явление эвенов на Охотском побережье фиксируется концом XV в., а время переселения ороков на Сахалин датируется XVII в., то напрашивается вывод, что именно эвены, мигрировавшие вдоль Охотского побережья на юг (на Амгунь и в низовья Амура), на протяжении почти 200 лет путём брачных связей с местным населением закладывали основы будущих негидальцев и ороков [Старцев. 2012в, с. 79]. Однако негидальцев в XVII в. перекрыла мощная волна удских эвенков, что и отразилось на их дальнейшей культуре и северном диалекте тунгусо-маньчжурского языка. А предки ороков в процессе этногенетических и этнокультурных контактов в низовьях Амура с орочёнами-эвенами наделили их языком южной группы тунгусо-маньчжурских этносов, приобщили к своей духовной культуре и хозяйственной деятельности, а сами, освоив оленеводство орочёнского типа, переняли ряд аспектов другой материальной и бытовой культуры. Таким образом, слившись в единое целое, орочёны-эвены и часть жителей Нижнего Амура в XVII в. мигрировали на Сахалин, подальше от русских и маньчжуров [Старцев. 2013, с. 179]. Именно с этого момента, можно сказать, «родились» ороки Сахалина, которые с приобретением территории стали полноправным этносом, имевшим свой язык, свою особую культуру и своё мировоззрение, выраженное в общем самоназвании – *орочёны*.

Новый народ, образовавшийся на Сахалине, в этническом отношении не был однородным. Его состав относительно регулярно пополнялся представителями эвенов, эвенков, негидальцев, орочей, современных ульчей (мангунов), удэгейцев и нанайцев. Недаром в своё время Ч.М. Таксами орокский этнос называл конгломератом тунгусских племён [Таксами. 1968, с. 35]. Вхождение в состав ороков людей из соседних народов сопровождалось привнесением новых этнических названий с одновременным игнорированием первого самоназвания – *орочёны*. Таким образом, орокский этнос стал разбиваться на родственные группы, каждая из которых имела своё название, выраженное в форме *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *уильта* (*уйльта*)²⁴ и занимала определённую террито-

²⁴ Автор исследования считает, что этнические названия уильта и уйльта представляют собой одно понятие – «жители верховьев реки» или «верховские».

рию. К сожалению, мы не располагаем материалами, как себя эти этнографические группы называли и где они размещались.

В этнографической литературе рассматривается проблема объединения этнонимов *ольчи* и *ульчи*. Эти два названия по законам фонетики тунгусо-маньчжурских языков относят к разным фонетическим звучаниям одного слова *ульчи*. Закон есть закон! Но у каждого закона имеются и подзаконодательные акты, которые не допускают двойного подхода к одной ситуации. В данном случае такой филологический подзаконодательный акт был бы к месту, потому что, на наш взгляд, этнонимы *ольча* (*ольчи*) и *ульча* (*ульчи*), хотя и используются для обозначения ороков Сахалина, но относятся и к территориальным названиям, образованным из оронимов северной части Охотского побережья, где обитают орочёны-эвены, внёвшие свою лепту в этногенез ороков Сахалина.

Если учесть, что орочёны-эвены, слившись с какой-то частью амурского населения, несколько веков назад переселились на Сахалин, то этнонимы *ольча* и *ульча* могут связываться с гидронимами Ольчан и Ульчан – реками, протекающими на севере Охотского побережья Магаданской области.

Рассматривая этническую структуру северного Сахалина, Ч.М. Таксами отмечал, что в среде северных ороков имеются группы негда и эвенков. Помимо них, исследователь подчёркивал это особо, «даже сами ороки из своей среды выделяют группу ульта...» [Таксами. 1968, с. 35]. Исходя из вышесказанного, следует, что в составе ороков были этническая группа негидальцев, группа эвенков и какая-то группа, люди которой себя называли этнонимом *ульта*. По мнению автора, это одна из субэтнических групп ороков Сахалина, состоявшая из Хунгарийских или Тумнинских орочей из рода Улянка, которые, породнившись с родом Бая, из селения Койма переселились на Сахалин и обосновались в селении Дата. По мнению Л.Я. Штернберга, переселение такой группы на Сахалин имело место в истории ороков [Штернберг. 1933, с. 405].

По всей вероятности, вторая субэтническая группа ороков могла носить название *ульта*. В.К. Арсеньев указывал, что люди *ульта* принадлежали к «какой-то народности, к которой причисляются и орочи, и ороки...» [Арсеньев. 2012, с. 562], из чего

следует, что этноним *уйльта* принадлежал не орокам. Но если учесть, что он считается орокским, то можно с уверенностью сказать: люди *уйльта* относились к другой субэтнической группе ороков Сахалина. Предположительно, этнической основой данной группы могли являться верховские жители Амгуни, которые до переселения на Сахалин обитали в селении Уил, расположенном на территории негидальцев.

Из сообщений Таксами и Арсеньева видно, что этнические названия *ульта* и *уйльта* (*уйльта*), относящиеся к этнонимам ороков Сахалина, сами ороки своими названиями не считают²⁵. Этот факт свидетельствует о том, что этнический состав ороков Сахалина не был однородным, в него входили какие-то этнические группы, которые могли принадлежать адаптированным орочам, негидальцам или другим народам Приамурья, признающим приоритет ороков-орочёнов и параллельно имеющим второе этническое название. В противном случае, для чего самим орокам выделять из своей среды группу соотечественников под названием *ульта*?

Многочисленные этнические названия у ороков, зафиксированные в разные периоды их истории, вводили в заблуждение не только ороков, но и тех, кто изучал их культуру. «Так как же называть народ, живущий на острове Сахалин и традиционно занимающийся охотой и оленеводством?» – спрашивает один из ведущих исследователей этого этноса [Миссонова. 1996, с. 51, 54].

Казалось бы, что ответ очень простой: называй ороков так, как они называют сами себя. Однако из-за неверно сделанных выводов о роли русских в распространении этнических имён аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока исследователи второй половины XIX – начала XX в. не сумели конкретно зафиксировать первоначальное самоназвание ороков Сахалина. Не смогли его «разглядеть» многие советские и постсоветские этнографы, хотя с этим самоназванием практически сталкивались все, кто занимался изучением как территории Сахалина, так и его населения. Не выявив настоящего этнонима, они не без влияния национальной интеллигенции заострили своё внимание вначале

²⁵ В 2002 г. в переписи населения из 346 ороков в группе *ульта* отметились 42 чел., а к группе *уйльта* себя отнесли 72 чел.

на этнониме *ульта*, а затем под влиянием японского филолога Дз. Икэгами приступили к распространению этнонима *уйльта*. Существующие этнические названия *ороки*, *орочёны*, *орочены*, *орочоны* и другие их варианты стали считаться русскими названиями, навязанными орокам чиновниками и органами советской власти, поэтому их при первой возможности предали забвению.

Из этнографической литературы известно, что проблема с самоназваниями ороков Сахалина началась с 1990 г., можно сказать, со дня образования Ассоциации коренных малочисленных народов Севера. Именно 30 марта 1990 г., в день провозглашения ассоциации с высокой трибуны Первого съезда КМНС было заявлено, что аборигены Севера и Дальнего Востока своими трудом, умом и силами будут возрождать и развивать национальные культуры. Представители аборигенной интеллигенции народов Севера были настолько уверены в себе, что решили отказаться от помощи русских специалистов. Вначале на съезде всем русским этнографам отказали в обсуждении проблем КМНС, а перед выступлением Ч.М. Таксами с докладом, посвящённым проблемам социально-экономического и культурного развития народов Севера, из зала заседания официально были удалены все московские, ленинградские, новосибирские и дальневосточные этнографы славянской внешности. Среди них были И.С. Гурвич, Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Е.П. Лебедева, М.Я. Жорницкая, З.П. Соколова, А.В. Смоляк, М.А. Членов, А.Ф. Старцев и многие другие, которые прибыли на этот съезд со своими докладами и предложениями.

Этот пример приведён для того, чтобы читатель почувствовал, в какой ситуации происходил выбор единого этнонима для обозначения всех ороков Сахалина. Частично данный процесс зафиксирован в работе Л.И. Миссоновой, где рассматривается вопрос этнонимии ороков. Опираясь на свои полевые материалы, исследовательница затрагивает ряд важных деталей, свидетельствующих об особенностях этнонимии ороков Сахалина, сообщает, что на Северном Сахалине национальность *орочён/орочёнка* в паспортах стала фиксироваться с 1932 г., а на Южном Сахалине – после 1945 г. Исходя из того, что при оформлении официальных документов *орочёны* часто фиксировались как *орочи* или *ороки*, местные органы власти решили ликвидировать это несоответ-

ствие и в 1986 г. при обмене паспортов в графе национальность стали записывать *орок* вместо *орочён*. «Эта акция встретила сильное сопротивление со стороны коренного населения, и областные власти были вынуждены отменить своё решение» [Миссонова. 1996, с. 52].

Ороки Сахалина, считая этноним *орочён(к)а* навязанным советской администрацией, «...стали добиваться официального признания народа как *ульта* (по самоназванию народа). В результате были приняты обращения в Верховный Совет СССР с требованием „вернуть“... народу их самоназвание „ульта“ в качестве официального использования этого определения во всех государственных документах» [Миссонова и др. 2006, с. 132].

В 2002 г. этноним *ульта* использовали в первой переписи населения России. Однако не успел он утвердиться в орокской среде, как выяснилось, что, по рекомендации японского исследователя Дз. Икэгами, он должен звучать и писаться как *уйльта*. «Профессор считает более правильным написание названия народа именно с „й“, и представители народа сейчас это подтверждают. Таким образом, после многолетнего изучения народа проф. Дз. Икэгами... стало очевидным название *уйльта* (разночтения *уйльта/уйльта/ульта* объясняются трудностью передачи русскими буквами звуков данного языка). Разнобой объясняется ещё и тем, что в 1990-х гг. люди считали правильным написание *ульта* без „й“, не придавая этому значения, лишь бы уйти от названия „ороки“ и „орочи“» [Миссонова и др. 2006, с. 141].

Исследование А.Д. Функа и его коллег показало, что инициатором смены этнонимов была местная учительница Е.А. Бибилова, которая внушала соотечественникам, что *ультам* название *орочёны* дали русские. Нас переименовали на *уйльта*, говорили пожилые ороки исследователям, «когда Бибилова сюда переехала. Она где-то там вычитала. А так всю жизнь *орочёнами* были» [Функ и др. 2000, с. 15].

Естественно, инициатива снизу, направленная на возрождение каких-то традиций в духовной культуре и хозяйственной деятельности, всегда приветствовалась на всех уровнях властных структур. Однако не каждая инициатива, проявленная даже продвинутой интеллигенцией, полезна для развития общества и на-

учных изысканий. Особенно это касается проблемы этногенеза ороков Сахалина.

В наши дни на основе современных полевых исследований решить проблему этногенеза ороков Сахалина или выяснить, каким этнонимом лучше называть этот народ, уже не представляется возможным. Необходимы глубокие знания по истории и культуре не только ороков Сахалина, но и эвенов, эвенков, нанайцев, орочей, ульчей, удэгейцев, зарубежных ороченов и других этносов Сибири и Дальнего Востока. Е.А. Бибикову понять можно, она хотя бы интуитивно чувствует, что не может у народа существовать несколько этнических самоназваний, в том числе и у её сородичей, поэтому и ищет оптимальный выход из создавшейся ситуации. Но как понимать специалистов, которые, перечислив 6 этнонимов и более 15 экзонимов, задают вопрос, как же называть этот народ? В поисках ответа идут в народ за подсказкой, в народ, который уже не знает своего языка, не помнит, почему у него появилось много этнических названий, идут в народ, вернее к группе продвинутой интеллигенции, ищущей ответы не у российских, а у японских специалистов.

Проблемой этногенеза и этнической истории ороков Сахалина учёные разных стран занимаются более 150 лет. Но за это время мы не только не приближаемся к её решению, а, наоборот, с каждой новой публикацией отдаляемся от него.

На взгляд автора книги, решить проблему этногенеза ороков Сахалина можно только аналитическим путём, используя скрупулёзно изученные материалы старых мастеров. Естественно, у российских этнографов и исследователей разных специальностей, изучавших Сахалин и его население, мы не найдём прямых ответов на поставленные вопросы, но косвенные материалы, относящиеся к самоназваниям ороков Сахалина и их этногенетическим связям с соседними этносами, обнаружим.

Утверждение аборигенов, что русские оказали значительное влияние на этнонимии ороков Сахалина и народов других регионов Дальнего Востока и Сибири, ошибочно, оно обусловлено полным отсутствием научных знаний у коренного населения Сахалина и недостаточной изученностью этногенеза народа. Если это утверждение практически не коснулось этнонимии эвенов,

негидальцев, эвенков, нивхов и других народов, то оно глубоко затронуло национальную интеллигенцию ороков и негативно отразилась на выборе ею этнонима. Из шести самоназваний ороков Сахалина – *орочён*, *ольча*, *ульча*, *уйльта* (*уилта*), *ульта* и *уйльта*, – существовавших в разные периоды их исторического и этнокультурного развития, непонятно, из каких соображений вначале выбор пал на этноним *ульта*, а через несколько лет – на этническое название *уйльта*.

Если бы изначально этнографы не объединили эти этнонимы, может быть, изучение этногенеза ороков Сахалина пошло бы по другому пути и орокам вместе с этнографами постсоветского периода не пришлось бы культивировать непонятно откуда взявшийся термин *уйльта*, который в наши дни, по мнению некоторых специалистов, считается исконным самоназванием этноса [Миссонова и др. 2006, с. 129]. Согласиться с данным утверждением практически невозможно. Судя по семантическим и этимологическим особенностям этого слова, оно далеко от значений «извечный», «коренной», «первый» и др.

Заканчивая обзор и анализ этнических названий народов низовий Амура и Сахалина, необходимо сказать, что первичным самоназванием ороков был этноним *орочёны*, который достался островитянам от их далёких предков с Охотского побережья. Остальные многочисленные названия – *ольчи*, *ульчи*, *ульта*, *уйльта* и *уйльта* – являются территориальными именами субэтнических групп ороков Сахалина, которые не получили должного развития, как это было у удэгейцев и нанайцев разных территориальных групп, существовавших в XIX–XX вв. В наши дни у ороков Сахалина в опубликованной литературе функционирует только этноним *уйльта*, рекомендованный японским исследователем, но его в практической жизни признали только 72 человека. Это подразумевает, что в скором времени ороки Сахалина вновь начнут «бунтовать» и требовать восстановить историческую справедливость, свидетельствуя своим поведением, что проблема их этногенеза всё ещё не решена. В будущем пролить на неё свет смогут только совместные усилия специалистов уже нового поколения: этнографов, этнологов, филологов, лингвистов, географов, историков и др.

Список использованной литературы и источников

- Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Административно-территориальное устройство Хабаровского края 1938–2009 гг. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2009. 698 с.
- Александрин А. Из поездки по рр. Б. Тымь и Набилъ (в августе 1896 г.) // Сахалинский календарь. Печатано в типографии на о-ве Сахалин, 1897. С. 92–108.
- Алькор (Кошкин) Я.П. Л.Я. Штернберг как исследователь народов Дальнего Востока // Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933. XXXVI с.
- Арсеньев В.К. Краткий военно-географический очерк Уссурийского края (1901–1911 гг.) с приложением. Хабаровск, 1912. 324 с.
- Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток: «Книжное дело», 1928. 84 с.
- Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы // Сочинения. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 137–188.
- Арсеньев В.К. Русско-орочский словарь: Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев / сост. А.Х. Гирфанова, Н.Л. Сухачёв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 495 с.
- Арсеньев В.К. Жизнь и приключения в тайге // Собр. соч. в 6 т. 2-е доп. изд. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. Т. 2. С. 5–206.
- Арсеньев В.К. В горах Сихотэ-Алиня // Собр. соч. в 6 т. 2-е доп. изд. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011а. Т. 2. С. 207–452.
- Арсеньев В.К. Этнологические проблемы на востоке Сибири // Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2012. Т. 3. С. 547–578.
- Арсеньев В.К. Наши американоиды // Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2012а. Т. 3. С. 535–542.

- Бошняк Н.К. Экспедиции в При-Амурском крае: Экспедиция на Сахалин с 20 февраля по 3 апреля 1852 года // РГО, 1858. С. 179–194.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 413 с.
- Бурыйкин А.А. Эвенкийские и эвенские этнонимы Охотского побережья // ЗАЙМКА.RU: электронный журнал «Сибирская заимка». № 7. 2000. Рубрика «Языки и фольклор». URL: http://zaimka.ru/to_sun/burykin2.shtml (дата обращения: 23.12.2014).
- Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой расселения по Сибири: докл. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, авг. 1964 г.). М.: Наука, 1964. С. 1–11.
- Василевич Г.М. Эвенки: ист.-этногр. очерки (XVIII–XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Василевич Г.М. Топонимы тунгусского происхождения // Этнография имён. М.: Наука, 1971. С. 160–171.
- Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. № 1. С. 3–22.
- Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР // Статус малочисленных народов России: Правовые акты. М., 1999. Кн. 2. С. 26–32.
- Гирфанова А.Х. Словарь удэгейского языка. СПб.: Наука, 2001. 476 с.
- Гирфанова А.Х. Учебный тематический словарь удэгейского языка. СПб.: Филол. фак-т, 2012. 96 с.
- Горский В. Начало и первые дни Маньчжурского дома // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1852. Т. 1. С. 43–44.
- Глуздовский В. Galalogue de Museum de Societe pour etudier la region de l'Amour [Каталог Музея Общества изучения Амурского края] // Записки ОИАК (Владивостокского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества). Владивосток, 1907. Т. 11. Ч. 1. 127 с.
- Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Наука, 1966. 276 с.
- Долгих Б.О. Расселение народов Сибири в XVII веке // Сов. этнография. М.: Изд-во АН СССР, 1952. № 3. С. 76–84.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. LV. 623 с.
- Золотарёв А. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века // Историк-марксист. 1938. № 2. С. 71.
- Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
- Иванов С.В. Старинное зимнее жилище ульчей // Сб. МАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 60–124.
- История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
- История и культура дальневосточных эвенков: ист.-этногр. очерки. СПб.: Наука, 2010. 334 с.

- История и культура негидальцев: ист.-этногр. очерки. Владивосток: Дальнаука, 2014. 350 с.
- Исторические отчёты физико-географических исследований начальника физического отдела Сибирской экспедиции магистра Ф.Б. Шмита и его помощника П.П. Глена. СПб., 1866. 119 с.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв.: Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. Кн. 1. 424 с.
- Каргер Н. Родовой состав ульчей // Сов. Север. 1931. № 5. С. 110–125.
- Климов Г.А. О глоттохронологическом методе датировки распада праязыка // Вопросы языкознания. М., 1959. № 2. С. 119–121. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/klimov-59.htm> (дата обращения: 25.09.2014).
- Коренные малочисленные народы Севера Хабаровского края: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2005. 102 с.
- Кормушин И.В. Удэгейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998. 320 с.
- Косарев В.Д. Ороки (ульта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными // Культурное наследие народов Дальнего Востока России Сахалинской области. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. обл. краевед. музей, 2009. С. 17–31.
- Косарев В.Д. Орочёны – ороки – ульта: о спорных моментах этнонимии и этногенеза // KOSAREV.PRESS.MD: персональный сайт В.Д. Косарева. Южно-Сахалинск, 2012. URL: <http://kosarev.press.md/Orochons%20-%20oroks%20-final.htm> (дата обращения: 25.09.2014).
- Крадин Н.Н. Политическая антропология: учеб. пособие. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 215 с.
- Крейнович Е.А. Из истории заселения Охотского побережья (по данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // Страны и народы Востока. Вып. 20. М.: Наука, 1979. Кн. 4. С. 186–201.
- Кузнецов А.И. Ульта о. Сахалина через 86 лет после Бронислава Пилсудского // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: матер. междунар. науч. конф. 31 окт. – 2 нояб. 1991 г. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 142–147.
- Кюннер Н.В. Китайские исторические данные о народах Севера // Учен. зап. ЛГУ. Серия историческая. Л.: Наука, 1949. Вып. 1. С. 92–102.
- Ларькин В.Г. Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т. 1. С. 193–208.
- Ларькин В.Г. Материальная культура удэгейцев до установления советской власти // Труды ДВФ СО им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Благовещенск: Амур. кн. изд-во, 1963. Т. 5. С. 66–83.
- Ларькин В.Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. 176 с.

- Левин М.Г. Антропологические типы Амура и Охотского побережья // КСИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып. 1. С. 65–68.
- Левин М.Г. Антропологические типы Охотского побережья // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2. С. 84–102.
- Левин М.Г. Амуро-сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 5. С. 19–24.
- Левин М.Г. Антропологические исследования на Амуре и Сахалине // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949а. Вып. 5. С. 25–31.
- Левин М.Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (к проблеме этногенеза народов Северной Азии) // Сов. этнография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 2. С. 51–64.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 36. 360 с.
- Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1989. 457 с.
- Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Ист.-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Липский А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племён бассейна Амура // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского). Хабаровск, 1925. С. V–LI.
- Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования // Зап. ОИАК ВОПОРГО. Владивосток: 1922. Т. 17. 370 с.
- Лопатин И.А. Орочи – сородичи маньчжур. Харбин, 1925. 25 с.
- Лукс К.Я. Туземное административное и кооперативное районирование низовьев Амура // Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). Хабаровск; Благовещенск: Изд-во Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. С. 82–92.
- Мангу, или Мангуны // Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. по поручению ИРГО действительный член общества П. Семёнов, при содействии действительных членов В. Зверинского и Л. Майкова. СПб., 1867. Т. 3. С. 165.
- Мевзос Г.М. Обследование туземного хозяйства низовьев Амура 1927–28 года (пояснения к таблицам) // Туземное хозяйство Низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). Хабаровск; Благовещенск: Изд-во Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. С. 5–81.
- Мевзос Г.М. Туземное хозяйство в низовьях Амура (в 1927–28 г.) // Туземное хозяйство Низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). Хабаровск; Благовещенск: Изд-во Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929а. С. 93–140.

- Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 247 с.
- Меркушев Р.В. Статистическое обследование инородцев Сахалинской области // Сб. статей о прошлом и настоящем / под общ. ред. губернатора Д. Григорьева. Сахалин, 1913. С. 21–63.
- Миссонова Л.И. Этнонимия ульга Сахалина // Имя и этнос. Общие вопросы ономастики: этнонимия, антропонимия, теонимия, топонимия. М., 1996. С. 51–56.
- Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: Основные проблемы исследований // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 61–81.
- Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 295 с.
- Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX – начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 1. С. 129–145.
- Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 года до переписей XXI века. Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 223. 88 с.
- Миссонова Л.И. Этнокультурная динамика жизнедеятельности уйльта. URL: <http://all-referats.com/diploms/diplom-24102.html> (дата обращения: 28.04.2013).
- Миссонова Л.И. Оленеводство и идентичность уйльта Сахалина (советский и постсоветский периоды) // Acta Slavica Iaponica. 2009. Т. 27, Pp. 177–199. URL: <http://www.ceeol.com/aspx/getdocument.aspx?logid=4&id=e9377107-a8a2-41ff-8dd6-67c88a195bd9> (дата обращения: 28.06.2014).
- Мыльникова К.М., Цинциус В.И. Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Т. 1. С. 107–218.
- Надаров И.П. Северно-Уссурийский край // Зап. РГО. СПб., 1887. Т. 17. С. 75–76.
- Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России (1849–1855). Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 424 с.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 244 с.
- Озолина Л.В., Федяева И.Я. Орокско-русский и русско-орокский словарь. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2003. 296 с.
- Озолина Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Акад. изд-во «ГЕО». 2013. 376 с.
- Ольчи или мангуны // Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1897. Т. 42. С. 924.
- Ороки // Энциклопедический словарь. СПб.: Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1897. Т. 43. С. 178.
- Орочоны, иначе *орочи*, *ороки* или *оленные тунгусы* // Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. по поручению ИРГО действительный член общества П. Семёнов, при содействии действительных членов В. Зверинского и Л. Майкова. СПб., 1867. Т. 3. С. 705–706.

- Отчёт Б.О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903–1905 гг. Б.м.: Тип. ИАН. Б.г. Отдельный оттиск (Библиотека ОИАК, г. Владивосток). 32 с.
- Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении М.С. Мицуля. СПб., 1873. 159 с.
- Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки ИРГО по отделению этнографии. Ч. 2: Прочие тунгусские племена. СПб., 1906. Т. 31. 208 с.
- Певнов А.М. О своеобразии исторической фонетики орокского языка // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei – an the history of Polish-Japanese relations: Materials of the third international. Conference on Bronislaw Pilsudski and his scholarly heritage. Krakow – Zakopane 29/8-7/9 1999. Ed. by Alfred F. Majewicz and Tomasz Wicherkiewicz. Poznan, 2001. Pp. 213–218.
- Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьёй А. Липского). Хабаровск, 1925. 139 с.
- Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. М; Л.: Учпедгиз, 1936. 123 с.
- Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
- Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Препр. Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО АН СССР, 1989. 76 с.
- Письма Г. Брылкина с Сахалина // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1864. Кн. 7. С. 1–51.
- Поколение // Большая Советская Энциклопедия. М., 1975. № 20. С. 165.
- Поляков И.С. Путешествие на остров Сахалин в 1881–1882 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 112 с.
- Попов Н. Река Поронай и её инородческое население // Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина. Печатано в типографии на острове Сахалин, 1895. С. 3–15.
- Попов А.А. Жилище // Ист.-этногр. атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–226.
- Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.
- Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 г. Р. Мааком. СПб.: Изд-во С.Ф. Соловьёва, 1859. 260 с.
- Райзман Д. Путёвку дала культбаза // KOLYMA.RU: Магаданский региональный информационный центр. URL: <http://www.kolyma.ru/index.php?newsid=1311> (дата обращения: 18.04.2013).
- Роон Т.П. Уйльта Сахалина: ист.-этногр. исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина. Печатано в типографии на острове Сахалин, 1895. С. 118.

- Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времён до наших дней). Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С. 79–87.
- Сем Ю.А. Из этнической истории малых народов южной части советского Дальнего Востока в XVIII – первой половине XIX в. // Материалы по истории и культуре народов Дальнего Востока (доклады, сообщения, заметки) / Материалы симпозиума по проблеме «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке» (Владивосток, март 1969 г.). Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1973. Вып. 1. С. 9–41.
- Сем Ю.А., Захарова И.А. Эвенская топонимика // Филология народов Дальнего Востока (ономастика). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С. 74–85.
- Сем Л.И. Общая характеристика орокского языка // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времён до наших дней). Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С. 87–94.
- Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. 212 с.
- Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь: этнографические исследования // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. 14. 157 с.
- Сипин Н.С. Случайные заметки (размышления об этногенезе коренных малочисленных народов Амура и Сахалина). Хабаровск: Хабар. краев. тип., 2013. 240 с.
- Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самоназвание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012. 604 с.
- Смоляк А.В. К вопросу о происхождении ороков // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 21. С. 33–38.
- Смоляк А.В. Состав, происхождение и расселение ульчских родов (середина XIX – вторая четверть XX в.) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Сибирский этнографический сб. № 5. М.: АН СССР, 1963. Т. 84. С. 142–167.
- Смоляк А.В. Южные ороки (Этнографические заметки) // Сов. Этнография. 1965. № 1. С. 28–42.
- Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 43–77.
- Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975а. 232 с.
- Смоляк А.В. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 177–195.

- Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 223–257.
- Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «Три Л», 1998. 288 с.
- Соколовский С.В. Территории традиционного природопользования Сахалина (обоснование проекта) // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 160–187.
- Соловьёв В.Ф. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 1973. 282 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
- Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток: ДВО РАН, 1996. 159 с.
- Старцев А.Ф. Преследования В.К. Арсеньева продолжают последователями Арнольда Липского (Куренкова) // Газета «Новости». Владивосток, 1997, 25 апр. С. 7.
- Старцев А.Ф. Некоторые аспекты проблемы этногенеза удэгейцев // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 2. С. 75–86.
- Старцев А.Ф. «Наследник» Золотой империи. Владивосток: Дальнаука, 2007. 204 с.
- Старцев А.Ф. Этническая история и проблема этногенеза удэгейцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновский чтения): сб. науч. статей. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 205–215.
- Старцев А.Ф. Миграция населения Приамурья, Приморья и Охотского побережья в XVII столетии // Дальний Восток России (вторая половина XIX – начало XXI в.). Благовещенск, 2012. С. 18–22. URL: http://museumamur.org/uploads/Dalinyi-Vostok/4_THE_MIGRATION_OF_THE_POPULATION_OF_THE_AMUR_REGION_PRIMORYE_TERRITORY.doc (дата обращения: 15.03.2014).
- Старцев А.Ф. Время переселения предков уйльта на Сахалин // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация: материалы 4-х Кузнецовских чтений (Чита, 11–13 апр. 2012 г.). Чита, 2012а. С. 160–165.
- Старцев А.Ф. Новый взгляд на проблему этногенеза ульта (ороков) Сахалина // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области: материалы науч.-практ. конф. (24 янв. 2012 г.). Южно-Сахалинск: ГУП «Сахалин. обл. тип.», 2012б. С. 297–304.
- Старцев А.Ф. К проблеме этногенеза и этнической истории ороков Сахалина // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: материалы IV между. заоч. науч.-практ. конф. Ч. I (15 авг. 2012 г.). М.: Изд-во Междунар. центр науки и образ., 2012в. С. 66–87.
- Старцев А.Ф. Этногенетические проблемы: внутренние и внешние причины миграции населения Приамурья, Приморья и Охотского побережья в XVII в. //

- Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко: материалы регион. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 21 октября 2012 г.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. С. 124–131.
- Старцев А.Ф. Этногенез и этническая история негидальцев // Вестник ДВО РАН. Владивосток: ДВО РАН, 2012д. № 1. С. 108–113.
- Старцев А.Ф. Этногенетические проблемы: этническая основа уйльта Сахалина // Россия и АТР. Владивосток, 2013. № 2. С. 174–180.
- Старцев А.Ф. К проблеме происхождения уйльта Сахалина // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история Саха: материалы Всерос. интердисциплинарной науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилёва (г. Якутск, 24–26 окт. 2012 г.). Новосибирск: Наука, 2014. С. 143–151.
- Старцев А.Ф. Анализ этнических названий: к проблеме происхождения народов низовьев Амура и Сахалина // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 2. С. 199–217.
- Старцев А.Ф. Этнонимы ороков Сахалина и их этимология в отечественной этнографической литературе // IX междунар. науч.-практ. конф.: «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» / Национ. ассоц. учёных (НАУ). Ежемес. науч. журн. № 4(9). 2015. Ч. 5. С. 56–62.
- Старцев А.Ф. Распространение понятия орочен-оленеводы у тунгусо-маньчжурских этносов Сибири и Дальнего Востока // Евразийский Союз ученых: XIV междунар. науч.-практ. конф. «Современные концепции научных исследований». М.: 2015. № 5(14). Ч. 6. С. 102–109.
- Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1968. Вып. VI. С. 29–42.
- Туголуков В.А. Проблема этнонима орочен в тунгусоведении // Имя и этнос. Общие вопросы ономастики: этнонимия, антропонимия, теонимия, топонимия. М., 1996. С. 43–50.
- Туголуков В.А. Этногенез и этническая история // История и культура эвенов: ист.-этногр. очерки. СПб.: Наука, 1997. С. 13–57.
- Туземное хозяйство низовий Амура в 1927–28 году (По материалам обследования 1928 года). Хабаровск; Благовещенск: Изд-во Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. 151 с.
- Тураев В.А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1990. 220 с.
- Туров М.Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. Иркутск: Изд-во «Амтера», 2008. 228 с.
- Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.
- Хавовская Л.Н. Эвены Магаданской области: к проблеме этнонимии // Этнографическое обозрение. 2009, № 2. С. 68–75.

- Шавкунов Э.В. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I–III вв. н.э. // Труды ДВФ СО АН СССР им. В.Л. Комарова. Серия историческая. Саранск, 1959. Т. 1. С. 37–74.
- [Шимкевич П.П.] Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна Амгуни П.П. Шимкевича члена ПОИРГО // Труды ПОИРГО за март 1895 г. Хабаровск, 1895. Вып. 1: Приложение к № 63 «Приамурских Ведомостей» за 1895 г. С. 1–22.
- Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.-Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1936. 148 с.
- Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1883. Т. 1. 323 с.
- Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Этнографическая часть. Первая половина: главные условия и явления внешнего быта. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1899. Т. 2. 314 с.
- Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
- Японско-русский учебный словарь иероглифов / Н.И. Фельдман-Конрад. М., 2001. 680 с.
- Shiro Sasaki. Anthropological Studies of the Indigenous Peoples in Sakhalin in Pre-Wartime and Wartime Japan // Wartime Japanese Anthropology in Asia and the Pacific. Senri Ethnological Studies 65. Osaka: National Museum of Ethnology, 2003. Pp. 151–168.

Список сокращений

- АН СССР** – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- АТР** – Азиатско-Тихоокеанский регион
- БГПУ** – Благовещенский государственный педагогический университет
- ВОПРОГО** – Всероссийский отдел Приамурского отдела Русского географического общества
- ДАЛЬГИЗ** – Дальневосточное государственное издательство
- ДАЛЬНАУКА** – Издательство Дальневосточная наука
- ДВНЦ** – Дальневосточный научный центр АН СССР
- ДВФ СО АН СССР** – Дальневосточный филиал сибирского отделения им. В.Л. Комарова академии наук СССР
- ИЭ** – Институт этнографии
- ИЭА РАН** – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
- ИМГиГ ДВО АН СССР** – Институт морской геологии и географии Дальневосточного отделения Российской академии наук
- ИИАЭ ДВО РАН** – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
- КСИЭ** – Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
- ЛГУ** – Ленинградский государственный университет

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
«Кунсткамера» РАН

ОИАК – Общество изучения Амурского края

ПРИМИЗДАТ – Приморское издательство

ПОИРГО – Приамурский отдел Императорского Русского географического общества

РГО – Русское географическое общество

РИО – Редакционно-издательский отдел

РИОТИП – Издательство краевой типографии г. Хабаровска

СПБГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографическое обозрение

Научное издание

Анатолий Фёдорович Старцев

**ОРОКИ – ОРОЧЁНЫ, А НЕ УЙЛЬТА!
К проблеме этногенеза ороков Сахалина**

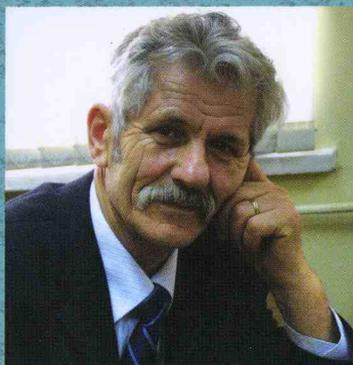
Отпечатано с оригинал-макета, предоставленного заказчиком,
минуя редподготовку в «Дальнауке» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Художник Г.П. Писарева
Редакторы Гришко М.А., Киселёва М.С.

Подписано в печать 26.10.2015 г.
Печать офсетная. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 10,25. Уч.-изд. л. 9,46. Тираж 300 экз. Заказ 76

ФГУП «Издательство Дальнаука»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7
Тел. 231-23-59. E-mail: irina@dnph.dvo.ru

Отпечатано в Информационно-полиграфическом хозрасчетном центре
ТИГ ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

СТАРЦЕВ АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ

Доктор исторических наук, лауреат премии имени В.К. Арсеньева, зав. Отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Имеет более 190 работ, в том числе 5 индивидуальных и 12 коллективных монографий. Специалист по материальной культуре, хозяйственной деятельности и общественным отношениям КМНС Приамурья, Приморья и Сахалина.